

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Гуманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Афтахова А.В.

Взаимосвязь трудовых и социальных прав для обеспечения прав и интересов родителей по воспитанию детей 7

Гринева А.В.

К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей 16

Актуальные вопросы публичного права

Баранов И.В.

Некоторые конституционно-правовые и международно-правовые аспекты статуса современного русского языка 30

Дорофеева С.Н.

Защита интересов несовершеннолетних детей с помощью административных мер и процедур 36

Мендель А.С.

Альтернативные формы внесудебного разрешения административных споров 47

Орлов А.В.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе на современном этапе.....58

Рязанова Е.А.

Право на жилище: эволюция и конституционное закрепление.....68

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Емелина Л.А., Яворский С.А.

Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения 76

Жуков Ф.Ф.

Разрешение на строительство как основание для возникновения гражданских прав и обязанностей 86

Карпенюк О.С.

Законы логики в гражданском и арбитражном процессах: применение и последствия их нарушения 95

Кокова Д.А.

К вопросу об эффективности судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних 105

Пономарев Д.А.

Личное трудовое участие как факультативный признак семейного предпринимательства 116

Юстус О.И.

Финансовая культура как одно из условий эффективной финансовой деятельности налоговых и таможенных органов 125

Вопросы истории государства и права

Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю.

Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России 137

Проблемы организации учебного процесса

Дронова Ю.А., Козлова Н.Н.

Конституционные ценности как значимый фактор формирования компетенций в образовательном процессе: преемственность среднего общего и высшего образования 146

Трибуна молодого ученого

Баунов И.В.

Некоторые примеры использования категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи 161

Елизарова М.Ю.

Реализация права судьи на защиту своего изображения 168

Феоктистов П.А.

Комплексная законодательная конструкция опосредования конституционного права на жилище 181

CONTENT

Topical issues of private law

Aftakhova A.

Interrelation between labor and social rights to ensuring the rights and interests of parents in raising children 7

Grineva A.

On the issue of the identity of the status of parents and adoptive parents 16

Topical issues of public law

Baranov I.

Some constitutional-legal and international-legal aspects of the status of the modern russian language 30

Dorofeeva S.

Protection of the interests of minor children through administrative measures and procedures 36

Mendel A.

Alternative forms of out-of-court settlement of administrative disputes 47

Orlov A.

Legal regulation of operational investigative activities in the penal enforcement system at the present stage 58

Ryazanova E.

The right to housing: evolution and constitutional consolidation 68

Topical issues of science and law enforcement practice

Emelina L., Yavorsky S.

Judicial law-making in the era of digitalisation: prospects and limitations 76

Zhukov F.

Building permission as a basis for the emergence of civil rights and obligations 86

Karpenyuk O.

Logical laws in civil and arbitral proceedings: application and consequences of their violation 95

Kokova D.

On the question of the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of minors 105

Ponomarev D.

Personal labor participation as an optional characteristic of family entrepreneurship 116

Justus O.

Financial culture as one of the conditions for effective financial activity of tax and customs authorities 125

Issues of state history and law

Zarubina K., Chapchikov S.

The institute of plurality as a legal means of combating professional crime in pre-revolutionary Russia 137

Problems of organization of the educational process

Dronova Yu., Kozlova N.

Constitutional values as a significant factor in the formation of competences in the educational process: continuity of secondary general and higher education 146

Tribune of young scientist

Bazunov I.

Some examples of the category "good faith" use in the marriage and family legislation of the Russian empire 161

Elizarova M.

Exercising a judge's right to protect his image 168

Feoktistov P.

A comprehensive legislative framework for the mediation of the constitutional right to housing 181

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.61

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.007

Взаимосвязь трудовых и социальных прав для обеспечения прав и интересов родителей по воспитанию детей

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию вопроса о взаимосвязи норм трудового права и права социального обеспечения в целях обеспечения прав и законных интересов членов семей с детьми. Автор анализирует особенности организации системы социальной поддержки семей с детьми и, прежде всего, матерей. В целях формирования единой, целостной и нормативно регламентированной системы социальной поддержки семей с детьми сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства. Проанализированы отдельные меры социальной поддержки с точки зрения обеспечения трудовых и социальных прав женщин с детьми.

Ключевые слова: социальная поддержка семей, социальная поддержка матерей, трудовые права женщин, комфортное родительство.

2024 год объявлен Президентом РФ Годом семьи [8]. Семья – это не просто ячейка общества, это важнейший институт, который является основой государственности. Именно поэтому семья, материнство, отцовство и детство находятся под охраной государства, а обеспечению благополучия семьи уделяется большое внимание на законодательном уровне.

Современная демографическая ситуация в стране определяет основные направления социальной политики в отношении семей с детьми, а также молодых семей с целью повышения рождаемости, престижа материнства, родительства, многодетности и семейного уклада жизни. Основными методами решения демографической проблемы первоначально выступали социально-обеспечительные механизмы, направленные на поддержку семей с детьми, среди которых отдельно следует выделить материнский (семейный) капитал, который был введен в качестве меры дополнительной социальной поддержки семей с детьми в 2007 г. [6]. В дальнейшем законодательство в сфере социального обеспечения развивалось в направлении увеличения количества и повышения многообразия мер социальной поддержки различных категорий семей, что в результате привело к формированию разветвленной неструктурированной системы мер социальной

поддержки семей с детьми. При этом данные системы формировались как на федеральном, так и на региональном уровнях.

На данный момент законодателем предпринята попытка структурировать систему мер социальной поддержки семей с детьми, объединив ряд пособий в «ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка» – так называемое «единое детское пособие», которое может выплачиваться семьям вплоть до достижения ребенком возраста 17 лет. При этом семья должна быть признана нуждающейся в получении данного пособия, т.е. подходить под критерии, установленные действующим законодательством.

Так, в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (далее – закон № 81-ФЗ) право на ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка предоставляется нуждающимся в социальной поддержке беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 17 лет, при условии, если они являются гражданами Российской Федерации и постоянно проживают на территории Российской Федерации [8]. Таким образом, условиями для назначения данного вида пособия являются:

– нуждаемость в социальной поддержке, которая определяется, как было указано выше, размером среднедушевого дохода семьи. Данный доход рассчитывается в соответствии с ч. 6 ст. 9 закона № 81-ФЗ и не должен превышать величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в субъекте РФ по месту жительства (пребывания) или фактического проживания заявителя в соответствии с Федеральным законом от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [7] на дату обращения за назначением пособия;

– беременность (на сроке шесть и более недель при условии, что женщина встала на учет в медицинской организации на сроке до 12 недель) или наличие ребенка в возрасте до 17 лет, проживающего на территории Российской Федерации;

– гражданство Российской Федерации.

Несмотря на некоторые ограничения по уровню материального положения получателей, данная мера поддержки, безусловно, имеет важное значение, является востребованной среди населения, однако не может комплексно повлиять на решение проблемы с рождаемостью в стране.

Исходя из анализа системы социального обеспечения семей с детьми можно сделать вывод, что законодательное регулирование социально-обеспечительных отношений в сфере поддержки материнства, отцовства и детства направлено, прежде всего, на оказание адресной помощи семье, имеющей детей. При этом законодатель исходил из того, что семья, имеющая детей, как правило является

малоимущей, т. е. среднедушевой доход на каждого члена семьи с детьми ниже прожиточного минимума. Однако такой подход не всегда правильно воспринимается в обществе с психологической точки зрения, т. к. может привести к тому, что члены семьи:

- скрывают свои реальные доходы, предпочитают неофициальные источники заработка или вовсе не работают, рассчитывая на помощь от государства;

- не желают, чтобы семья официально была признана малоимущей, т.к. имеют определенные предрассудки;

- являясь получателем пособия, полагают, что данной суммы недостаточно для обеспечения комплексной поддержки семьи.

Для борьбы с подобными негативными явлениями разрабатываются новые законопроектные инициативы. На данный момент можно сказать о том, что формируется относительно новый подход к поддержке материнства и детства, который связан с тем, что молодой матери необходимо обеспечить возможность трудиться, совмещать уход за ребенком и трудовую деятельность. Именно поэтому право социального обеспечения и трудовое право выступают в совокупности как гарантия достойного будущего для матери. При этом трудовое право выступает на первый план, поскольку возможность трудиться и получать достойную оплату своего труда освобождает женщину от необходимости обращаться за мерами социальной поддержки, т. к. она не будет нуждаться в дополнительной помощи от государства. Данная ситуация также является важной с экономической точки зрения, т. к. в случае официальной занятости женщина является налогоплательщиком и плательщиком страховых взносов.

Возможность сохранения рабочего места в течение трех лет с момента рождения ребенка – важная гарантия обеспечения трудовых прав женщин. Согласно ст. 261 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) расторжение трудового договора с женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, по инициативе работодателя не допускается (за исключением увольнения по основаниям, предусмотренным пп. 1–8, 10 или 11 ч. 1 ст. 81 или п. 2 ст. 336 ТК РФ) [2]. Вместе с тем, до недавнего времени женщине, родившей ребенка и до достижения ребенком 1,5 лет, предоставлялся выбор – продолжать трудовую деятельность или получать пособие по уходу за ребенком, находясь в одноименном отпуске. Именно эта обязательная альтернатива порождала большое количество различных злоупотреблений и манипуляций со стороны женщин, желающих продолжать трудовую деятельность, иметь доход, получая при этом соответствующее пособие. При этом суды достаточно однозначно рассматривали данный вопрос, указывая, что предназначением данного пособия является осуществление ухода за ребенком, не достигшим возраста 1,5 лет. Осуществление трудовой деятельности, т. е. нахождение женщины на рабочем месте, очевидно

препятствует осуществлению ухода в необходимом ребенку объеме, поэтому выплачивать данное пособие женщине, которая работает, а не ухаживает за ребенком, незаконно и нецелесообразно.

Размер данного пособия составляет 40 % среднемесячного заработка женщины, на который начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством за последние два года и ограничен минимальной и максимальной величиной. В частности, с 01.02.2024 г. минимальный размер пособия по уходу за ребенком составляет 9 227 руб. 24 коп., а максимальный – 49 123 руб. 12 коп. [10, 11]. В любом случае, денежная сумма в размере 40 % от среднемесячного заработка не позволяет в полном объеме обеспечить финансовые потребности женщины, осуществляющей уход за ребенком, с учетом того, что существенная часть этих денежных средств направляется на обеспечение нужд ребенка.

Таким образом, невозможность совмещения работы и получения пособия по уходу за ребенком вынуждала женщин искать пути решения. Выбор был из нескольких вариантов: или неофициальная занятость, или оформление пособия на одного из родственников. В результате сформировалась тенденция, когда в «декретный отпуск» уходит отец ребенка или другой родственник, фактически осуществляющий уход за ребенком, а мама выходит на работу. Подобная ситуация не устраивала многих женщин, и после внесения изменений до конца 2023 г. было установлено, что во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком женщине или другому родственнику, осуществляющему уход, предоставлялась возможность работать на условиях неполного рабочего времени или на дому (в дистанционном формате).

Федеральными законами от 19.12.2023 г. № 614-ФЗ и № 620-ФЗ внесены поправки в ст. 256 ТК РФ, в ст. 13 закона № 81-ФЗ и в ст. 11.1 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [3, 4].

С 01.01.2024 г. в соответствии со ст. 256 ТК РФ право на ежемесячное пособие по уходу за ребенком сохраняется в случае, если лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком, выходит на работу (в том числе на условиях неполного рабочего времени, работы на дому или дистанционной работы) из отпуска по уходу за ребенком ранее достижения ребенком возраста полутора лет или в период этого отпуска работает у другого работодателя. Более того, из буквального толкования вышеуказанного положения следует, что лица, осуществляющие уход за ребенком, могут получать одноименное пособие даже при условии выхода на работу на полный рабочий день.

Безусловно, данную инициативу следует оценить положительно, поскольку получение пособия по уходу за ребенком позволяет даже при условии сохранения предыдущего уровня дохода обоими родителями обеспечить финансовую стабильность семьи, исходя из потребностей нового ее члена. Кроме того, женщина, не отрываясь от профессиональной деятельности, сохраняет способность эффективно выполнять трудовые обязанности, имеет перспективы карьерного роста. Следует также отметить, что в ситуации, когда молодая мама имеет возможность работать, сохраняется стабильное психологическое состояние женщины, которая находится в привычном окружении, не «выпадает» из общества. В то же время, учитывая изменившиеся условия предоставления данного вида пособия, представляется целесообразным пересмотреть и его название, поскольку совершенно очевидно, что человек, работающий полный рабочий день, не имеет физической возможности осуществлять уход за ребенком.

Дополнительно следует отметить, что женщины, которые находятся в отпуске по уходу за ребенком, существенно ограничены в формировании своих пенсионных прав. Безусловно, в силу прямого указания пп. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 28.12.2023 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – ФЗ «О страховых пенсиях») период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более шести лет в общей сложности включаются в страховой стаж [5]. Однако при определении права на страховую пенсию и ее размера имеет значение несколько параметров, к которым относятся возраст, стаж и количество пенсионных баллов (индивидуальный пенсионный коэффициент, далее – ИПК). В соответствии с ч. 3 ст. 8 ФЗ «О страховых пенсиях» страховая пенсия по старости назначается при наличии величины ИПК в размере не менее 30. При этом ч. 12 ст. 15 указанного Федерального закона установлено, что в отношении периода ухода одного из родителей за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет размер ИПК составляет 1,8 за один календарный год, за вторым ребенком – 3,6, за третьим или четвертым – 5,4. Таким образом, осуществление ухода за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет не обеспечит получения большого количества пенсионных баллов, что в последующем негативно отразится на пенсионном обеспечении матери, поскольку размер будущей страховой пенсии напрямую зависит от количества пенсионных баллов пенсионера.

Рассмотренная ситуация с формированием пенсионных баллов у женщины, имеющей детей и находящейся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, также свидетельствует о необходимости продолжения трудовой деятельности матери после рождения ребенка. Однако осуществление трудовой деятельности при наличии малолетнего ребенка сопряжено для матери со значительными

трудностями – кормление ребенка, осуществление присмотра, общение и развитие малыша требуют большого количества времени и усилий. Поэтому полагаем целесообразным на государственном уровне создать необходимые условия для комфортного материнства, чтобы будущая мама была уверена, что за ней не только «сохранится» рабочее место, но и будет обеспечена возможность совмещения работы и осуществления родительских обязанностей. В частности, необходимо продолжить активно развивать систему детских садов, в том числе ясельного типа.

Большое количество женщин воспользовались возможностью оформления специального налогового режима «налог на профессиональный доход», который позволил им «выйти из тени», оказывая свои услуги. В настоящее время продолжается реформирование системы социальной поддержки семей самозанятых. Если ранее предоставление большинства социальных выплат находилось в прямой зависимости от факта официального трудоустройства, то сейчас некоторые пособия могут получать семьи, где один из членов оформил специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход» (при этом второй родитель может быть не трудоустроен). В частности, таким пособием является ранее упомянутое единое ежемесячное пособие на детей до 17 лет. Однако важно отметить, что деятельность самозанятого должна приносить официальный доход, минимальный размер которого установлен действующим законодательством.

Вместе с тем остались пособия, предоставление которых самозанятым невозможно в связи с тем, что они не уплачивают страховые взносы. Важно отметить, что в случае, если самозанятая женщина регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя и уплатит необходимые страховые взносы (обязательные и добровольные), она также приобретет право на получение пособий, предоставление которых предусмотрено исключительно для работающих граждан. Размер такой поддержки зависит от размеров внесенных платежей и, как правило, существенно ниже размеров пособий работающих граждан.

В завершении исследования необходимо отметить еще одну категорию граждан, которая нуждается в особой поддержке от государства – это студенческие семьи. Студенчество – время активной социализации, поиска и профессионального становления и вместе с тем время построения отношений, в том числе и семейных. Учитывая, что государственная политика направлена на стимулирование многодетности, большинство специалистов солидарны во мнении – первый ребенок должен появиться в семье как можно раньше. Вместе с тем, как представляется, студенческие семьи не в достаточной степени поддерживаются государством: большинство пособий и иных мер поддержки предоставляются студентам исходя из размера

академической стипендии или не предоставляются вовсе, а дополнительными мерами поддержки студенты не всегда могут воспользоваться. В результате студенческая молодежь в большинстве своем не стремится к официальным отношениям, семейному укладу жизни, а рождение детей оставляет «на потом».

Ситуация может быть изменена, если на государственном уровне будет обеспечен надлежащий уровень социальной поддержки студенческого материнства, с сохранением комфортной возможности совмещать учебу и уход за ребенком, получением социальных пособий и иных мер социальной поддержки на достойном уровне. Следует отметить, что определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, при применении правила «нулевого дохода» считается уважительной причиной для отсутствия заработка прохождение обучения по очной форме. Следовательно, студенческая семья может претендовать на получение единого ежемесячного пособия, которое выплачивается семьям с низкими доходами.

Подводя итог, следует отметить, что система предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми постоянно реформируется. Это связано с особенностями реализации демографической политики, потребностями общества, а также обусловлено сложившейся политической и внешнеэкономической ситуацией. Эти изменения преимущественно направлены на обеспечение комфортного родительства и материнства, создание гарантий социального благополучия и экономической стабильности семей с детьми. Вместе с тем нельзя допустить, чтобы эти изменения носили хаотичный, беспорядочный и бессистемный характер, превращаясь из работающих социально-обеспечительных механизмов в массив нормативно-правовых актов. В этой связи важнейшее значение имеет взаимосвязь трудового права и права социального обеспечения, поскольку социализация любого взрослого человека неразрывно связана с положением в обществе, построением карьеры, реализацией трудового потенциала. В случае, если женщина будет получать достойную оплату своего труда, будут созданы условия для совмещения материнства и выполнения трудовой функции, материнство не будет так сильно пугать молодых женщин перспективой «выпасть на несколько лет из рабочего процесса». Напротив, успешное совмещение работы и материнства позволит женщине максимально реализовать свой потенциал.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «ГАРАНТ».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СПС «ГАРАНТ».

3. Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 614-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ».

4. Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 620-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей” и статью 11.1 Федерального закона “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством”» // СПС «ГАРАНТ».

5. Федеральный закон от 28.12.2023 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «ГАРАНТ».

6. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ».

8. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СПС «ГАРАНТ».

9. Указ Президента РФ от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС «ГАРАНТ».

10. Постановление Правительства РФ от 25.11.2022 г. № 2143 «О единой предельной величине базы для исчисления страховых взносов с 1 января 2023 г.» // СПС «ГАРАНТ».

11. Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 г. № 1951 «О предельной величине базы для исчисления страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и на обязательное пенсионное страхование с 1 января 2022 г.» // СПС «ГАРАНТ».

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 876042; e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Interrelation between labor and social rights to ensuring the rights and interests of parents in raising children

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the study of the issue of the relationship between labor law and social security law in order to ensure the rights and legitimate interests of family members with children. The author analyzes the features of the organization of the system of social support for families with children and, above all, mothers. In order to form a unified, comprehensive and normatively regulated system of social support for families with children, proposals for

improving the current legislation are formulated. Individual measures of social support are analyzed from the point of view of ensuring the labor and social rights of women with children.

Keywords: *social support for families, social support for mothers, women's labor rights, comfortable parenting.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, Associate Professor, Department of of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the «Tver state University» (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru, SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 876042; e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. Взаимосвязь трудовых и социальных прав для обеспечения прав и интересов родителей по воспитанию детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 7–15.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Сложные и с нравственной, и с правовой сторон отношения родительства в современных условиях развития общества нуждаются в переосмыслении. Правоотношения, основанные на кровнородственной связи между родителями и детьми, и правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, в условиях действующего законодательства не могут быть аналогичными с точки зрения равенства статусов субъектов, содержания данных правоотношений и оснований прекращения. Автор подчеркивает их уникальность, равно как и необходимость совершенствования законодательства для дальнейшего отождествления соответствующих правоотношений. Целью исследования выступает определение тождества статуса родителей и усыновителей через правоотношения по воспитанию и содержанию ребенка кровными родителями и усыновителями. Методологию исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а так же формально-юридический метод. В статье предполагается, что усыновление имеет публично-правовой характер, представляя собой форму реализации публичного интереса в обеспечении прав и интересов детей, лишенных попечения родителей по различным причинам. Сделаны выводы, что правоотношения по воспитанию и содержанию детей кровными родителями и усыновителями не могут быть признаны тождественными ввиду публично-правовой природы усыновления. Автор считает возможной аналогию моделей семейного воспитания, но при условии установления в СК РФ императивных предписаний. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, а также в судебной практике.

Ключевые слова: *родительство, усыновители, семейно-правовая связь, родительские правоотношения, семейное законодательство, личные неимущественные правоотношения, интересы ребенка, согласие на усыновление, частный интерес, публичный интерес, усыновление.*

Семейные правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, традиционно ассоциируются с так называемыми «обычными» правоотношениями между родителями и их кровными детьми. Действительно, социально-правовая характеристика усыновления дает для этого соответствующие основания. Однако нельзя не признать, что длительное время в нашем обществе было принято скрывать факт усыновления. При этом, на наш взгляд, это происходило вовсе не с целью заботы об интересах усыновленного ребенка. В советский период

единственной причиной (за редким исключением усыновления родственниками ребенка в случае гибели его родителей) усыновления были медицинские показания, невозможность мужчины и (или) женщины иметь собственного ребенка. В настоящее время усыновители в большинстве своем не только не скрывают то, что они усыновили ребенка (детей), но и пропагандируют данную форму семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Зачастую ребенка усыновляют супруги, у которых уже есть общие несовершеннолетние дети, но, обладая материальными возможностями и родительским потенциалом, граждане осознанно принимают в свою семью чужого ребенка.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из постановлений отметил: «Вместе с тем тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления. Хотя чаще всего усыновители, принимая ребенка в семью, стремятся к тому, чтобы никто, в первую очередь сам усыновленный, не знал, что они не являются его настоящими родителями, и стремятся факт усыновления оставить в тайне, в ряде случаев – исходя из представления о том, что каждый вправе знать правду о своем происхождении, о кровных родителях, об имени, полученном при рождении, и т.д. – они могут посчитать целесообразным не скрывать от ребенка, что он усыновлен. К тому же, если ребенок помнит своих кровных родителей, усыновление вообще не представляет для него тайну» [6].

Как известно, законодатель исходит из полного отождествления правовых последствий усыновления с фактом рождения ребенка. В силу п. 1 и 2 ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Кроме того, по общему правилу, усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим родителям (своим родственникам).

Аналогия родительского правоотношения, основанного на кровнородственной связи, и родительского правоотношения, обусловленного фактом усыновления, прослеживается и в иных источниках нормативного характера. Так, в соответствии со ст. 257 Трудового кодекса Российской Федерации работникам, усыновившим ребенка, предоставляется отпуск по уходу за ребенком [4]. Материнский (семейный) капитал и иные формы дополнительных мер государственной поддержки предоставляются и тем родителям, в семье которых воспитывается усыновленный ребенок [5]. Этот перечень может быть продолжен, однако нет необходимости упоминания иных

актов, поскольку законодатель демонстрирует единый подход к регулированию отношений, связанных с воспитанием ребенка (детей) в семье. Безусловно, в подобных ситуациях гражданин должен подтвердить факт усыновления, чтобы получить соответствующие льготы, распространив при этом на представителей работодателя, службы социальной защиты и т.п. режим обеспечения тайны усыновления [9], предусмотренный ст. 139 СК РФ.

Обращает на себя внимание то, что соответствующие нормы, несмотря на презюмирование тайны усыновления и тождество названных нами видов правоотношений по воспитанию ребенка в семье, в перечень субъектов тех или иных отношений включают наряду с родителями и усыновителей. Кстати, это имеет место и в тех положениях, которые непосредственно регламентируют обязанности лиц, ответственных за воспитание ребенка. Например, в ст. 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) установлено: «За вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет, отвечают их родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине».

Заметим, что и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя особенности применения законодательства при рассмотрении различных категорий дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних членов семьи, тоже наряду с родителями указывает и усыновителей.

По нашему мнению, правоотношения, основанные на кровно-родственной связи между родителями и детьми, и правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, в условиях действующего законодательства не могут быть аналогичными с точки зрения равенства статусов субъектов, содержания данных правоотношений и оснований прекращения. В рамках настоящей статьи считаем возможным обратить внимание коллег на некоторые моменты, характеризующие самостоятельность и уникальность названных видов правоотношений. В то же время вполне обоснованным видится попытка отождествления соответствующих правоотношений, что, на наш взгляд, реально лишь при условии совершенствования положений действующего законодательства.

Прежде всего, отметим уникальную особенность правоотношений по воспитанию усыновленного ребенка, поскольку закон допускает множественность субъектов, обладающих и правами, и обязанностями по воспитанию и содержанию ребенка. Так, согласно п. 3 ст. 137 СК РФ при усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина, или по желанию отца, если усыновитель – женщина.

Да, согласимся, такой вариант «создания семьи» маловероятен в действительности, однако моделирование соответствующего родительского правоотношения при наличии к тому нормативных предпосылок сопровождается множеством вопросов. Единственный вариант осуществления родительских прав в такой ситуации может быть соотнесен со ст. 66 СК РФ, поскольку один из родителей будет проживать отдельно от ребенка.

Однако в п. 3 ст. 137 СК РФ нет указания на то, что мать или отец усыновляемого ребенка являются единственным родителем, в связи с чем можно дойти до абсурда и сохранить личные неимущественные и имущественные правоотношения с одним из родителей при наличии второго.

Привлекает внимание в этом плане и п. 4 ст. 139 СК РФ, норма которого допускает сохранение по просьбе родителей умершего родителя (дедушки или бабушки ребенка) личных неимущественных и имущественных отношений между ребенком и родственниками умершего родителя. Однако, в отличие от п. 3 этой же статьи здесь содержится оговорка «если этого требуют интересы ребенка». Безусловно, при решении вопроса о сохранении правоотношений с одним из родителей суд также будет руководствоваться интересами ребенка, но прямое указание отсутствует. Кстати, в юридической литературе большинство авторов соотносит просьбу родителей умершего родителя с сохранением их, то есть бабушки и дедушки, личных прав и обязанностей по отношению к усыновляемому ребенку, в то время как в п. 4 ст. 137 СК РФ речь идет о родственникам умершего родителя без какого-либо исключения.

Полагаем возможным провести сравнительную характеристику правоотношений по воспитанию ребенка кровными родителями и правоотношений по воспитанию ребенка усыновителями, обратившись к отдельным точкам динамики данных правоотношений.

Прежде всего, логичным будет обращение к вопросу записи о родителях в актовой записи о рождении ребенка. И уже здесь мы отмечаем особенность правового положения усыновителей, поскольку законодатель допускает вариант наделения их полным объемом родительских прав при сохранении прежней актовой записи о родителях усыновленного ребенка.

Согласно ст. 136 СК РФ только по просьбе усыновителей суд может принять решение о записи их в качестве родителей усыновленного ими ребенка. Очевидно, что усыновители намерены и фактически, и формально стать для ребенка родителями, поэтому как само собой разумеющееся в заявлении об усыновлении указывается и просьба внести сведения об усыновителях в запись о рождении ребенка. По общему правилу, для внесения таких изменений необходимо согласие усыновляемого ребенка, достигшего возраста десяти лет. Лишь в том

случае, когда ребенок до подачи заявления об усыновлении проживал в семье усыновителя и считает его своим родителем, согласие ребенка может не испрашиваться (п. 2 ст. 132 СК РФ).

Но, как уже было отмечено выше, правовые последствия в части «приравнивания» в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях усыновленных и их потомства, с одной стороны, и усыновителей и их родственников, с другой стороны, к родственникам по происхождению, возникают независимо от записи усыновителей в качестве родителей (п. 6 ст. 137 СК РФ).

Представляется, что такой подход законодателя к организации модели правоотношения между усыновленным и усыновителем свидетельствует о четком разграничении исследуемых нами правоотношений по воспитанию ребенка в семье.

Согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке, соответственно, ст. 48–51 СК РФ определяют порядок установления происхождения ребенка и удостоверения соответствующего факта в форме записи о родителях, а ст. 52 СК РФ предусматривает порядок оспаривания соответствующей записи. При записи усыновителей в качестве родителей предполагается, что такая запись не может быть оспорена. Более того, такой вопрос даже не ставится на обсуждение при отмене усыновления.

В соответствии с п. 1 ст. 143 СК РФ при отмене усыновления взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) прекращаются и восстанавливаются взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если этого требуют интересы ребенка. Буквальное толкование данной нормы позволяет предположить различные варианты: запись усыновителей в качестве родителей может быть сохранена, если восстановление прав и обязанностей родителей и ребенка будет противоречить интересам последнего; запись также может быть сохранена, если родители ребенка умерли и т. п. Учитывая, что в силу п. 2 этой же статьи при отмене усыновления ребенок по решению суда передается родителям, то, очевидно, суд может принять решение и о внесении соответствующих изменений в запись о родителях ребенка.

Несмотря на отсутствие каких-либо предписаний в СК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» разъясняет: «Исходя из положений статьи 46 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» суду следует также решить вопрос о восстановлении первоначальных сведений о месте и дате рождения

ребенка, о его родителях, если эти сведения были изменены по просьбе усыновителей»[7].

Таким образом, при отсутствии какого-либо спора суд, удовлетворяя иск об отмене усыновления, беспелляционно принимает решение и об исключении сведений об усыновителях как о родителях ребенка в записи о его рождении.

Возвращаясь к заявленному законодателем тождеству прав и обязанностей родителей и усыновителей по отношению к детям, полагаем возможным утверждать о применении в полной мере положений гл. 12 СК РФ к отношениям между усыновителем и усыновленным. Ненадлежащее осуществление прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка выступает основанием для применения мер семейно-правовой, административной и уголовной ответственности.

Как известно, родители могут быть ограничены или лишены родительских прав, а при непосредственной угрозе ребенок может быть отобран у родителей в административном порядке (ст. 77 СК РФ). Учитывая, что усыновители фактически приобретают статус родителей, а при сохранении тайны усыновления это вообще ни у кого не вызывает сомнений, при применении мер семейно-правовой ответственности возникает коллизия. Законодатель прямо называет субъектов – «родители (один из них)», означает ли это, что усыновители могут остаться безнаказанными?

Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 14.11.2017 г. № 44 допускает применение аналогии закона и возможность предъявления в суд иска об ограничении усыновителей в правах родителей, приобретенных ими в результате усыновления ребенка. Очевидно, да, для применения аналогии есть все основания, и принятие решения об ограничении родительских прав усыновителей будет соответствовать интересам ребенка.

В п. 14 этого же постановления Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что и лишить родительских прав усыновителей тоже нельзя, но при наличии оснований, предусмотренных в п. 1 ст. 141 СК РФ, суд вправе отменить усыновление.

Заметим, что перечень оснований для лишения родительских прав и перечень, оснований, при наличии которых суд может отменить усыновление, частично совпадают. Безусловно, исходя из интересов ребенка суд может отменить усыновление и в силу других обстоятельств, в том числе и при совершении усыновителем преступлений, указанных в ст. 69 СК РФ.

Однако, очевидно, что совершенно не случайно в ст. 141 СК РФ основания для отмены усыновления распределены по двум пунктам. В п. 1 почти в полном объеме воспроизведен перечень оснований для лишения родительских прав, для применения которых, полагаем, нет

необходимости выяснять мнение ребенка. В п. 2 ст. 141 СК РФ, на наш взгляд, обозначена совершенно иная категория оснований, характеристика которых должна быть обязательно соотнесена с интересами и мнением ребенка (обращение к ст. 57 СК РФ позволяет утверждать, что речь идет о мнении ребенка старше десяти лет). Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 20.04.2006 г. № 8: «Суд вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам, как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении».

Позволим себе не согласиться с позицией Пленума ВС РФ по следующим моментам:

– во-первых, виновное поведение усыновителя отсутствует лишь при обстоятельствах, которые от него действительно не зависят, т. е. при обнаружении у ребенка заболевания, о котором не было известно при усыновлении;

– во-вторых, усыновитель, который принял на себя ответственность за воспитание ребенка, всегда виновен в том, что не сложились отношения с ребенком, что усыновитель не пользуется авторитетом и т. п.

Возможность отмены усыновления по названным и аналогичным основаниям в порядке применения п. 2 ст. 141 СК РФ выступает своеобразным водоразделом в попытке отождествления правоотношений по воспитанию ребенка родителями и правоотношений, где ребенка воспитывает усыновитель.

И акцент на виновном поведении усыновителя нами сделан совершенно не случайно. Ведь только в том случае, если усыновление было отменено по вине усыновителя, для последнего наступают относительно неблагоприятные последствия, например, он не может впоследствии быть усыновителем, опекуном или попечителем (п. 1 ст. 127, п. 3 ст. 146 СК РФ).

Родители, которые изменили свое поведение и отношение к воспитанию ребенка в лучшую сторону, могут обратиться в суд с иском об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских прав (ст. 72, 76 СК РФ). Это означает, что государство

дает родителям шанс восстановиться с ребенком, продемонстрировать свое ответственное отношение к воспитанию и содержанию несовершеннолетнего.

Что же касается усыновления, то восстановление усыновителей в правах родителей не предусматривается. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается особенность применения данной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Государство не проводит аналогии с родительским правоотношением, не рассматривает ни при каких условиях возможность восстановления статуса усыновителей в отношении конкретного ребенка. Но, абсурд, при отсутствии установленной судом вины усыновителя в отмене усыновления он вполне может претендовать на усыновление в будущем другого ребенка (детей).

Интересным для исследования, на наш взгляд, представляется вопрос прекращения рассматриваемых нами правоотношений, при этом сравнительная характеристика опять-таки позволяет сделать ряд выводов.

Правоотношения по поводу воспитания и содержания несовершеннолетних детей, при этом не имеет значения, о родителях либо усыновителях идет речь, по общему правилу, прекращаются по достижении ребенком совершеннолетия или в случае приобретения им полной дееспособности ранее восемнадцатилетия (п. 2 ст. 61 СК РФ). Не стоит забывать об алиментных обязательствах в отношении совершеннолетних нетрудоспособных детей, которые возложены законом на родителей (ст. 85 СК РФ), а также об обязанности совершеннолетних детей содержать своих родителей (ст. 87 СК РФ). Очевидно, в полной мере такие обязательства имеют место и при усыновлении ребенка.

Ограничение и лишение родительских прав не освобождает родителей от выплаты алиментов, как и при других обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии родительского попечения. Передача ребенка под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью также не лишает его права на получение алиментов от родителей.

Усыновление, как правило, влечет прекращение всех правоотношений между родителями и ребенком. В том же случае, если один из родителей заявил о сохранении личных неимущественных и имущественных прав по отношению к ребенку, он по-прежнему будет обязан принимать участие и в содержании ребенка.

В п. 17 постановления от 20.04.2006 г. № 8 Пленум Верховного Суда РФ указывает: «Если с родителя усыновленного ребенка до вынесения решения об усыновлении в судебном порядке взыскивались алименты, он в соответствии с пунктом 2 статьи 120 СК РФ освобождается от их уплаты. Этот вопрос решается судом по просьбе родителя, обязанного уплачивать алименты, по правилам ст. 440 ГПК РФ, предусматривающей порядок прекращения исполнительного

производства, поскольку вступившее в законную силу решение суда об усыновлении является безусловным основанием к прекращению выплаты алиментов».

Особым основанием для прекращения правоотношений по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего усыновленного ребенка наряду с достижением им возраста совершеннолетия или более ранним наступлением полной дееспособности выступает отмена усыновления.

Отмена усыновления, на первый взгляд, имеет такие же последствия, как и лишение родительских прав с точки зрения обязанности бывшего усыновителя по содержанию бывшего усыновленного. В соответствии с п. 4 ст. 143 СК РФ «Суд исходя из интересов ребенка вправе обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка в размере, установленном статьями 81 и 83 настоящего Кодекса».

К сожалению, материалы соответствующей судебной практики не находятся в свободном доступе, в связи с чем можем лишь предположить, что суд все-таки применяет данную норму, если того требуют интересы ребенка.

Полагаем значимым указать на то, что при лишении родительских прав вопрос о взыскании алиментов на ребенка, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, решается независимо от того, предъявлен ли такой иск [8].

Таким образом, в отношении родителей, лишенных родительских прав, продолжает действовать конституционная обязанность по содержанию своих несовершеннолетних детей, при отмене же усыновления подобные последствия могут наступить, если соответствующий вопрос станет предметом судебного рассмотрения.

Прекращение правоотношений между родителями и детьми вопреки сложившемуся мнению, может иметь место только в одном случае – смерть ребенка или родителей (одного из них), потому как даже при лишении родительских прав родители сохраняют обязанность по содержанию ребенка, а ребенок сохраняет ряд имущественных прав, основанных на факте родства с родителем; даже при усыновлении ребенка возможно сохранение личных неимущественных и имущественных прав с родителями.

Таким образом, как бы ни складывались отношения между родителями и детьми, кровная связь и соответствующая семейно-правовая связь будет иметь значение как при жизни, так и после смерти каждого из них. Дети и родители не могут отказаться друг от друга ни при каких обстоятельствах, за исключением ситуации, когда родители дают согласие на усыновление ребенка.

И в советский период, и в настоящее время представители науки семейного права в большинстве своем солидарны с таким подходом к

пониманию сути согласия родителей на усыновление ребенка. Так, Е.М. Ворожейкин определял согласие как «волевой акт, представляющий собой добровольный отказ от родительских прав и обязанностей» [11]; по мнению Н.Н. Тарусиной, согласие родителей на усыновление «означает своеобразный отказ от родительства, вопреки общему правилу о невозможности такового» [15]. В то же время есть и противники, так, О.И. Сочнева утверждает категорично: «Нормы главы 12 СК, регулирующие правоотношения родителей и детей, не содержат указания на возможность отказа от родительских прав ни в одностороннем порядке, ни по соглашению между ними» [14].

Безусловно, родители могут отозвать согласие, данное ими на усыновление своего ребенка, до вынесения судом соответствующего решения (п. 2 ст. 129 СК РФ). Однако, по нашему мнению, такое согласие представляет собой отказ от намерения осуществлять свои родительские права и обязанности в отношении конкретного ребенка, следовательно, фактически это отказ от ребенка.

Некоторые авторы полагают: «Как видно, отмена усыновления все же имеет сходство с лишением родительских прав. Отличие заключается в том, что причины психологического характера (невозможность дальнейшего совместного проживания, длительное отсутствие адаптации ребенка в семье и пр.) не могут прекратить родство, но могут прекратить усыновление. Фактически перечень оснований ничем не ограничен, из чего следует, например, что усыновителя (в отличие от родителя) невозможно заставить проживать с нелюбимым ребенком. С большой долей вероятности можно говорить о том, что атмосфера неприязни рано или поздно повлечет за собой отмену усыновления» [10].

Мы выражаем полную солидарность с высказанным мнением в той части, что отмена усыновления не просто вероятна, но она в полной мере будет соответствовать интересам усыновленного ребенка. Однако, полагаем, что ни в коем случае нельзя снимать с усыновителей вину за сложившуюся ситуацию. Усыновители должны предпринимать все меры для установления психологического контакта с ребенком, в противном случае отмена усыновления будет обоснована виновным их поведением.

Принципиальное отличие семейных правоотношений, основанных на факте усыновления, кроме всего прочего, заключается и в том, что по соглашению между усыновителем и усыновленным может быть принято решение об отмене усыновления даже после достижения усыновленным совершеннолетия (ст. 144 СК РФ).

Не исключено, что и до достижения совершеннолетия усыновители раскроют ребенку тайну усыновления, хотя это, на наш взгляд, должно быть осознанным шагом усыновителей с точки зрения эмоциональных и возможных правовых последствий. Не стоит забывать и о том, что

ребенок, достигший возраста четырнадцати лет, может самостоятельно обратиться в суд с требованием об отмене усыновления (ст. 142 СК РФ).

Кстати, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье предоставляет право усыновленному ребенку, достигшему совершеннолетия либо приобретшим ранее полную дееспособность, получить сведения, касающиеся его усыновления (ч. 4 ст. 136), независимо от согласия на то усыновителей.

Полагаем значимым отметить и сохранение преимущества интересов родителей усыновленного ребенка, что прямо предусмотрено в ст. 142 СК РФ: среди иных лиц, обладающих правом требовать отмены усыновления, названы и родители ребенка.

Это еще один аргумент, обосновывающий тезис о невозможности полного отождествления правоотношений между усыновителем и усыновленным с моделью родительского правоотношения, основанного на кровном происхождении.

Позволим себе не согласиться с Е.Г. Комиссаровой, утверждающей о прямой взаимосвязи тайны усыновления и аналогии статуса усыновителя и родителя. «Современный российский законодатель, твердо придерживающийся правила двух родителей (с чем мы тоже не согласны, но это уже совсем другая история – А.Г.), признает исключительно закрытое (полное, конфиденциальное, секретное) усыновление. Только в этом случае у усыновителей ребенка может возникнуть такой же статус, который изначально зафиксирован для естественных родителей с их совпадающими биологическими, генетическими и социальными признаками» [12].

Вызывают возражения и предложения О.И. Сочневой [14], Т.В. Красновой [13] скорректировать редакцию ст. 129 СК РФ, указав, «права и обязанности родителя, давшего согласие на усыновление (удочерение), сохраняются до фактического усыновления (удочерения), за исключением случаев, когда ребенок в установленном законом порядке помещен на полное государственное обеспечение. ... Такой подход, на наш взгляд, создаст большую определенность в правовом статусе ребенка, от которого родители отказались, а во-вторых, позволит исключить злоупотребления со стороны родителей, произвольное толкование ими своего статуса в таких случаях».

Представляется, что вовсе не тайна усыновления является камнем преткновения в данной дискуссии. Проведенное нами исследование позволяет предположить публично-правовой характер модели усыновления как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, представляющей собой форму реализации публичного интереса в обеспечении прав и интересов детей, лишенных попечения родителей по различным причинам. По нашему мнению:

– государство намеренно посредством установления правовых предписаний демонстрирует разницу формы и содержания

правоотношений, основанных на кровном родстве родителей и детей, и правоотношений, возникающих вследствие усыновления;

– законодатель презюмирует временный характер соответствующих правоотношений, устанавливая открытый перечень оснований для отмены усыновления и исключая при этом возможность «восстановления усыновителей в родительских правах»;

– возможность сохранения записи о родителях при усыновлении ребенка и предоставление родителям права требовать отмены усыновления демонстрируют приоритет прав и интересов родителей, сохранение в определенной части правовых отношений между родителями и ребенком при его усыновлении.

Таким образом, исследуемые нами правоотношения по воспитанию и содержанию детей не могут быть признаны тождественными в виду публично-правовой природы усыновления. Подтверждение этому находим и в ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. ... Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей» [1]. Государство лишь наделяет усыновителей большим объемом прав и обязанностей по воспитанию и содержанию детей, нежели опекунов (попечителей), приемных и патронатных родителей. В связи с этим усыновление является формой заботы государства об устройстве детей, лишившихся попечения родителей, и обусловлено существование такой формы воспитания исключительно публичным интересом в обеспечении семейного воспитания детей.

В то же время, не отрицая идеи усыновления как формы реализации репродуктивных прав мужчины и женщины, не имеющих возможности естественным путем зачать и родить ребенка, что в таком случае обосновывает превалирование частного интереса, представляем вполне возможной полную аналогию названных моделей семейного воспитания, но при условии установления в СК РФ императивных предписаний: усыновители должны быть записаны в качестве родителей ребенка, вследствие чего во всех правоотношениях к ним будет применяться статус «родитель», а не «усыновитель» со всеми правовыми последствиями, при этом тайна усыновления может быть раскрыта.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Порядок предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Семейное право / Б.М.Гонгало, П.В.Крашенинников, Л.Ю.Михеева, О.А.Рузакова; под ред. П.В.Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 320 с.

11. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 335 с.

12. Комиссарова Е.Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 6 (187). С. 19–33.

13. Краснова Т.В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 143–152.

14. Сочнева О.И. К вопросу о правовой природе и юридическом значении согласия родителей на усыновление ребенка // Социально-юридическая тетрадь. Научный журнал. 2019. № 9, С. 174–192.

15. Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 615 с.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

On the issue of the identity of the status of parents and adoptive parents

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

Complex relationships of parenthood, both from a moral and legal perspective, require rethinking in the modern conditions of societal development. Legal relationships based on consanguinity between parents and children, and those arising from the adoption of a child, cannot be considered identical under current legislation in terms of the equality of the status of subjects, the content of these legal relationships and the grounds for their termination. The author emphasizes their uniqueness, as well as the necessity of improving current legislation for further identification of the corresponding legal relations. The goal of the research is to determine the identity of the status of parents and adoptive parents through the legal relationship for the upbringing and maintenance of a child by blood parents and adoptive parents. The research methodology was carried out on the basis of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the formal-legal method. The article makes assumptions about the public legal nature of the adoption model, representing a form of realization of public interest in ensuring the rights and interests of children deprived of parental care for various reasons. It is concluded that the legal relationship for the upbringing and maintenance of children by blood parents and adoptive parents can not be recognised as selfsame due to the public legal nature of adoption. The author emphasises that a complete analogy of family education models is quite possible, but subject to the establishment of imperative prescriptions in the Family Code of the Russian Federation. The results of the research can be used in further scientific activities, as well as in judicial practice.

Keywords: *parenthood, adoptive parents, family legal relationship, parental legal relations, family law, personal non-property legal relations, interests of the child, consent to adoption, private interest, public interest, adoption.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 16–29.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.41

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.030

Некоторые конституционно-правовые и международно-правовые аспекты статуса современного русского языка

И.В. Баранов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются нормы конституционного права Российской Федерации и действующие международно-правовые акты, посвященные статусу государственного языка. Автором поднимается ряд актуальных проблем, связанных с правовым положением современного русского языка.

Ключевые слова: *государственный язык, русский язык, межнациональное общение.*

Русский язык в России и Республике Беларусь является государственным, в Казахстане и Киргизской Республике – официальным, а по Конституции Республики Таджикистан – языком межнационального общения. По разным оценкам русский язык входит в число самых массовых среди всех языков мира по общей численности говорящих (более 250 миллионов человек), а также географически является самым распространенным языком в Европе. Имеет он и так называемый «международный статус», т. к. входит в число официальных языков ООН, а также еще более десяти международных организаций, среди которых ОБСЕ, СНГ, ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ, БРИКС и др.

Решением Совета Глав государств СНГ 2023 г. был признан Годом русского языка как языка межнационального общения [2]. Во исполнение данного акта был принят соответствующий План мероприятий, состоящий из более ста пятидесяти пунктов, организовано и проведено значительное количество просветительских, образовательных и научно-методических проектов, в которых были задействованы государственные и муниципальные органы власти, российские и зарубежные образовательные и общественные организации, осуществлены мероприятия по подготовке и повышению квалификации учителей русского языка, выявлению и поддержке одаренных детей в области русистики и др.

Все это делается в целях продвижения, поддержки и укрепления позиций русского языка и образования на русском языке как в Российской Федерации, так и в рамках СНГ. В связи с этим Президент

Российской Федерации В.В. Путин отметил, что государства содружества связывает и русский язык, который «является мощной объединяющей силой, скрепляющей наши многонациональные государства» [8].

09 ноября 2022 г. был издан Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», согласно которому реализация стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» предполагает решение, в том числе задачи по защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики), противодействие излишнему использованию иностранной лексики [3].

В связи с вышесказанным не вызывает сомнения, что защита русского языка как языка государствообразующего народа на всей ее территории России в полной мере отвечает критериям публичного интереса, т. к. именно он выступает основным средством коммуникации и способствует взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов.

Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – 53-ФЗ) [4] предусматривает преамбула, определяющая основные цели, сформулированные при его принятии в 2005 г. и остающиеся до сих пор неизменными, к которым относятся:

1. Обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации.
2. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.
3. Защита и развитие языковой культуры.

Прежде всего, обращает внимание факт отсутствия в 53-ФЗ базовых определений, основным из которых, безусловно, является дефиниция «государственный язык», что в свою очередь приводит к неоднозначным трактовкам данного понятия как в правоприменении, так и науке.

Не вызывает никакого сомнения, что язык является таким же важным признаком государства, как и государственные символы (флаг, герб, гимн), позволяющие однозначно идентифицировать страну. Однако, в отличие от вышеуказанных государственных символов, описание и порядок официального использования которых в соответствии со ст. 70 Конституции РФ устанавливаются отдельными федеральными конституционными законами, язык регулируется обычным (неконституционным) федеральным законом, при этом ст. 68

Конституции РФ подтверждает его высокий статус как государственного языка на всей территории, языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [1].

Государственный язык выполняет важную коммуникативную и интегративную функцию во всех сферах жизни общества: политической, социальной и культурной, а официальный язык необходим для государственного управления, законодательства, судопроизводства, поэтому по содержанию и объему эти два понятия различаются, что особенно проявляется в государствах, имеющих несколько государственных (официальных) языков, а также многонациональных территориях, имеющих полилингвальную (многоязыковую) структуру населения.

Несмотря на тот факт, что государства стремятся к языковой унификации, несколько государственных языков могут использоваться внутри одного государства и при этом существенно отличаться по степени (характеру, объему) такого использования. В свою очередь официальный язык, являющийся более узким понятием, может применяться большим количеством акторов (субъектов) публичной власти – государственно подобными образованиями, автономными территориями, самоуправляемыми административно-территориальными единицами, муниципальными образованиями, в которых проживают национальные меньшинства и коренные народы. Таким образом, наряду с законодательным установлением государственных (официальных) языков, обеспечивается защита, сохранение и развитие языков национальных меньшинств в целях гармонизации межнациональных отношений.

Указанные в преамбуле 53-ФЗ задачи подробнее раскрываются в последующих статьях данного закона за исключением нормы о развитии языковой культуры, которая, к сожалению, только декларируется и в дальнейшем никак не определяется и не регулируется. При этом именно языковая культура, как необходимый элемент культуры всей нации, отражает современный уровень развития языка, принятые литературные нормы, его правильное использование, накопление и сохранение языкового опыта.

Обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации также сталкивается с рядом сложностей. Прежде всего, необходимо отметить проблему взаимодействия русского языка с тридцатью семью государственными языками республик в составе России, что порождает как лингвистические вопросы аутентичности текстов, так и требует разграничения статусов государственного языка и официального языка. Тем более, как уже указывалось выше, задача официального языка сугубо утилитарная, имеющая практическую направленность для

организации профессиональной коммуникации, в отличие от государственного языка, указывающего на государствообразующую роль конкретного этноса, выполнившего интеграционную функцию по объединению разных народов в единое суверенное государство.

По прежнему остается актуальной проблема знания и изучения русского языка как гражданами России, так и иностранцами, постоянно или временно проживающими на территории Российской Федерации. Очевидно, что такое требование должно «проходить красной нитью» через все федеральное и региональное законодательство в сфере образования, трудоустройства, правового статуса различных категорий граждан и других связанных отраслей права. Изучение русского языка как общекультурной коммуникации должно обеспечить не только воспитание ценностного отношения к русскому языку как носителю культуры, как государственному языку Российской Федерации, но и обеспечить должный уровень владения им на бытовом, официальном и профессиональном уровне.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема использования иностранных языков наряду с русским, в том числе полный или частичный запрет иностранных слов, в частности, в средствах массовой информации. Следует обратить внимание, что партнеры России по СНГ в своем национальном законодательстве не обошли этот вопрос стороной, прописав четкие императивные требования.

Так, например, ст. 27 Закона Республики Беларусь от 26.01.1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь» определяет, что в средствах массовой информации не допускается искажение общепринятых норм используемого языка [5]. Закон Кыргызской Республики от 17.07.2023 г. № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики», имеющий статус конституционного, устанавливает, что все средства массовой информации, функционирующие на государственном языке (телевидение, радио, издательства, органы печати), обязаны соблюдать нормы кыргызского литературного языка (ст. 20) [6].

В свою очередь, в России праву граждан на получение информации через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации и праву на получение образования в государственных и муниципальных образовательных организациях на русском языке корреспондируется соответствующее требование о его обязательном использовании в процессе обучения и продукции СМИ, а также обеспечение его защиты.

На стыке этих процессов возникает интересный вопрос, связанный с использованием русского языка и иностранных языков при распространении научной информации посредством издания научных журналов отечественными образовательными организациями, прежде всего, высшими учебными заведениями и научными учреждениями [7].

Таким образом, на наш взгляд, в современных условиях органам государственной власти необходимо обратить пристальное внимание не только на продвижение русского языка в международном пространстве и зарубежом, в том числе путем реализации соответствующих программ, открытия филиалов российских университетов и совместных организаций высшего образования, в которых обучение ведется, прежде всего, на русском языке, но и приложить особые усилия для решения проблем правового регулирования в данной сфере внутри нашего государства. Русский язык является средством коммуникации миллионов людей внутри Российской Федерации и за ее пределами, выступает необходимым базисом для консолидации разнообразных наций и этносов, способствует продвижению национальной культуры и ценностей по всему миру.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Совета глав государств СНГ «Об объявлении в Содружестве Независимых Государств 2022 года Годом народного творчества и культурного наследия, 2023 года – Годом русского языка как языка межнационального общения» (принято 18.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 01.06.2005 г № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023 г.) «О государственном языке Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закона Республики Беларусь от 26.01.1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1869 (дата обращения 02.09.2024).
6. Закон Кыргызской Республики от 17.07.2023 г. № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru> (дата обращения 02.09.2024).
7. Баранов И.В. Использование русского и иностранных языков при распространении информации посредством издания научных журналов / Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели: в 4 ч. Ч. 3. Москва, 2024. С. 13–16.
8. Неформальный саммит СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70189> (дата обращения 02.09.2024).

Об авторе:

БАРАНОВ Иван Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2695-4324, AuthorID: 597261; e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

Some constitutional-legal and international-legal aspects of the status of the modern russian language

I.V. Baranov

Tver State University, Tver

The article analyzes the norms of the constitutional law of the Russian Federation and the current international legal acts devoted to the status of the state language. The author raises a number of current issues related to the legal status of the modern Russian language.

Keywords: *state language, Russian language, interethnic communication.*

About author:

BARANOV Ivan – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 2695-4324, AuthorID: 597261, e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

Баранов И.В. Некоторые конституционно-правовые и международно-правовые аспекты статуса современного русского языка // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 30–35.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Защита интересов несовершеннолетних детей с помощью административных мер и процедур

С.Н. Дорофеева

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Санкт-Петербург

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие между родителями, законными представителями ребенка и органами опеки и попечительства при задействовании последними административного механизма отобрания детей. Предметом исследования выступают нормы семейного права, регламентирующие институт изъятия ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью. Целью является анализ теоретической несостоятельности ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации, что выражается в отсутствии четких критериев, подпадающих под признаки термина «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка». В качестве задач рассматриваются альтернативные способы защиты детей при нарушении родителями прав ребенка. Методом исследования является сравнительный, на основе которого представлены доктринальные подходы, а также разъяснения правоприменителей относительно понятий угрозы жизни и здоровью детей. Результаты исследования могут быть представлены следующими выводами. В целях исключения принятия необоснованных решений, направленных на изъятие ребенка из семьи, необходимо учитывать конкретную жизненную ситуацию в семье, не ограничиваясь сугубо формальными критериями, что позволит защитить интересы ребенка, изымаемого из семьи. Требуется разработка комплекса организационных и профилактических мер, максимально подчиненных сохранению семейного воспитания и применяемых прежде, чем в действиях родителей будет усмотрен состав правонарушения, способный привести к отобранию ребенка с возможной дальнейшей утраты родительских правоотношений.

Ключевые слова: *приоритет семейного воспитания, непосредственная угроза жизни или здоровью детей, административный порядок отобрания детей, органы опеки и попечительства.*

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей актуальна во все времена, поскольку дети должны расти и развиваться в благоприятных условиях, которые в первую очередь реализовываются родителями. В тех ситуациях, когда родители ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, данные обязательства в полном объеме возлагаются на государство, которое создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма,

гражданственности и уважения к старшим. Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН «О правах ребенка» реализована в национальном законодательстве. Приоритет семейного воспитания гарантируется Основным законом (ст. 67.1 Конституции РФ) [1] и ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3]. Нормы Конвенции (ч. 1 ст. 9) гарантируют ребенку право не быть разлученным со своими родителями вопреки его желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в интересах ребенка [2]. Однако данная норма не означает, что разлучение ребенка с семьей при любых иных обстоятельствах, кроме как по решению суда, является действием неправомерным, поскольку принцип приоритета семейного воспитания заключается не только в наличии семьи, но и обеспечении ребенка всем необходимым для нормального развития, физического и психического здоровья. Непоправимые последствия, травмы и даже смерть могут наступить в случае игнорирования родителями прав ребенка.

Обращаясь к дефиниции ст. 77 СК РФ, мы видим, что орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, но при этом конкретных критериев непосредственной угрозы, достаточных для отобрания ребенка, законодатель не приводит. Тогда возникает вопрос, что следует понимать под непосредственной угрозой жизни ребенка или его здоровью, влекущей применение этой вынужденной несудебной меры?

Анализ мнений ряда ученых-цивилистов дает нам некоторое понимание критериев непосредственной угрозы, достаточных для отобрания ребенка. Так, С.В. Букшина подчеркивает, что такая угроза должна носить прямой и явный характер, а в качестве возможных последствий называют «отсутствие заботы о здоровье ребенка, о его материально-бытовом обеспечении (например, проживание или пребывание ребенка в помещении, не соответствующем требованиям техники безопасности и (или) санитарным правилам и нормам); применение недопустимых способов и приемов воспитания» [10, с. 13–16].

Ю.Ф. Беспалов отмечает, что «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка – сложное социально-правовое явление, которое характеризуется такими признаками, как чрезвычайность; угроза непосредственной опасности; трудная жизненная ситуация для ребенка, требующая немедленного реагирования в виде экстренной помощи. Степень опасности в такой ситуации определяется характером поведения родителей (лиц, их заменяющих), иных виновных лиц; возрастом ребенка; состоянием его здоровья; отсутствием иных лиц,

способных обеспечить охрану и защиту прав ребенка, в том числе заботу о нем в возникших условиях и т. д.» [8].

С.П. Гришаев в качестве примеров такой непосредственной угрозы называет «оставление родителями ребенка без присмотра, питания, избиение или истязание ребенка родителями, унижающее человеческое достоинство обращение с ребенком, его оскорбление или эксплуатацию и т. п. Оценка реальности угрозы зависит от возраста ребенка» [11, с. 104].

Подтверждение доктринальных подходов мы находим в правоприменительной практике, в частности, оценивая доводы жалобы относительно нарушения ст. 77 СК РФ конституционных прав родителя и несовершеннолетнего ребенка, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что немедленное отобрание ребенка является мерой чрезвычайного и временного характера, проведение которой возможно в исключительных случаях, не терпящих отлагательств [14].

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в постановлении Пленума от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», сводятся к тому, что под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится [7].

Основываясь на сказанном, можно сделать вывод, что данная мера носит экстраординарный характер, ее применение возможно лишь в исключительных случаях, которые не терпят отлагательств в связи с угрозой жизни или здоровью ребенка, и тем самым эта мера по защите прав ребенка отличается от иных мер защиты прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении.

Отобрание производится сотрудником органа опеки на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ либо акта главы муниципального образования в случае, если законом субъекта РФ органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами. Дополнительной гарантией защиты прав ребенка, равно как и обоснованности принятой меры, является то, что законодатель обязывает орган опеки и попечительства незамедлительно уведомить прокурора, а также обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения акта об отобрании ребенка

обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав.

Пусть и единичные, но имеющиеся факты необоснованного изъятия детей органами опеки, сгенерировали активность законодателей, которые выдвинули ряд инициатив по «детским» вопросам семейной направленности. В частности, в июле 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 986679-7, нацеленный на ограничение внесудебного изъятия детей из семей путем введения судебного порядка для таких случаев. Также был представлен законопроект № 989008-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», направленный на укрепление института семьи. Предлагаемые законопроектами меры возникли на фоне широкого толкования критериев, по которым происходит отобрание детей в ситуациях, представляющих угрозу для их здоровья и жизни. В силу неоднозначности предлагаемых изменений законопроекты вызвали активное общественное обсуждение, и были сняты с рассмотрения в связи с необходимостью их доработки.

Является ли отсутствие четких критериев понятия «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка» необходимостью принятия новых законов с целью перевода отобрания детей из административной плоскости в судебную? На взгляд автора, нет, и аргумент следующий.

Действующее законодательство предусматривает дополнительные административные механизмы защиты детей, подвергнувшихся опасности от родителей.

Во-первых, обязанность органа опеки незамедлительно уведомить прокурора о произведенных действиях, как отмечалось выше, является дополнительной гарантией обеспечения законности принимаемых опекой решений. И здесь прокурор, наделенный надзорными полномочиями за исполнением законов, правомочен оценить обоснованность произведенного изъятия ребенка из семьи. Очевидно, что в каждой конкретной ситуации обстоятельства, свидетельствующие о наличии непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка, различны и предусмотреть их полный перечень вряд ли возможно. Однако «при оценке законности отобрания ребенка прокурору всегда необходимо устанавливать: 1) наличие угрозы причинения вреда здоровью и наступления смерти ребенка; 2) непосредственность и реальность такой угрозы; 3) невозможность устранения угрозы иным путем, нежели чем отобрание ребенка у родителей. Если указанных признаков не выявлено, отобрание законным считаться не может» [13, с. 38].

Во-вторых, дополнительной мерой защиты прав несовершеннолетних выступает институт Уполномоченного по правам ребенка. В каждом субъекте Российской Федерации Уполномоченный

оперативно реагирует на случаи нарушения прав несовершеннолетнего, принимая в пределах своих полномочий меры по предупреждению и пресечению нарушения прав и законных интересов детей, что находит свое нормативное закрепление в ст. 14 Федерального закона от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [6].

На примере Санкт-Петербурга мы увидим, что сотрудники аппарата Уполномоченного по правам ребенка оперативно получают информацию от профильных служб и анализируют каждый случай, когда дети забираются органами опеки из семьи. Многолетнее сотрудничество аппарата Уполномоченного по правам ребенка происходит с различными профильными службами (Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, органами опеки, Управлением по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних ГУ МВД) на основании поручения Президента РФ от 01.01.2017 г. № Пр-21. Такое сотрудничество позволяет максимально быстро реагировать на сигналы и оказывать эффективную помощь несовершеннолетним и их семьям. При этом проверяется и адекватность решения об отобрании несовершеннолетнего ребенка из семьи с точки зрения обоснованности применяемых мер и законности вмешательства в семью.

Обращение к данным статистики по Санкт-Петербургу отражает следующее. Достаточно положительная тенденция снижения количества случаев отобрания детей в порядке ст. 77 СК РФ в регионе, а именно: в 2019 г. было отобрано 16 детей; в 2020 и 2021 гг. – 8 детей; в 2022 г. – 4 детей; в 2023 г. – 3 детей; за 1 квартал 2024 года случаев отобрания детей в порядке ст. 77 СК РФ не зафиксировано [18].

Несмотря на имеющуюся тенденцию снижения количества случаев административного отобрания детей от родителей, в реальной жизни мы не исключаем ситуацию возможных произвольных решений со стороны органов опеки, когда детей отбирают из семьи без достаточных на то оснований. Объяснить это можно только тем, что у каждого свои личные представления «о том, что можно считать благополучной семьей» [9, с. 139].

Что необходимо сделать, чтобы одновременно обеспечить конвенционный принцип неразлучения ребенка с семьей и сохранить ему жизнь при возникновении угрозы? Возможно ли это в реальных условиях? Полагаем, да, это вполне возможно, поскольку как способы защиты ребенка, так и механизм его возврата в семью прописаны в нашем национальном законодательстве: в частности, в рамках норм административного судопроизводства родители не лишены права обжалования действий органов опеки и попечительства. Но как показывает правоприменительная практика, редким случаем является обращение в суд с административным иском родителя, у которого

отобран ребенок в порядке ст. 77 СК РФ через административную процедуру. Совершенно очевидно, что дети изымаются практически всегда из весьма неблагополучных семей, находящихся в асоциальном состоянии, где отсутствуют надлежащие условия для проживания маленького и незащищенного человека и есть угроза для ребенка, которая является достаточно реальной, а значит, ребенку нужно моментально оказать соответствующую помощь. А если такой горе-родитель и обращается в суд с оспариванием действий опеки по отобранию ребенка, то весьма предсказуемо, что он получает правомерный судебный отказ, что совершенно обоснованно, поскольку речь идет о защите самого слабого субъекта семейных правоотношений – ребенка.

Приведем несколько примеров из правоприменительной практики, из которой видно, что дети были отобраны из неблагополучных семей в связи с наличием угрозы их жизни и здоровью, а родители, не согласные с таким отобранием, реализовали свое право на судебную защиту. Так, в одном из дел было установлено, что мать вызвала врачей скорой помощи по причине того, что двое близнецов непрерывно плакали. Врачами неотложки по вызову вместе с сотрудниками комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации, после осмотра младенцев, было установлено, что мать не успевает покормить детей, присмотреть за ними, не справляется с уходом за детьми, дети находятся на искусственном вскармливании, но мать не помнит, когда последний раз кормила своих детей.

Более 3 часов врачи скорой помощи находились в квартире, чтобы помочь матери осуществить уход за детьми, и после постановки диагноза сотрудник опеки отвезла детей в дом ребенка. В дальнейшем к матери был предъявлен иск о лишении ее родительских прав в отношении как отобранных детей (близнецов), так и еще троих ее детей по причине невыполнения родительских обязанностей, злоупотребления спиртными напитками, неудовлетворительным состоянием жилищно-бытовых условий, препятствиями к нормальному развитию детей (старшие дети не учились в школе, занимались попрошайничеством, курили, принимали психоактивные вещества). Мать, оспаривая решение об отобрании детей, мотивировала тем, что не установлен факт нахождения детей в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровью. Суды первой и второй инстанций отклонили требования матери, мотивируя тем, что действия органа опеки и попечительства по устройству новорожденных детей (близнецов) в дом ребенка до решения вопроса о лишении матери родительских прав направлены исключительно на защиту прав малолетних детей и отвечают их интересам [15].

В другом деле, отказывая в удовлетворении административного искового заявления матери о признании незаконными действий органов опеки по изъятию несовершеннолетней дочери, суд первой инстанции

установил факты проживания ребенка в антисанитарных условиях, злоупотребление матерью спиртными напитками, неоднократное привлечение ее к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, а поскольку воспитание ребенка матерью являлось небезопасным для ребенка и он находился в социально опасном положении, все это и послужило основанием для изъятия ребенка из семьи и помещения его на временное пребывание в детский дом [4]. Апелляционная и кассационная инстанции, проверяя законность решения суда первой инстанции, с выводами суда согласились [17].

В рамках рассмотрения другого дела было установлено, что подросток сообщил учителю школы о нанесении ему травм отцом, в связи с чем по факту нанесения телесных повреждений малолетнему было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 117 Уголовного кодекса РФ [5]. В целях обеспечения безопасности (недопущения отца в жизнь ребенка) ребенок был помещен органами опеки в ГБУ Центр поддержки семьи и детства САО г. Москвы. Ссылаясь на то, что причины изъятия ребенка ему (отцу) неизвестны, в родительских правах он не ограничивался и их не лишался, от исполнения родительских обязанностей не уклонялся, а в ходе расследования уголовного дела не подтвердился факт причинения им травм сыну, отец обратился в суд с административным иском о признании незаконным изъятия ребенка из семьи. Суды первой и второй инстанций в удовлетворении административного иска отказали, ссылаясь на то, что сам по себе факт прекращения уголовного дела в связи с отсутствием события преступления по ч. 1 п. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ в действиях отца не влечет незаконность действий опеки, поскольку действия и решения административного ответчика по изъятию ребенка из семьи были основаны на сведениях о фактах, имевшихся на момент изъятия ребенка, и были направлены на исключение возможности пребывания несовершеннолетнего в психотравмирующей ситуации, а, соответственно, обусловлены обеспечением права ребенка на охрану его жизни и здоровья [16].

Приведенные примеры из судебной практики позволяют сделать вывод, что изъятие ребенка из семьи, являясь вынужденной мерой, применяется только в случае выявления негативных факторов, отрицательно влияющих на развитие и воспитание ребенка, создающих реальную опасность для здоровья и жизни малолетнего, и разрешение семейных споров происходит с соблюдением не только законных прав и интересов обоих родителей, но, в первую очередь, с безусловным соблюдением интересов несовершеннолетних детей.

Здесь возникает вопрос: как представителю опеки определить критерии данной опасности, учитывая, что каждый субъект, в том числе

наделенный властными полномочиями, имеет свои представления о приемлемости и допустимости? При отсутствии четких законодательных ориентиров в понятии опасности мы не исключаем ошибок со стороны органов опеки, когда возможно принятие произвольных решений об изъятии детей из семьи без достаточных к тому оснований. Полагаем, что правовое регулирование процедуры изъятия детей из семьи, прежде всего, должно в полной мере отвечать наилучшим интересам самого ребенка, под которыми в силу международного и российского законодательства понимается право ребенка на жизнь, выживание, всестороннее и гармоничное развитие.

Безусловно, на сегодня немаловажным фактором являются профилактические меры, которые должны проводиться в неблагополучных семьях с целью исключения безразличного, а нередко и жестокого отношения со стороны родителей к детям. Подтверждением разумного и взвешенного подхода сотрудников органов опеки к соблюдению прав и интересов несовершеннолетних детей, сохранению ими семейных уз является анализ приведенной статистики по Санкт-Петербургу о снижении количества случаев изъятия детей.

Подводя итоги данному исследованию, необходимо отразить следующее.

Во-первых, надзор со стороны государства за законностью принимаемых органами опеки и попечительства решений, в том числе связанных с отобранием детей в административном порядке, осуществляется прокуратурой. Дополнительным контролирующим государственным органом выступает Уполномоченный по правам ребенка.

Во-вторых, несмотря на наличие множества органов в сфере семьи, координационный орган в области семейной направленности как таковой отсутствует и абсолютное большинство функций возложено на органы опеки и попечительства.

В-третьих, права родителей на возвращение ребенка, отобранного в административном порядке, защищены национальным законодательством, и в данном аспекте мы можем говорить «о презумпции возвращения ребенка в семью после выяснения обстоятельств произошедшего и проведения определенных социально-реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление воспитательного функционала семьи» [12, с. 38–63], в результате чего отпадает основной критерий, касающийся угрозы жизни и здоровья ребенка.

В-четвертых, первоочередной задачей государства является проведение профилактических мероприятий, направленных на превенцию возникновения оснований как для отобрания ребенка, так и для последующего лишения или ограничения родительских прав. И

здесь специалистам системы профилактики необходимо распознать тот переломный момент, который делает обычную семью проблемной, и принять все необходимые меры для оказания помощи именно на раннем этапе. В это время помощь не только необходима, но и наиболее действенна. Чем дольше семья находится в кризисе, тем ниже потенциал для ее восстановления, и тем больший объем усилий необходим для ее реабилитации. Указанное свидетельствует о том, что необходим комплекс организационных и профилактических мер, максимально подчиненный принципу приоритета семейного воспитания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Беспалов Ю.Ф. Некоторые проблемы применения семейного законодательства в части государственной охраны и защиты ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, и пути их решения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 4–7.
9. Бостриков В.А. Проблемные вопросы изъятия ребенка из семьи // Защита частных прав: проблемы теории и практики: Материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–23 декабря 2022 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 136–143.
10. Букшина С.В. Отобрание ребенка в административном порядке: основание, последствия и значение // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 13–16.

11. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кравчук Н.В. Изъять нельзя оставить: взгляд на российские реалии изъятия ребенка из семьи через призму стандартов Европейского суда по правам человека // *Международное правосудие*. 2022. № 2 (42). С. 38–63.

13. Мельникова М.Б. Роль прокурора в оценке законности отобрания ребенка у родителей // *Законность*. 2018. № 2 (1000). С. 37–40.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 г. № 1083-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соколовой Татьяны Сергеевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына статьей 77 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан по делу № 33-6312/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2023 г. № 88а-4016/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 г. № 88а-14810/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spbdeti.org> (дата обращения: 01.08.2024).

Об авторе:

ДОРОФЕЕВА Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (199178, 10-я Линия В. О., 19 А, Санкт-Петербург), федеральный судья в отставке, ORCID 0000-0002-1001-9659, SPIN-код: 5827-0464, AuthorID: 778519, e-mail: sveta.dorofeeva994@gmail.com

Protection of the interests of minor children through administrative measures and procedures

S.N. Dorofeeva

All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg

The object of the study is the legal relationship arising between parents, legal representatives of the child and guardianship and trusteeship authorities when the latter use the administrative mechanism of removing children. The subject of the study is the norms of family law regulating the institution of removing a child in case of an immediate threat to his or her life or health. The goal is to analyze the theoretical inconsistency of Article 77 of the Family Code of the Russian Federation, which is expressed in the absence of clear criteria that fall under the attributes of the term "immediate threat to the life or health of the child". The tasks are considered as alternative ways of protecting children when parents violate the rights of the child. The research method is

comparative, on the basis of which both doctrinal approaches and explanations of law enforcement officers regarding the concept of a threat to the life and health of children are presented. The results of the study can be presented in the following conclusions. In order to exclude the adoption of unreasonable decisions aimed at removing a child from the family, it is necessary to take into account the specific life situation in the family, without limiting ourselves to purely formal criteria, which will protect the interests of the child removed from the family. It is necessary to develop a set of organizational and preventive measures that are maximally subordinated to the preservation of family education and applied before the parents' actions are found to constitute an offense that could lead to the removal of the child with the possible subsequent loss of parental legal relations.

Keywords: *the priority of family education, an immediate threat to the life or health of children, the administrative procedure for selecting children, draft laws, guardianship and guardianship authorities.*

About author:

DOROFEEVA Svetlana – senior lecturer of the Department of Civil Law at the Saint Petersburg Institute (branch) of FGVU «Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice)» (199178, 10th Line B. O., 19 A, Saint Petersburg), federal judge in retirement, ORCID 0000-0002-1001-9659, SPIN-code: 5827-0464, AuthorID: 778519, e-mail: sveta.dorofeeva994@gmail.com

Дорофеева С.Н. Защита интересов несовершеннолетних детей с помощью административных мер и процедур // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 36–46.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Альтернативные формы внесудебного разрешения административных споров

А.С. Мендель

Департамент городского имущества города Москвы, г. Москва

В статье рассматриваются альтернативные способы разрешения административных споров в России, основное внимание уделено медиации и внесудебным административным трибуналам. Освещены преимущества и недостатки каждого из методов. В контексте медиации обсуждается роль медиаторов и изменения в законодательстве, усиливающие требования к их квалификации. В контексте административных трибуналов анализируются потенциал и сложности их внедрения в российскую правовую систему. Исследование показывает, что, несмотря на определенные трудности, альтернативные способы могут способствовать ускорению разрешения споров, снижению нагрузки на судебную систему и улучшению общего восприятия правосудия в обществе.

Ключевые слова: медиация, административные споры, альтернативное разрешение споров, административные трибуналы, законодательные изменения, правовая система.

Невозможность разрешения административного спора посредством механизмов производства по административным жалобам порождает потребность в поиске иных способов разрешения спора. Самым популярным и привычным, но не единственным из таких способов является судебное разбирательство.

Существует целый ряд альтернативных способов внесудебного разрешения административных споров, имеющих различные преимущества в зависимости от сложившихся обстоятельств. К преимуществам относятся:

1) приближение администрации к общественности путем исключения антагонизма между сторонами спора и тем самым обеспечение более целесообразного решения по некоторым видам споров;

2) скорость достижения решения;

3) минимальная формальность, снижающая процедурную гибкость;

4) корректный и дружественный характер процедуры;

5) обращение к экспертам;

6) возможность урегулирования спора на основе принципов справедливости,

а не только в соответствии со строгими правовыми нормами;

7) процедурная экономия [10, с. 9].

Опыт применения альтернативных способов разрешения споров в различных отраслях права довольно богат и разнообразен, особенно это касается сферы гражданско-правовых отношений.

В то же время применение таких способов для разрешения административных споров сопряжено с рядом проблем. Одна из проблем заключается в том обстоятельстве, что зачастую осуществление государственного управления сопряжено с участием публичной администрации в гражданско-правовых отношениях. В этом случае возникает проблема разграничения административных и гражданских споров в связи с наличием имущественных отношений, основанных на властных отношениях, регулируемых публичным правом. Также возникают отношения на стыке правовых отраслей, но в то же время Гражданским кодексом Российской Федерации установлено ограничение на применение гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям [1].

Отношениями на стыке гражданского и административного права является осуществление закупок на основании Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44-ФЗ).

Члены комиссии по осуществлению закупок заказчика рассматривают заявки на участие в закупке на основании ч. 5 ст. 49 закона № 44-ФЗ и принимают решение о признании заявки соответствующей извещению или об отклонении заявки [4].

Согласно ст. 105 закона № 44-ФЗ участник вправе обжаловать действия (бездействия) заказчика в судебном порядке или заявить в контрольный орган в сфере закупок. Данный закон позволяет, в частности, обжаловать участнику закупки решение заказчика об отклонении заявки на участие в закупке.

Детальное описание процедуры проведения электронного аукциона, преобладание императивных норм, очевидно неравное положение заказчика и участника закупки, полное отстранение участников от процедуры формирования извещения, рассмотрения заявок заказчиком, наличие процедуры обжалования действий (бездействий) заказчика в административном порядке сигнализируют о наличии доминирующего административного элемента в отношениях между заказчиком и участником закупки в рамках закона № 44-ФЗ.

В то же время после завершения закупочной процедуры в отношениях между заказчиком и подрядчиком (поставщиком) начинают доминировать нормы гражданско-правового характера, но конкуренция административного и гражданского права в рамках закупочной

деятельности продолжает сохраняться и в последующем взаимодействии сторон государственного контракта.

Примером может служить ситуация, складывающаяся при конфликте между заказчиком и подрядчиком, возникшем в результате ненадлежащего исполнения подрядчиком контракта по сложному текущему или капитальному ремонту объекта. Если подрядчик исполнил контракт только отчасти, допустив ряд нарушений в качестве осуществляемых работ, при этом у заказчика нет возможности собственными силами оценить объем выполненных работ, а бюджет заказчика не предусматривает расходы на привлечение сторонних экспертов для независимой оценки предъявленного исполнения обязательства, то возникает риск возникновения сразу двух споров: гражданско-правового спора по вопросу оплаты фактически выполненных работ и административно-правового спора по вопросу неэффективного расходования бюджетных средств (как при оплате выполненных работ без достаточно качественной их оценки, так и при уплате в судебном порядке неустойки за неоплату фактически выполненных работ).

Возможность устранения описанного конфликта посредством применения альтернативных способов разрешения споров в рамках гражданских отношений могла бы предотвратить возникновение целого ряда административных споров, но этот путь фактически блокирован нормами административного права.

Кроме того, вопрос использования альтернативных способов разрешения спора в административном праве является дискуссионным.

Ряд специалистов принципиально отрицают возможность применения альтернативных процедур по административным делам, обуславливая эту позицию спецификой административных отношений.

С одной стороны, данная позиция имеет право на существование. Органы государственной власти должны согласовывать свою деятельность с публичным интересом и руководствоваться им, отстаивать публичный интерес в отношениях с другими субъектами, в том числе в административных спорах. В совершенной картине мира каждое решение органа государственной власти – отражение интереса всего общества в целом. В этой призма использование альтернативных методов разрешения спора, предполагающих поиск компромисса между участниками конфликтного правоотношения, выглядит недопустимым, т. к. может привести к некоторому ущемлению публичного интереса.

С другой стороны, ошибочно было бы предполагать, что все действия и решения органов государственной власти и должностных лиц во всех случаях являются в полной мере отражением публичного интереса. В действительности, как уже отмечалось ранее, деятельность публичной администрации не лишена недостатков, обусловленных человеческим фактором, например таких, как случайные ошибки или

использование служебного положения должностными лицами в личных интересах.

К тому же перечисленные ранее преимущества альтернативных способов разрешения споров вполне соотносятся с общественными интересами, в связи с чем сторонники противоположной позиции считают применение альтернативных процедур не просто возможным, а даже желательным.

До недавнего времени применение процедуры медиации в рамках разрешения административно-правовых споров российским законодательством не было предусмотрено.

Реформа 2019 г. значительно расширила сферу применения Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – закон о медиации), дополнив ст. 2 данного закона и включив в предмет его регулирования отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений [3].

Закон о медиации определяет медиацию как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Законодатель определил ряд принципов, на основе которых проводится процедура медиации:

- 1) взаимное волеизъявление сторон,
- 2) добровольность,
- 3) конфиденциальность,
- 4) сотрудничество,
- 5) равноправие сторон,
- 6) беспристрастность и независимость медиатора.

Стороны конфликта могут прибегнуть к медиации как до передачи спора в суд, так и уже в процессе рассмотрения судом до момента принятия решения по спору.

Ключевую роль в процедуре медиации занимает медиатор, который может быть как профессиональным, так и непрофессиональным. Требования к непрофессионалам минимальные – достаточно достигнуть восемнадцати лет, быть дееспособным и не иметь судимости.

Институт непрофессиональной медиации постепенно вымирает в связи со своей невостребованностью и возможными злоупотреблениями со стороны непрофессиональных медиаторов. Так, с 2019 г. медиативное соглашение в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного листа. Данная норма касалась медиативных соглашений, достигнутых в результате процедуры медиации с привлечением как профессионального, так и непрофессионального медиатора. К данной норме с самого начала

юридическое сообщество отнеслось с опасениями, которые в результате подтвердились, и законодателю пришлось в середине 2021 г. внести поправки в «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», оставив возможность удостоверения медиативных соглашений только с участием профессиональных медиаторов [5].

Попытки ужесточить требования к медиаторам и исключить из закона институт непрофессиональной медиации осуществляются еще с 2020 г. Министерством юстиции Российской Федерации был подготовлен проект нового федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации», который не получил дальнейшего развития в том числе в связи с серьезной критикой ряда его положений со стороны профессионального сообщества, но уже в этом проекте институт непрофессиональной медиации отсутствует [9].

Можно предположить, что обсуждаемый институт так или иначе исчезнет в ближайшем будущем, т. к. его существование подвергает риску репутацию всей процедуры медиации и профессиональных медиаторов, в частности, в связи с низкими требованиями к непрофессиональным медиаторам.

Ужесточение требований к фигуре медиатора может поспособствовать повышению доверия к процедуре как у всего общества, так и у субъектов административных споров в особенности, т. к. публичный и частный интересы, являющиеся объектами административного конфликта, зачастую являются особо чувствительными в связи со спецификой административных правоотношений.

Помимо расширения действия закона о медиации в 2019 г. Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» рядом статей был дополнен Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [2].

КАС РФ регулирует применение медиации в случае передачи административного спора на рассмотрение в суд, причисляя медиацию к виду примирительных процедур, и ограничивает возможность применения медиации по ряду споров, например, об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

В отношении медиации, урегулированной нормами КАС РФ, нельзя не сказать о внесудебном разрешении административного спора, т. к. данная процедура является частью судебного примирения сторон, когда дело уже передано на рассмотрение в суд, и суд играет важную роль в процедуре медиации.

В то же время в законе о медиации указан предмет регулирования закона, он в большей степени нацелен на применение процедуры медиации в рамках досудебного урегулирования конфликта и не содержит запрета на такое урегулирование в отношении административных споров. Поэтому, с теоретической и практической точек зрения, мы можем говорить о возможности разрешения административных споров посредством медиации во внесудебном порядке.

Практика применения медиации в рамках административных правоотношений развивается очень осторожно в связи со спецификой самих отношений и скептицизмом, сложившимся у специалистов данной отрасли права, отмечающих либо неразвитость внесудебного административного примирения [7, с. 9], либо невозможность его применения в принципе.

Однако мы фактически наблюдаем рост заинтересованности сторон в разрешении административных споров посредством применения процедуры медиации, особенно в налоговой отрасли.

Споры о взыскании обязательных платежей и санкций являются разновидностью административных споров. Именно в части разрешения такого рода конфликтов медиация представляется эффективным и перспективным инструментом, что в последнее время все чаще отмечается учеными и специалистами налогового ведомства.

Перспектива использования медиативных процедур с налогоплательщиками во внесудебном порядке в 2020 г. стала темой публичных обсуждений, в которых принял участие руководитель Управления ФНС России по Санкт-Петербургу А.В. Гнедых [8].

Практика использования медиации по налоговым правоотношениям начала складываться с заключения соглашения между межрайонной инспекцией Федеральной налоговой службы России № 21 по Санкт-Петербургу и обществом с ограниченной ответственностью «Риф» (до реорганизации общество с ограниченной ответственностью «Таллер»). Стороны обратились к медиатору, т. к. со стороны юридического лица налоговым органом были выявлены риски неуплаты налогов. Результатом работы с независимым посредником стала договоренность между юридическим лицом и государственным органом, устранившая риски обеих сторон.

Процедура медиации в рамках разрешения налоговых споров выгодна как для налогоплательщика, так и для налогового органа, а также обладает общественно-полезным эффектом по ряду причин:

1) сокращение издержек налогового органа, связанных с проведением проверок налогоплательщика и мероприятий, направленных на взыскание недоимки [8];

2) реальный способ получения недоимки, без необходимости в розыске имущества в ходе исполнительного производства;

- 3) сокращение судебных издержек сторон конфликта;
- 4) скорость и бесконфликтность урегулирования спора;
- 5) возможность предусмотреть наиболее комфортный вариант уплаты недоимки для налогоплательщика, что положительно сказывается на распределении налоговой нагрузки;
- 6) устранение репутационного ущерба налогоплательщика;
- 7) сохранение субъекта предпринимательской деятельности в экономике страны;
- 8) создание положительного образа налогового органа в публичном сознании как договороспособного субъекта.

Несмотря на то что медиация как способ разрешения публичных споров – инструмент новый, и публичная администрация только начинает осторожно вводить его в практику, уже высказывается мнение о целесообразности разработки процедуры онлайн-медиации и ее применения в отношении публичных споров [6].

Хотя нормативно институт онлайн-медиации не урегулирован, он фактически существует на практике, несмотря на то, что такой формат разрешения споров связан с рядом проблем, главная из которых заключается в обеспечении принципа конфиденциальности. Если каждая из сторон и сам медиатор не являются специалистами в IT-сфере, то обеспечение тайны процедуры медиации становится затруднительным, т. к. никто из участников не может быть уверен в безопасности платформы, на базе которой проводится процедура, и в лучшем случае участники медиации просто доверяют платформе, не имея возможности каким-либо образом проверить ее надежность и добросовестность.

По нашему мнению, публичная администрация только в процессе перехода на электронное государственное управление и пока не готова к переходу к онлайн-процедуре медиации. Этому институту еще предстоит завоевать доверие публичных субъектов, как когда-то он завоевал доверие в частно-правовой среде.

В целях цифровизации процедуры медиации полагаем необходимым создать новую сферу лицензируемой деятельности по оказанию содействия в проведении онлайн-медиации.

Существует еще один внесудебный способ разрешения административных споров, до настоящего времени нереализованный в России. Институт административных трибуналов существует в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Канаде и ряде других стран. Идея административного трибунала состоит в образовании внесудебного органа, уполномоченного на разрешение административных споров в определенной отрасли государственного управления, требующей специальных знаний. Богатый опыт деятельности трибуналов имеет Великобритания. Там трибуналы стали привычной частью системы разрешения споров. Оставаясь

квазисудебными независимыми органами, трибуналы занимают промежуточное место между судебной системой и публичной администрацией, отличаясь от судов меньшим процессуальным формализмом и большей дешевизной процесса.

Идея полноценной системы административных трибуналов как альтернативы судам (или даже как замены судов по публичным спорам) на данный момент видится слишком радикальной, поэтому можно рассмотреть институт трибунала в качестве добровольного альтернативного способа разрешения споров.

Институт административного трибунала имеет целый ряд преимуществ:

1. Члены трибунала обычно являются узконаправленным специалистами, что позволяет им быстрее вникнуть в суть спора и принять решение, исходя из своего богатого опыта и знаний в определенной отрасли; руководство процедурой осуществляет председатель трибунала в лице опытного юриста, отвечающего за правовую сторону разрешения конфликта.

2. Узкая специализация трибунала позволяет его членам накапливать опыт разрешения схожих споров, тем самым повышая эффективность органа.

3. Специализация трибунала позитивно влияет на единообразие правоприменительной практики.

Разрешение спора административным трибуналом может стать хорошей альтернативой процедуре медиации в сфере разрешения публичных споров.

Предлагается построить систему административных трибуналов на схожих с процедурой медиации началах взаимного волеизъявления, добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, беспристрастности и независимости членов трибунала.

Оптимальный состав трибунала, по нашему представлению, должен включать двух отраслевых специалистов и председателя трибунала в лице юриста. Для снижения рисков коррупционных факторов и личной заинтересованности членов трибунала в рамках рассмотрения особо сложных и дорогих споров возможно увеличение количество членов трибунала, но целесообразность такого увеличения должна быть оценена участниками конфликта, т.к. это неизбежно приведет к удорожанию процесса.

Приведем ряд выгодных для субъектов публичных правоотношений отличий процедуры рассмотрения спора административным трибуналом от процедуры медиации:

– члены трибунала должны быть профессионалами в той отрасли, в которой специализируется трибунал;

– административный трибунал – коллективный орган, что позволяет учесть мнение сразу нескольких специалистов относительно

рассматриваемого спора и разрешить конфликт, рассмотрев его с разных сторон;

– объективность и независимость коллективного органа обеспечить проще, т.к. если у одного из членов трибунала будет личная заинтересованность, его коллеги смогут компенсировать эти риски.

Описанные преимущества должны положительно сказаться на доверии субъектов административных правоотношений к данному способу разрешения споров. Кроме того, административные трибуналы способны рассматривать споры не только в сфере налогообложения, но и, например, в сфере контроля и надзора за осуществлением предпринимательской деятельностью.

Принимая во внимание исторически обусловленную негативную коннотацию термина «трибунал», полагаем возможным в отношении описываемого института использовать термин «административная коллегия».

Таким образом, дальнейшее развитие и совершенствование альтернативных форм разрешения административных споров требует проведения дополнительных исследований, а также разработки новых методов и подходов к урегулированию конфликтов.

Альтернативные формы внесудебного разрешения административных споров представляют собой важный инструмент, способствующий ускорению процесса разрешения конфликтов, снижению нагрузки на судебную систему и повышению уровня доверия граждан к органам публичной власти. Внедрение альтернативных способов разрешения административных споров имеет ряд преимуществ, позволяющих учесть права и обязанности всех субъектов правоотношений, полноценно осуществлять контроль и надзор за осуществлением предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1) (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Арзуманова Л.Л. Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования публично-правового спора // Право и цифровая экономика. 2021. № 4 (14) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Махина С.Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве: новое в законодательстве, теории и практике // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С. 5–11.

8. Медиация – новое слово в налоговой контроле // Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. URL: http://www.nalog.gov.ru/rn78/news/activities_fts/10194093/?ysclid=lf9pbkg8gl808181178 (дата обращения: 21.04.2024).

9. Проект федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации». Подготовлен Министерством юстиции Российской Федерации // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf?ysclid=lfcf718bko492696087 (дата обращения: 17.03.2024).

10. Шевчук П.П. Медиация в административных спорах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 240–246.

Об авторе:

МЕНДЕЛЬ Анна Сергеевна – главный специалист 2 судебного отдела Управления правового обеспечения в жилищной сфере Департамента городского имущества города Москвы (125993, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, д. 21, стр. 1); e-mail: annamendel@mail.ru

Alternative forms of out-of-court settlement of administrative disputes

A.S. Mendel

Moscow Department of City Property, Moscow

This article examines alternative methods for resolving administrative disputes in Russia, focusing on mediation and extrajudicial administrative tribunals. The advantages and disadvantages of each method are discussed. Within the context of mediation, the role of mediators and legislative changes that strengthen their qualification requirements are explored. Regarding administrative tribunals, their potential and the complexities of their implementation into the Russian legal system are analyzed. The study indicates that despite certain challenges, alternative methods can contribute to speeding up dispute resolution, reducing the burden on the judicial system, and improving the public perception of justice.

Keywords: *mediation, administrative disputes, alternative dispute resolution, administrative tribunals, legislative changes, legal system.*

About author:

MENDEL Anna – chief specialist of the 2nd judicial department of the Department of legal support in the housing sector of the Moscow Department of city property (125993, Moscow, 1st Krasnogvardeisky pr., 21 srt. 1), e-mail: annamendel@mail.ru

Мендель А.С. Альтернативные формы внесудебного разрешения административных споров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 47–57.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе на современном этапе

А.В. Орлов

ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», г. Псков

Уголовно-исполнительное законодательство на данном этапе реформирования претерпевает изменения, связанные с гуманизацией уголовно-исполнительной системы. На сегодняшний день остается актуальной реализация оперативно-розыскной деятельности в УИС как в местах лишения свободы, так и при реализации мер уголовно-правового характера, когда отбывание наказания не связано с изоляцией осужденного от общества. В связи с этим в уголовно-исполнительном законодательстве необходимы изменения на нормативном правовом уровне по выявлению целей и задач, связанных не только с реализацией ОРД в исправительном учреждении, но и с реализацией ОРД в СИЗО, а также при реализации наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В статье рассматриваются некоторые аспекты указанных изменений с использованием эмпирического метода исследования данной проблематики.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, правовое регулирование ОРД в УИС, уровни нормативного регулирования ОРД в УИС, ФЗ «Об ОРД».*

Актуальность указанной темы исследования обусловлена тем, что в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [2] описываются задачи уполномоченных органов исполнительной власти по выявлению, пресечению, раскрытию и оперативному расследованию преступлений уголовного характера, отличающие оперативно-розыскную деятельность от иных видов государственной деятельности по профилактике правонарушений в обществе.

Изучением теоретических и прикладных проблем правового регулирования оперативно-розыскной деятельности на современном этапе занимались такие ученые, как А.И. Алексеев, В.М. Атжамитов, И.И. Басецкий, Ю.С. Блинов, В.Г. Бобров, К.К. Горяинов, В.Н. Омелин, Г.К. Синилов.

Проблема правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе (далее – ОРД в УИС) актуальна на данном этапе реформирования. Изучением указанной проблематики занимались С.С. Епифанов, О. Г. Ковалев, А.В. Агарков,

А.О. Воробьев, Н.П. Гнедова, К.К. Горяинов, А.В. Кудрявцев, В.В. Кутуковский, Н.В. Румянцев, А.Б. Симонов, Г.С. Шкабин, И.М. Волчков, Кутуков С.А. и др.

Правовой основой ОРД в УИС является единство и полнота правовых актов, на которых базируется ОРД в учреждениях и органах пенитенциарной системы. Она имеет многоуровневую структуру, в которую входят конституционный, международно-правовой, законодательный и подзаконный уровни.

Конституционный уровень охватывает нормативную базу всех видов государственной деятельности и является правовой основой всех ветвей власти, имеет прямое отношение к УИС, а именно к защите прав и свобод как соотрудника УИС, так и самого осужденного.

Законодательный уровень регламентирует все институты и нормы, определяющие цели и задачи ОРД в УИС, направленные на выявление, раскрытие и пресечение правонарушений в системе УИС.

А.В. Кудрявцев рассматривал проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений с иными органами, осуществляющими ОРД с точки зрения межведомственной эффективности, описывается точка зрения унификации, а именно приведение к единообразию нормативных правовых актов, регулирующих ОРД на ведомственном и межведомственном уровнях [6, с. 54–57].

А.А. Байбарин, В.К. Тарыкин выявляют следующие проблемы правового регулирования ОРД в УИС: «Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности” создал правовую базу для ОРД, однако эффективность оперативно-розыскной деятельности во многом ограничивается существенными недостатками нормативно-правового и, прежде всего, законодательного, регулирования ОРД» [3, с. 138].

О.А. Галкина и В.К. Тарыкин приходят к выводу, что «следует разработать нормы, соответствующие современности, включить данные нормы не только в сам Закон об ОРД, но и в Конституцию. Также необходимо сформировать единую систему межведомственных актов и единую информационную базу, что будет способствовать эффективной политике в области ОРД и, как следствие, выведет на более качественный уровень процесс защиты прав личности» [3, с. 102–105].

На сегодняшний день большинство ученых рассматривают определённые проблемы выявления и расследования преступлений той или иной направленности. Исследуются особенности деятельности уполномоченного органа на начальном этапе расследования преступных деяний категории преступлений; анализируются особенности производства отдельных следственных действий; изучается роль оперуполномоченного как должностного лица, участвующего в расследовании преступлений, роли контролирующих органов при расследовании преступления, а именно роль прокурора как

должностного лица, осуществляющего надзор за законностью осуществления деятельности по выявлению преступлений [10, с. 75–82].

По мнению О.Г. Ковалева, О.А. Вагина, Е.Г. Юдина, ОРД как деятельность в целом беспредметна без уголовного права как материального права и уголовного процесса, который она непосредственно «обслуживает». Поэтому при реализации целей и задач ОРД необходимо руководствоваться Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ). В общей части УК РФ определены задачи и основания уголовной ответственности, понятия преступления, основные поисковые признаки поведения лиц, перечень статей и т. д. УПК РФ регламентирует порядок уголовного судопроизводства, определяет средства и условия доказывания, розыск скрывающихся преступников, а нормы, указанные в ст. 247 УПК РФ, напрямую касаются территориальных органов ФСИН по розыску и задержанию скрывающихся преступников. Исходя из этого, можно выделить косвенную (межотраслевую) регламентацию, к которой относятся: Закон об ОРД, УПК РФ, УК РФ, Федеральные законы «О прокуратуре» и «О полиции» [5, с. 46].

Создание Закона об ОРД положило начало отрасли оперативно-розыскного права, как в общем, так и в системе УИС. Помимо этого закона, в систему регламентирования ОРД входят около 18 Федеральных законов, напрямую или косвенно регламентирующих ОРД в УИС. Прямая регламентация – это те нормы, которые направлены на регулирование правоотношений в сфере уголовно-правовой политики и касаются ведения ОРД в УИС; косвенная – нормативно-правовая база, регламентирующая ОРД в УИС по средствам взаимодействия.

К прямой регламентации необходимо отнести Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ), т. к. он непосредственно регулирует оперативно-розыскную деятельность в системе исполнения уголовных наказаний. Статья 84 УИК РФ описывает цели и задачи ОРД в местах лишения свободы, в ней определяется одна из основных задач оперативных подразделений исправительных учреждений (далее – ИУ) – розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы [1]. Как отмечает А.А. Чайковский, «в данном случае организацией и осуществлением розыска осужденных занимаются непосредственно розыскные подразделения УИС, а оперативные подразделения ИУ оказывают им в этом полное содействие» [9, с. 119–126].

В нормах, указанных в ст. 18 УИК РФ, говорится, что объявление розыска осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества,

осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции, осуществляется оперативными подразделениями УИС.

В соответствии с ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ в случае уклонения осужденного к принудительным работам от получения предписания, указанного в ч. 2 настоящей статьи (в том числе в случае неявки за получением предписания), или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск территориальным органом УИС. Согласно ч. 2 ст. 60 УИК РФ осужденный, уклонившийся от отбывания принудительных работ (за исключением осужденного, уклонившегося от получения предписания, и осужденного, не прибывшего к месту отбывания принудительных работ в установленный предписанием срок), объявляется в розыск администрацией исправительного центра.

Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений УФСИН России по Псковской области показал, что выделяется ряд проблем по реализации ОРД в исправительных центрах, основная из которых – отсутствие оперуполномоченного в штате либо присутствие его как курирующего сотрудника, находящегося на внушительном расстоянии от самого исправительного центра.

В исправительных центрах, где отбывают наказание осужденные к принудительным работам, нет оперуполномоченных в штате исправительного центра, а лишь имеется курирующий оперативный сотрудник из исправительного учреждения либо аппарата управления, подчиненного исправительного центра, который не всегда находится в непосредственной близости к объекту, за которым закреплен [7, с. 151–155]. Законодательные нормы, за исключением перечисленных, как на федеральном уровне, так и на ведомственном, регламентирующие оперативную работу в исправительных центрах, в данный период времени отсутствуют.

В соответствии с ч. 6 ст. 75 УИК РФ в случае уклонения осужденного от получения предписания о направлении в колонию-поселение или неприбытия осужденного к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск.

Далее необходимо выделить подзаконный уровень, который также направлен на прямой или косвенный регламент ОРД в УИС: межведомственные приказы МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 06.10.2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» – данная Инструкция подробно регламентирует порядок организации и осуществления международного розыска; Приказ МВД России и ФСИН России от 17.06.2013 г. «Об утверждении Порядка оказания территориальными органами МВД России содействия

учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержания лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания, либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок» - приказ регламентирует взаимодействия органов внутренних дел с территориальными органами ФСИН России в части розыска сбежавших или уклоняющихся от наказания осужденных.

При рассмотрении вопроса о нормативном обеспечении ОРД в УИС необходимо затронуть реализацию ОРД в местах лишения свободы. Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений указывает, что оперативная обстановка в исправительных учреждениях напрямую зависит от нормативного регулирования оперативной работы, методики действия, выявления целей и задач и закрепления их на нормативном уровне. Закон об ОРД регламентирует деятельность оперативных сотрудников в общем, в независимости от структуры. Некоторые позиции указанного закона регламентируют деятельность оперативных подразделений УИС лишь косвенно.

В связи с этим невозможно не согласиться с С.А. Бежановым, который говорит о том, что к числу задач Закона об ОРД не относится обеспечение исполнения наказания и реализация иных мер уголовно-правового характера. В сопоставлении со ст. 84 УИК РФ можно сделать вывод о том, что УИК РФ регламентирует задачи ОРД только в местах лишения свободы, а исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, находится за пределами деятельности и контроля оперативных подразделений УИС в ИУ [4, с. 8].

Совершенствование правового регулирования ОРД в УИС необходимо начать с внесения поправок в само законодательство об ОРД и в детализацию положений оперативно-розыскной деятельности в межведомственных и внутриведомственных нормативных актах.

На данном этапе ОРД в УИС при ведении своей работы опирается на следующие нормативные акты: Конституция РФ, УИК РФ, УПК РФ, Закон об ОРД, Федеральный закон № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ», которые регламентируют деятельность оперативных аппаратов и взаимодействующих органов с УИС.

Подзаконные нормативно-правовые акты (ведомственные межведомственные, внутриведомственные), такие как: Правила внутреннего распорядка, Приказ Минюста России от 06.04.2009 г. № 102 «Об утверждении Инструкции по направлению в колонию-поселение осужденных к лишению свободы, в отношении которых судом принято решение, предусматривающее самостоятельное следование осужденного к месту отбывания наказания»; приказ Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации

исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»; приказ Минюста России от 11.10.2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»; приказ МВД России и ФСИН России от 17.06.2013 г. «Об утверждении Порядка оказания территориальными органами МВД России содействия учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержания лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания, либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок», освещают работу на внутриведомственном и межведомственном уровнях, конкретизируя ее.

Конституция РФ имеет высшую юридическую силу на территории Российской Федерации, в ней описываются права и свободы человека и гражданина в независимости от статуса. Ограничение этих прав может быть наложено только судом. Например, согласно ч. 2 ст. 23 Конституции РФ любой гражданин РФ имеет право на тайну телефонных переговоров; а уголовно-процессуальное законодательство в ст. 13 УПК РФ регламентирует право граждан на телефонные переговоры, предполагая исключение из него лишь на основании судебного решения, которое распространяется также на контроль и запись телефонных переговоров, соединение абонентских устройств при осуществлении ОРД, когда субъект ОРД (в соответствии со ст. 186 УПК РФ) располагает достоверными и достаточными (по мнению суда) основаниями для подготовки и совершения преступления. Положения рассматриваемых уголовно-процессуальных норм в полной мере относятся к лицам, находящимся в статусе подозреваемых и обвиняемых [8, с. 86–91].

Федеральные законы регламентируют ОРД в УИС лишь в части; ст. 84 УИК РФ регламентирует оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях и описана в гл. 12 «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения». ОРД в УИС, безусловно, имеет целью обеспечение режима в исправительном учреждении, как и любое другое направление в учреждении, но функции ОРД в ИУ намного глубже. Считаем, что статья об ОРД не должна относиться к данной главе, т. к. имеет специфические задачи, направленные не только на режим и его обеспечение в исправительных учреждениях, но и на раскрытие правонарушений и преступлений за его пределами. Необходимо описать цели, задачи, виды оперативно-розыскной деятельности в отдельной главе уголовно-исполнительного кодекса РФ, а ч. 1 ст. 84 УИК РФ изложить в следующей форме: «В исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и

иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях и за ее пределами преступлений, а также нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение, по освобождению из него, а также при смене вида наказания».

Слова «за его пределами», «а также при смене вида наказания» добавлены по причине необходимости расширения полномочий оперативных аппаратов из-за введения достаточно нового вида наказания в виде принудительных работ, необходимости осуществления надзора за осужденными в исправительных центрах с целью пресечения преступных намерений осужденного, а также за его пределами, выявления криминальных связей осужденных с внешним миром, родственниками, возможности обострения криминогенной обстановки в пределах ИУ и выявления криминальных связей на местах работы осужденного.

Слова «по освобождению из него» добавлены по причине необходимости сопровождения отрицательно-направленных осужденных, которые пребывали в ИУ и контролировались длительное время оперативным аппаратом учреждения. В данном контексте необходимо расширить круг полномочий оперативных аппаратов на местах по причине фактического наблюдения за осужденными длительный период времени и вероятного обладания значимой информацией о их связях внутри и за пределами ИУ.

Слова «при смене вида наказания» необходимы в связи с возможностью осужденного изменить вид уголовного наказания в подведомственных учреждениях, где ранее отбывал наказание осужденный (колония-поселения, исправительный центр).

Помимо указанного, считаем необходимым разделить полномочия, цели, задачи и функции оперативных аппаратов исправительных учреждений (ст. 84 УИК РФ), оперативных аппаратов следственных изоляторов, а также оперативных аппаратов отделов розыска лиц, укрывающихся от наказания, не связанного с изоляцией от общества.

В гл. 12 УИК описан функционал оперативных подразделений ИУ; оперативные аппараты СИЗО и тюрем имеют другую специфику работы, помимо задач по осуществлению режима. Необходимо описать на законодательном уровне и обозначить задачи оперативных подразделений СИЗО, тюрем и курирующих оперативных подразделений за наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества. Данное введение обусловлено тем, что контингент следственных изоляторов и исправительных учреждений,

как и условия отбывания наказания, статус гражданина в ИУ и СИЗО, разные. Первоочередными задачами оперативной работы в ИУ, исходя из законодательства, являются обеспечение режима, а в СИЗО – раскрытие преступления, обеспечение безопасности подозреваемого и обвиняемого, контроль за его поведением, в первую очередь за восприятием подозреваемого, обвиняемого, и самого вида пресечения – заключение под стражей.

Опрос сотрудников оперативных аппаратов СИЗО-1 УФСИН России по Псковской области показал, что при реализации ОРД сотрудники СИЗО опираются на нормы ст. 144 Закона об ОРД и нормы уголовно-исполнительного законодательства, которые не всегда имеют отношение к осуществлению ОРД в СИЗО.

В СИЗО, помимо подозреваемых и обвиняемых, содержатся осужденные (осужденные за преступления легкой и средней тяжести), и, т. к. СИЗО выполняет функцию ИУ, нормы УИЗ имеют косвенное отношение к реализации ОРД в СИЗО. Но большинство лиц, содержащихся в СИЗО, имеют статус подозреваемых и обвиняемых, поэтому задачи ОРД, описанные в ст. 84 гл. 12 УИК РФ не относятся к реализации ОРД в СИЗО. Статей, направленных на реализацию ОРД в СИЗО, в уголовно-исполнительном законодательстве нет, а оперативные аппараты СИЗО входят в штат сотрудников УИС. Предлагается разделить задачи и функционал, а также подведомственность указанных аппаратов, обозначить приоритетные задачи оперативных аппаратов СИЗО на законодательном уровне, выделить их в отдельной главе УИК РФ.

Рассматриванием проблем теории ОРД в начале XXI в. занималось достаточно большое количество ученых, однако практика ставит еще не мало проблем, требующих теоретического осмысления, практического решения и впоследствии правового обеспечения.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 12.08.1995 г. ; 144-ФЗ (ред. От 29.12.2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Байбарин А.А., Тарыкин В.К. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе: учебное пособие. Курск: из-во Юго-Западный государственный университет, 2020. 227 с.
4. Бежанов С.А. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
5. Ковалев О.Г., Вагин О.А., Юдин Е.Г. Оперативно-розыскная деятельность: содержание, развитие, особенности: учебное пособие. М., 2006. 175 с.
6. Кудрявцев А.В. Проблемы правового регулирования взаимодействия

оперативных подразделений УИС с иными органами, осуществляющими ОРД // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2012. С. 54–57.

7. Орлов С.В., Орлов А.В. К вопросу об организации оперативной работы в Исправительном центре, связанной с исполнением требований Уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительная система: история и современность: сб. материалов Межвузовской научно-практической конференции. Псков, 2023. С. 151–155.

8. Соколова А.В. Некоторые аспекты предоставления телефонных переговоров в формате видеосвязи осужденным к лишению свободы // Современные средства автоматизации деятельности сотрудников территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России: проблемы и перспективы. Сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2020. С. 86–91.

9. Чайковский А.А. Правовое регулирование розыскной работы в уголовно-исполнительной системе // Вестник Кузбасского института (48). 2021. № 3 (48). С. 119–126.

10. Яковлева Н.Г. О некоторых особенностях выявления и раскрытия должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2015. (4) С. 75–82.

Об авторе:

ОРЛОВ Антон Владимирович – преподаватель кафедры организации режима, Санкт-Петербургский Университет ФСИН России (Псковский филиал), SPIN-код: 4740-3652, AuthorID: 1159430 e-mail: antoneagle92@mail.ru

Legal regulation of operational investigative activities in the penal enforcement system at the present stage

A.V. Orlov

Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov

The penal enforcement legislation at this stage of reform is undergoing changes related to the harmonization of the penal enforcement system. At this stage of development, it remains relevant to implement operational investigative activities in the criminal justice system both in places of deprivation of liberty and in places of detention, as well as in the implementation of criminal law measures related to serving a sentence without isolation from society. In this regard, the PPE needs changes at the regulatory legal level to identify goals and objectives related not only to the implementation of ORDOS in a correctional institution, but also to the implementation of ORDOS in a pre-trial detention center, as well as in the implementation of punishments not related to isolation from society. In the course of the empirical method of studying this problem, this article examines some aspects of these changes.

Keywords: *operational investigative activities, legal regulation of the ORDO in the Criminal Code, levels of regulatory regulation of the ORDO in the criminal Code, Federal Law "On ORDO".*

About author:

ORLOV Anton – lecturer of the Department of Regime Organization, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch), SPIN-code: 4740-3652, AuthorID: 1159430 e-mail: antoneagle92@mail.ru

Орлов А.В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 58–67.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Право на жилище: эволюция и конституционное закрепление

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается право на жилище, его закрепление в текстах конституций нашего государства, возможность изменения конституционного текста в контексте актуального отношения к сущности права на жилище. Объектом исследования является закрепление права на жилище конституционными нормами в соотношении их со смыслом, придаваемым ему международным правом. Предметом исследования являются нормы международного права, конституционные нормы РФ и советских (российских) конституций, регламентирующие право на жилище. Целью исследования является рассмотрение этапов эволюции сущности права на жилище как в актах международного права, так и в нормах российских конституций. В качестве вывода предлагается отразить при изменении конституционного текста нормы, регламентирующие право на жилище, включив современное понимание сущности этого права.

***Ключевые слова:** право на жилище, достаточное жилище, комфортное жилище, эволюция сущности права на жилище, неприкосновенность жилища, коммодификация жилища, принципы реализации права на жилище, изменение Конституции РФ.*

Право на жилище как одно из важнейших прав человека включено в конституционные акты многих государств. Следует отметить, что с появления в конституциях государств норм, посвященных правам человека, право на жилище не сразу нашло свое закрепление в них. Можно говорить, что первоначально получило конституционный статус право на неприкосновенность жилища, которое является составляющим элементом права на неприкосновенность личности, но при этом включается как неотъемлемая составляющая права на жилище, поскольку придает ему тот правовой смысл, который можно выразить как «мой дом – моя крепость», гарантируя безопасность человека в своем жилище.

Первые российские конституции не включали право на жилище. Так, в Конституции 1918 г. нет упоминания об этом праве. Но уже в Конституции СССР 1936 г. в ст. 7 закрепляется: «Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный

инвентарь – согласно уставу сельскохозяйственной артели» [16]. Статья 10, в которой закреплена охрана права личной собственности граждан, включает перечисление ряда объектов, в числе которых помимо трудовых доходов, предметов домашнего хозяйства и обихода, предметов личного потребления названы жилой дом и подсобное домашнее хозяйство. В Конституции РСФСР 1937 г. появляется ст. 132: «Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом». Конституция СССР 1977 г. в ст. 13, в отличие от предыдущей конституции СССР, предлагает новую формулировку о личной собственности. «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная собственность граждан и право ее наследования охраняются государством» [17]. Видно, что отнесение имущества к личной собственности не ставится в зависимость от условия отнесения его к таковому уставом артели. Важнейшим достижением этой Конституции является включение в ее текст норм ст. 44: «Граждане СССР имеют право на жилище. Это право обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги. Граждане СССР должны бережно относиться к предоставленному им жилищу» [15]. Повторила нормы союзной Конституции в ст. 42 Конституция РСФСР 1978 г.

Современная российская Конституция в ст. 40 констатирует не только принадлежность каждому права на жилище. Она содержит запрет на произвольное лишения жилища. Важнейшими гарантиями права на жилище в условиях нового общественно-политического и экономического строя, закреплённого Конституцией 1993 г. [14], выступают положения ч. 2 и 3 ст. 40. Гарантируется неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). На государство возлагается ряд обязанностей, способствующих реализации исследуемого права.

Во-первых, это законодательное обеспечение предоставления норм жилой площади и определение условий бесплатного наделения жилищем, а также доступности платы в случаях платного предоставления жилья. Данные гарантии относятся к отдельным категориям граждан. Конкретно определена одна из них – малоимущие граждане. Однако предусмотрено, что законодательно могут быть определены и иные категории. К ним можно отнести детей сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, инвалидов, ветеранов

войны, многодетные семьи и иные. В конституционном тексте есть условие, что эти лица – граждане нашего государства.

Отметим, что в законодательстве предусмотрены гарантии права на жилище не только по признаку субъекта, который не может самостоятельно и без помощи государства реализовать право на жилище. Гарантии создаются для достижения более широких целей. Например, для обеспечения условий для развития определенных территорий и реализации иных прав граждан, проживающих на этих территориях (права на доступную медицинскую помощь, права на образование). Так, к категориям граждан, которым государство готово оказать поддержку при условии их работы в сельской местности, относят учителей и врачей.

Во-вторых, органы государственной власти и органы местного самоуправления должны создавать условия для осуществления права на жилище.

В-третьих, органами государственной власти и органами местного самоуправления необходимо поощрять жилищное строительство.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы. Логичным представляется соотнести эволюцию права на жилище в конституциях нашего государства с международными актами, развивающими сущностное наполнение и содержание названного права. Так, Всеобщая декларация прав человека [1] в ст. 25.1 провозглашает право человека на жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, включая в составляющие его элементы не только пищу, одежду, медицинский уход, но и жилище. С момента принятия Декларации на протяжении 75 лет право на жилище сущностно эволюционирует от первичного понимания его как права жить в жилище, «иметь крышу над головой», до права проживать в достаточном, комфортном, безопасном жилище. В Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации содержится положение о более благоприятном, чем для иных иностранных граждан, решении жилищного вопроса для беженцев (ст. 21) [3]. Обеспечение равноправия каждого человека, в том числе в праве на жилище, закреплено в ст. 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечания общего порядка к данному Пакту обращают внимание на то, что право на жилище должно рассматриваться как право на достаточное жилище (Замечание № 4, ст. 11 (1)). ООН отмечает, что в мире каждое государство ратифицировало хотя бы один из международных актов о достаточном жилище. Что понималось под достаточным жилищем? Первоначально данная характеристика являлась составляющей «достаточного жизненного уровня».

Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. добавляет еще одну характеристику, которая становится неотъемлемой частью сущности права на жилище – его неприкосновенность (ст. 17) [2]. Отметим, что норма о неприкосновенности жилища к этому времени содержалась в российской Конституции. Таким образом, можно сказать, что на первом этапе осмысления права человека на жилище речь шла о праве жить в жилище (что не равно праву надления жилым помещением или владения им). Реализация этого права рассматривается как гарантия от бездомности, включая в себя и гарантию от произвольного выселения.

С конца 60-х гг. до середины 70-х гг. XX века международное сообщество уделяет внимание праву на жилище несколько в ином контексте. Этот этап развития права на жилище включает в себя определение прав отдельных категорий лиц, которые по каким-либо причинам не могут реализовать свое право на жилище в полном объеме. Внимание правовых актов обращено на предотвращение дискриминации в отношении реализации права на жилище женщин, особенно тех, кто проживает в сельской местности. В этом случае названное право сопряжено с правом на пользование надлежащими условиями жизни наряду с правом на санитарные услуги (ст. 42. (h) Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [4]). Ребенок, как и любой человек, имеет право на неприкосновенность жилища. Государства должны принимать меры по оказанию лицам, воспитывающим детей, помощи в отношении обеспечения не только питанием и одеждой, но и жильем – такие положения содержатся в Конвенции о правах ребенка (ст. 16.1, 27.3) [5]. Трудящиеся-мигранты пользуются равным правовым режимом с гражданами государства по обеспечению жильем, и должны быть защищены от эксплуатации через арендную плату за жилье (ст. 43.1 Конвенции о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей).

Конвенция о правах инвалидов 2008 г. [6] предлагает государствам-участникам обеспечить равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания, содействовать полной реализации инвалидами этого права и их полному включению и вовлечению в местное сообщество, в том числе обеспечивая, чтобы инвалиды имели возможность выбирать наравне с другими людьми свое место жительства и то, где и с кем проживать, и не были обязаны проживать в каких-то определенных жилищных условиях. У инвалидов должен быть доступ к программам государственного жилья (ст. 28.2).

В своих правах не должны быть ущемлены коренные народы. Несмотря на то, что главным вопросом является вопрос о земле, недрах, природных богатствах и ресурсах, соответствующая Декларация (ст. 21.1, 23) предписывает, что «Государства с должным признанием законов, традиций, обычаев и систем землевладения разрабатывать

стратегии в целях осуществления народами своего права на развитие, в том числе, определении здравоохранительных, жилищных и других социально-экономических программ» [7].

Право на жилище рассматривалось в отношении трудящихся. Так, Международная организация труда в ряде своих конвенций указывала, что при установлении прожиточного минимума должны учитываться основные потребности работника, к которым отнесено жилище (ст. 5.2) [8]. Отдельно приняты рекомендации Международной организации труда по жилищному строительству для трудящихся (1961 г.) [10].

Отдельно урегулированы вопросы по правам населения во время войны. В соответствующей Конвенции 1949 г. вопросы жилища, предоставляемого интернированным лицам, должны быть на уровне стандартов, названных в этой Женевской конвенции: «Помещения должны быть полностью защищены от сырости, в достаточной мере отапливаться и освещаться, особенно в промежутки времени между наступлением темноты и установленным часом выключения света. Спальные помещения должны быть достаточно просторны и хорошо проветриваемы» [9].

Внимание международного сообщества к праву на жилище актуализировалось в связи с констатацией того, что оно представляет собой не только компонент права на достаточный жизненный уровень, но все чаще «жилье считается возможностью для инвестиций, а не общественным благом и основополагающим правом человека» [13]. Данный факт считается негативным влиянием на возможную реализацию права на жилище.

Резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25.09.2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» определены 17 целей в области устойчивого развития и 169 задач. На основании этого акта в 2016 г. на Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию принимается Новая программа развития городов [12]. В «Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [11] ставится задача 11.1, предусматривающая обеспечение всеобщего доступа «к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам» и благоустройство «трущоб». Указано, что жилищные проблемы должны рассматриваться не в контексте коммодификации жилища как средства для накопления богатства, а с позиции центральной роли в этом процессе парадигмы прав человека. Сущностная характеристика «достаточного жилища» дополняется содержанием того, что само по себе жилище является частью определенного географического пространства и определенного социума [13]. Поэтому оно должно быть экологически безопасным, иметь транспортную доступность. Принцип экологически устойчивой урбанизации должен стать одним из факторов планирования строительства жилья. Еще одним из принципов реализации права на

жилище должен стать принцип открытости и доступности участия населения в комплексном планировании населенных пунктов. Таким образом, актами международного права обозначена концепция подхода к праву на жилище, включающая в себя новые принципы, которые должны лечь в основу внутригосударственного законодательства, регулирующего отношения, связанные с правом на жилище и его реализацией.

Конституционное право на жилище развивается нормативно-правовым регулированием. Следует отметить, что помимо конституционных норм, реализации названного права посвящены нормы специальной отрасли – жилищного права, иные нормы о реализации, охране и защите этого права содержатся в административном, уголовном, гражданском, социальном и ином законодательстве. Огромную роль в охране названного права играют решения Конституционного Суда РФ. Благодаря его решениям формируется понимание сущности права на жилище, пределы его осуществления, параметры охраны и защиты от произвольного толкования норм права, регламентирующих право на жилище.

Возвращаясь к анализу текста ст. 40 Конституции РФ 1993 г. можно отметить, что он нуждается в редакции, которая отразит современный подход к пониманию сущности права на жилище. Само понятие жилища требует дополнительной характеристики, поскольку в современных условиях речь не может идти о «просто жилище». Жилище должно быть комфортным, соответствовать пониманию экологической безопасности и непротиворечивости эксплуатации его по отношению к окружающей среде. Понятие жилища сопряжено с достоинством личности. Оно отражает качество жизни. Человек, реализуя свое право на жилище, должен рассчитывать на то, что качество жилища не умаляет человеческое достоинство, что государство не просто гарантирует право, а устанавливает определенный качественный стандарт жилища. В перспективе возможного принятия новой конституции нашего государства данное право должно найти в ней отражение как право каждого на достойное, безопасное и комфортное жилище. А также должны быть отражены принципы международного права: экологически устойчивой урбанизации, открытости и доступности участия населения в комплексном планировании населенных пунктов.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Заключена 21.12.1965 г.) (с изм. от 15.01.1992 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979 г.) (с изм. от 22.05.1995 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 г. на 107-ом пленарном заседании 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Конвенция № 117 Международной организации труда «Об основных целях и нормах социальной политики» (Заключена в г. Женеве 22.06.1962 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 12.08.1949 г.) (с изм. от 08.12.2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Рекомендация № 115 Международной организации труда «О жилищном строительстве для трудящихся» (Принята в г. Женеве 28.06.1961 г. на 45-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Резолюция 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»: принята Генеральной Ассамблеей ООН 25.09.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 27.08.2024).

12. Новая программа развития городов, принята на Конференции ООН по жилью и устойчивому развитию (Хабитат III), г. Киото, Эквадор, 17–20 октября 2016 г. Одобрена на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 23.12.2016 A/RES/71/256. Новая программа развития городов. Русский. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://habitat3.org/wp-content/uploads/New-Urban-Agenda-GA-Adopted-68th-Plenary-N1646659-R.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).

13. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. 18 января 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/report-special-rapporteur-adequate-housing-component-right-adequate-0> (дата обращения: 27.08.2024).

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 27.08.2024).

16. Конституции СССР 1936 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 27.08.2024).

17. Конституция РСФСР 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 27.08.2024).

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

The right to housing: evolution and constitutional consolidation

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article examines the right to housing, its consolidation in the texts of the constitutions of our state, the possibility of changing the constitutional text in the context of the current attitude to the essence of the right to housing. The object of the study is the consolidation of the right to housing by constitutional norms in their relationship with the meaning given to it by international law. The subject of the study is the norms of international law, constitutional norms of the Russian Federation and Soviet (Russian) constitutions regulating the right to housing. The purpose of the study is to consider the stages of the evolution of the essence of the right to housing, both in acts of international law and in the norms of Russian constitutions. As a conclusion, it is proposed to reflect when changing the constitutional text of the norms regulating the right to housing, including a modern understanding of the essence of this right.

Keywords: *right to housing, adequate housing, comfortable housing, evolution of the essence of the right to housing, inviolability of housing, commodification of housing, principles of implementation of the right to housing, amendments to the Constitution of the Russian Federation.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Право на жилище: эволюция и конституционное закрепление // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 68–75.

Статья поступила в редакцию 28.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 340.142

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.076

Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения

Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²

¹ ФГБОУ ВО «Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы При Президенте Российской Федерации», г. Москва

² ООО «БизнесИнТел», г. Москва

Статья посвящена исследованию природы актов высших судов, ставших нормативными, и их классификации как квазинормативных или нетрадиционных источников права. Особое внимание уделяется внедрению искусственного интеллекта в судебную систему России, рассматриваются его потенциал и риски для повышения качества судебных решений. Авторами проанализированы правовые аспекты использования нейронных сетей, выявлены проблемы и предложены стратегические решения для успешной интеграции новых технологий в систему правосудия. В статье подчеркивается необходимость поиска баланса между технологическими инновациями и сохранением правовой традиции. Авторы предлагают несколько ключевых изменений: усиление правового регулирования использования нейронных сетей в судебной практике, внедрение специализированных программ обучения для судей и правоприменителей в области цифровых технологий, а также разработку универсальных алгоритмов для искусственного интеллекта с учетом правовой специфики различных отраслей.

Ключевые слова: *судебное правотворчество, искусственный интеллект, цифровизация правосудия, прецедентное право.*

Ранее отправной точкой процессов цифровизации в гражданском судопроизводстве считалась принятая Правительством Российской Федерации программа развития судебной системы вплоть до 2011 г. [6]. Нужно отметить, что в период до 2020 г. также был осуществлен частичный переход к электронному документообороту. Созданная автоматизированная судебная информационная система сформировала единую правовую базу судебных решений и правовых актов, позже была внедрена форма аудиопроотолирования судебных заседаний.

Тем не менее с точки зрения заслуженного юриста России В.Д. Зорькина проблемы судов и правосудия уже невозможно замалчивать [17, с. 299]. Это обусловлено тем, что задачей судебной власти является правосудие, а не правотворчество, которое существенно изменило правоприменительную практику. Природа актов высших

судов, ставших нормативными, является спорной: такие акты относят к квазинормативным или нетрадиционным источникам права по своему происхождению и юридической силе. Наделение судебных актов высших судов правовой нормативностью было следствием весьма низкой профессиональной подготовки судей в первые годы советской республики, в чем проявился еще и способ централизации власти, последствия которого ощутимы в правоприменительной практике и на сегодняшний день. Такое положение «было обусловлено спецификой данного исторического этапа развития общества» [16, с. 102].

Все заседания Верховного Суда РСФСР были обязательны для судебной системы, а толкование ими законов и разъяснения фактически заменяли пробелы в действующем законодательстве или вовсе подменяли его смысл [11]. Об этом свидетельствуют ссылки на эти источники в судебных решениях. Уже позже Пленум ВС СССР даст прямые указания судам по применению норм закона [9, 10, 12, 13], однако уже в 1998 г. решения Конституционного Суда РФ будут провозглашены источником права [3].

Такое положение противоречит принципу разделения власти и не допускает вмешательства высших судов в деятельность законодателя, а разная трактовка норм законов Пленумами ВС РФ создает правовую неопределенность. Суды в своих решениях все чаще ссылаются на постановления Пленумов уже как на источник права, подменяя этим нормативный правовой акт, главенство которого признает тот же Пленум ВС РФ № 48 [7].

После принятия Конституции РФ в 1993 г. и Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1] суды должны были использовать разъяснения Пленумов только как рекомендательную базу для обеспечения единообразия применения норм закона в Российских судах. Правовая позиция, сформированная высшими Судами, носит обязательный характер для судей.

В настоящее время ученых все больше интересует судебная практика и ее роль по отношению к источнику права в романо-германской правовой системе. Повышается значимость правовых и законодательных актов, которые приводят к нормотворческой практике судов. Несмотря на это, судебное нормотворчество все же не может больше являться законодательной деятельностью.

Отечественные авторы расширяют правовую природу термина «правовая позиция», обнаруживая при этом совершенно иной подход к источникам права. Все более отдаляясь от науки, такое нормотворческое правоприменение становится специфическим источником права и неким регулятором, лишенным теоретического обоснования. Кроме того, не всегда профессиональное сообщество, включая правоприменителей, четко осознает, что можно считать

правовой позицией, а что нет. На стыке этого противоречия рождаются разногласия между правовыми позициями высших судебных органов.

Правотворчество в настоящее время противостоит некоторым важным правовым явлениям, а именно конкретизации, исключающей нецелесообразность отображения в законе конкретизирующих норм и синхронизации, обеспечивающей сближение смежных отраслей законодательства. Однако так называемое «опережающее правотворчество» субъектов Российской Федерации вряд ли имеет потенциал восполнения правовых пробелов в законодательстве.

Все более тиражируемые ими подзаконные акты в законодательном регулировании подчас можно отнести к суррогатному праву. Хочется вспомнить концепцию Дж. Остина, который предлагал кодифицировать принимаемые судами решения в закрепленные акты, назвав это «Законами судей» (*ratio decidendi*). Ярким примером может служить Обзор практики от 09.12.2020 г. [14], где Верховный Суд РФ фактически взял на себя роль законодателя, установив новые требования относительно процедур, связанных с увольнением или сокращением численности работников. Согласно новому положению при увольнении сотрудников предприятие обязано предложить им свободную вакансию. Работодатель должен исполнять такую новацию, а суды, невзирая на многолетнюю практику, ориентироваться на позицию Верховного Суда, не обращая при этом внимания на явные расхождения новеллы с действующим трудовым законодательством.

Отечественной правовой системе знакомы и такие случаи, когда глава государства и главы ведомств издавали акты в период пандемии COVID-19, заменяющие и ограничивающие действующее законодательство. Таким примером является Указ Президента № 242 [5], установивший нерабочие оплачиваемые дни, что противоречит действующему Трудовому кодексу РФ.

Правотворческая миссия в судебной системе присуща в определенной части и Конституционному Суду Российской Федерации, вырабатывающему более 30 лет правовые позиции с помощью толкования как самой Конституции РФ, так и признания норм законов неконституционными. Следует отметить, что его решения обязательны к исполнению.

Однако правовой характер носят не все акты Конституционного Суда РФ, а его постановления. Можно сделать вывод, что власть в лице Конституционного Суда РФ осуществляет в полной мере правотворческие функции. Возможно, что своим постановлением № 1-П от 21.01.2010 г. [2] Конституционный Суд РФ провозгласил наличие в России прецедентного права, передав при этом Высшему Арбитражному Суду РФ полномочия толкования норм права в процессе рассмотрения дела и последующего дальнейшего обобщения дел со схожими обстоятельствами. Для соблюдения обратного действия нормы

закона, Конституционный Суд РФ использовал норму Арбитражного процессуального кодекса РФ, позволяющую пересматривать решения законных актов, вступивших в силу [4].

Принцип независимости судей в гражданском процессе определен ст. 8 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), а принцип их подчиненности только Конституцией РФ и федеральным законом. Все это идет вразрез с их обязанностью следовать указаниям постановлений Пленумов ВС РФ. Риск отмены судебных решений обязывает их подчиниться вне зависимости от личного и профессионального мнения судей [20, с. 82].

Этот вывод подтверждает ст. 390 ГПК РФ, которая говорит об обязательном следовании букве толкования закона вышестоящим судом при новом рассмотрении дела и полному подчинению этой трактовке судьей нижестоящего суда. Стоит отметить, что ст. 390 ГПК РФ противоречит норме п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, что говорит о необходимости создания однообразия в толковании и применении судами действующих правовых норм.

В соответствии с выводами Пленума ВС РФ № 23 решение суда будет законным только лишь при точном соблюдении в нем норм процессуального и материального права [8]. Тем не менее норма ч. 3 ст. 330 ГПК РФ допускает наличие не критических ошибок с целью сохранить правовую определенность в решении суда для сторон по делу. Такие разъяснения Пленума возвращают современную судебную систему к известному началу советской правовой культуры, где требовалось установить действительное обстоятельство по делу. В настоящее время есть возможность у высшей судебной инстанции отменить практически любое решение нижестоящего суда, что может породить коррупцию.

Исключить такое негативное явление под силу только внедренному в систему правосудия искусственному интеллекту, что также поможет устранить неэффективные, устаревшие и неоднозначные нормы права, которые допускают их множественное толкование путем коррекции или замены на более прозрачные, не изменив при этом и сам процесс нормотворчества законодателя.

Не можем не отметить и тот факт, что в России значительно сокращается срок принятия законов. Однако в связи с такой интенсивностью падает качество федерального законодательства, а за его пределами резко снижается и качество самих нормативных правовых актов.

В настоящее время пристальное внимание ученые уделяют вопросу внедрения искусственного интеллекта в судебную систему, в частности в область делопроизводства и оценку доказательств, с тем чтобы установить значимые обстоятельства по делу. Позитивной вехой станет запуск сервиса «Правосудие онлайн» в самое ближайшее время, где

возможности искусственного интеллекта лягут в основу создания проектов судебных решений. Предполагается, что подобный электронный помощник будет систематизировать данные и формировать материал, облегчающий процесс принятия судьей решения.

Однако, несмотря на ожидаемое позитивное влияние в части экономики правосудия, профессиональные судьи категорически не приветствуют такое нововведение [19, с. 120], опасаясь, по-видимому, прагматизации права по причине его утилитарности или отказа от правовых ценностей в пользу правовых интересов.

Разделяя этот прагматизм, отметим, что создаваемые алгоритмы искусственного интеллекта могут быть следствием предвзятого отношения к той или иной правовой доктрине как системе обобщения научного отношения к основам права его создателей, что в итоге может формировать неправильные или дискриминационные судебные решения.

Возникает задача, при которой искусственный интеллект должен дать такой совет, чтобы, к примеру, мнение судьи при вынесении им решения по делу осталось свободным и нейтральным от субъективного мнения цифрового помощника в судебных спорах. Кроме того, искусственный интеллект вряд ли способен понять дух закона и, более того, применить аналогию закона. Мы можем однозначно утверждать, что роль человека в качестве судьи на процессе незаменима.

Правовую неопределенность также может создать и отсутствие четкого правового регулирования использования в правовой сфере инструментов нейронных сетей как основы искусственного интеллекта. Недостаток квалифицированных специалистов (юристов, программистов, инженеров баз данных) также может не только замедлить процесс внедрения искусственного интеллекта, например в судопроизводство, но и значительно повысить уровень выдаваемых им ошибок.

Таким образом, решение перечисленных проблем требует серьезного подхода и пристального внимания со стороны законодателя, а также выработки стратегических решений, позволяющих реализовать на практике задачи внедрения новых технологий в систему российского правосудия. После успешной реализации в судебной процедуре формы электронного правосудия она может быть внедрена и в национальную инновационную систему.

Эту дискуссию мы развили во время обсуждения нашего научного доклада, посвященного проблеме судебного нормотворчества, на международной научно-практической конференции «Защита публичных интересов в сфере традиционных семейных и иных духовно-нравственных ценностей», проходившей 28.03.2024 г. в Институте государства и права Российской академии наук. Обсуждение

происходило во время работы секции «Процессуальные средства защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и перспективы». В процессе обсуждения ученые пришли к обоснованному мнению, что отменить решение нижестоящей инстанции при наличии «подсказки» со стороны искусственного интеллекта без явных нарушений будет невозможно. Это позволит устранить неопределенность и неоднородность в судебной практике. Кроме того, авторы статьи пришли к общему выводу, что искусственный интеллект не отменит принцип независимости судей при принятии решений, но сделает их работу более прозрачной и понятной для сторон по делу.

Применение искусственного интеллекта должно ограничиваться подсказками при решении судебных задач с целью сохранить независимость судебной системы изнутри. Также нельзя допускать и создание новой, конкурирующей формы авторской нормативности и правотворчества в части толкования и применения закона.

Мы убеждены, что опасения известных ученых по поводу судебного толкования права и его функции фактически балансируют с отказом большинства судов, поскольку на сегодняшний день напрямую применять нормы права не обоснованно. Подчас выбор сваливается в сторону нарушения данной функции с невозможностью в последующем квалифицирующем признании отказа суда в применении нормы права.

На наш взгляд, искусственный интеллект исключит возможность отказа в правосудии создаваемым судебным нормотворчеством и зарождающимся прецедентным правом в России, который свойственен лишь для стран англосаксонской правовой традиции как нетипичный источник права. Тем самым повысится само качество судебных решений. Однако содержащие право прецеденты могут выйти за рамки рекомендательных норм, пересиливая обязывающие (презюмированные – прим. авторов) правоположения.

Цифровизация играет значительную роль в усилении судебной системы как органа власти над законодателем за счет более гибких и прагматичных решений, объединяя в своих мотивированных решениях как судебную практику, так и теорию права. Тем самым создается новый виток судебного правотворчества. Следовательно, нам нужно искать баланс не только между желанием судов быть источником права, ограничив эти рамки положением законодателя, но и пределами защиты правовых ограничений в области взаимодействия человека и активно развивающихся технологий. Например, это может касаться вопросов защиты персональных данных. Однако не стоит сбрасывать со счетов и вполне обоснованное мнение о том, что цифровые технологии могут стать источником нормотворческих процессов, предвосхищая таким образом появление и создание новых правовых актов. В результате

заполняется на некоторое время сложившийся правовой вакуум [15, с. 8].

Стоит заметить, что цифровизация не может быть абсолютно применимой во всех отраслях права. Так, в вопросах, касающихся семейных правоотношений, суды часто обращают внимание на особые обстоятельства по каждому делу. Такое обстоятельство будет препятствовать разработке универсального алгоритма, подходящего для решения подобных казусов [18, с. 149].

Сегодня правовое сообщество, с одной стороны, возлагает большие надежды на искусственный интеллект по причине недоверия человеку и его субъективным решениям, а с другой – не доверяет самому искусственному интеллекту по причинам сложности и непрозрачности его алгоритмов для судей, прокуроров, сторон по делу, юристов и адвокатов. Несмотря на это противоречие, процесс внедрения искусственного интеллекта в судебную систему неизбежен и нуждается в регулировании его деятельности процессуальным законодательством.

Мы убеждены, что проверка судебных решений искусственным интеллектом только повысит качество правосудия и вернет доверие общества к беспристрастности, прозрачности и справедливости судов как независимого органа власти.

Подводя итог исследования, мы можем сделать вывод, что искусственный интеллект может оказать позитивное и оздоровительное влияние на судебную систему в целом и сделать неизбежным вычлечение из судебных решений человеческого фактора. Цифровые технологии могут освободить судей почти от векового и нередко обязательного следования догматическим положениям устаревших, в ряде случаев даже противоречащих действующему законодательству положений Пленумов и постановлений. Кроме того, судебные решения могут стать более предсказуемыми и понятными профессиональному сообществу и общественности благодаря возможности проведения их правового анализа. Только тогда судебная система обретет статус института власти, стоящего на страже важнейших конституционных принципов отечественной государственности.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.) // РГ.1997. № 3.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод «Микропровод»” и “Научно-производственное

предприятие «Респиратор»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 2.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ // РГ. 1998. № 121.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // РГ. 2002. № 137.

5. Указ Президента РФ от 23.04.2021 г. № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // РГ. 2021. № 89.

6. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 (ред. от 01.11.2012 г.) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007–2012 годы» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015 г.) «О судебном решении» // РГ. 2003. № 260.

9. Закон СССР от 30.11.1979 г. «О Верховном Суде СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.

10. Закон СССР от 12.02.1957 г. «Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 84, 85.

11. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «Об утверждении Положения о Судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

12. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

13. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.03.1921 г. «Положение о высшем судебном контроле» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

14. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.

15. Блажеев В.В. Введение // Цифровое право: учебник / А. Дюфло, Л.В. Андреева, В.В. Блажеев [и др.]. М.: Проспект, 2020. 640 с.

16. Емелина Л.А. Семейная парадигма эволюционного процесса российского общества: опыт историко-правового исследования // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. М.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2023. С. 100–107.

17. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 495 с.

18. Ильина О.Ю. Аналоговый и цифровой подходы к формированию базовых компетенций юристов: борьба и единство противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (58). С. 144–155.

19. Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 2. С. 116–124.

20. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2021. 398 с.

Об авторах:

ЕМЕЛИНА Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук; доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики ФГБОУ ВО «Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы При Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82); SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

ЯВОРСКИЙ Сергей Анатольевич – юрист компании ООО «БизнесИнТел» (108808, г. Москва, вн.тер.г. поселение Первомайское, п. Первомайское, ул. Центральная, д. 24); SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

**Judicial law-making in the era of digitalisation:
prospects and limitations**

L.A. Emelina¹, S.A. Yavorsky²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow

² LLC «BusinessInTel», Moscow

The article is devoted to the study of the nature of acts of higher courts that have become normative and their classification as quasi-normative or non-traditional sources of law. Special attention is paid to the introduction of artificial intelligence in the judicial system of Russia, its potential and risks for improving the quality of judicial decisions are considered. The authors analyse the legal aspects of the use of neural networks, identify problems and propose strategic solutions for the successful integration of new technologies into the justice system. The article emphasises the need to find a balance between technological innovation and preservation of legal tradition. The authors propose several key changes: strengthening legal regulation of the use of neural networks in judicial practice, introduction of specialised training programmes for judges and law enforcers in the field of digital technologies, as well as the development of universal algorithms for artificial intelligence, taking into account the legal specifics of various industries.

Keywords: *judicial lawmaking, artificial intelligence, digitalisation of justice, case law.*

About authors:

EMELINA Ludmila – PhD in Law; Associate Professor of the Department of Legal Support of Market Economy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia, Moscow, Vernadskogo Avenue, 82), SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru.

YAVORSKY Sergey – lawyer of the company LLC "BusinessInTel" (108808, Moscow, Pervomayskoye settlement, Pervomayskoye village, Centralnaya street, 24), SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

Емелина Л.А., Яворский С.А. Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 76–85.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Разрешение на строительство как основание для возникновения гражданских прав и обязанностей

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступает разрешение на строительство как основание возникновения гражданских прав и обязанностей участников гражданского оборота. Предметом исследования являются нормы гражданского и градостроительного законодательства, подзаконные акты, прямо или косвенно касающиеся гражданско-правового статуса и частноправового эффекта разрешений на строительство. В статье раскрывается проблема выдачи разрешения на строительство как юридического факта частного права, выделяются подтверждающий, управомочивающий, допускающий и обязывающий виды юридического эффекта разрешения на строительство, выявляется значение влияния разрешения на строительство на застройщика или иного заинтересованного лица.

Ключевые слова: административный акт, гражданские права и обязанности, недвижимость, объект капитального строительства, разрешение на строительство, строительство, юридический факт.

Пункт 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] содержит фактически неограниченный перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Это утверждение логично вытекает уже хотя бы из пп. 7 п. 1 ст. 8 ГК РФ: «вследствие иных действий граждан и юридических лиц».

Одним из самых интересных (и неоднозначных) оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей являются акты государственных органов и органов местного самоуправления (пп. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Так, профессор М.И. Брагинский указывал, что осуществление государством принадлежащих ему имущественных прав происходит в несвойственных гражданскому праву формах – в виде актов, в которых проявляется верховенство государства [12, с. 21]. Такую обособленность актов органов публичной власти от прочих оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей Р.Р. Садриева назвала актоспособностью [14, с. 95].

Отметим при этом, что определение лиц, выдающих такие акты, только как государственных и муниципальных органов не совсем точное. Широко распространено делегирование властных полномочий, выражающихся в выдаче соответствующих актов государственным

учреждениям [7] и публично-правовым компаниям, в том числе в части, касающейся выдачи разрешений на строительство [11].

Многообразие видов, форм и сфер применения указанных актов заслуживает отдельного исследования. В рамках настоящей статьи мы бы хотели остановиться на одном из них – важнейшем для российской экономики и иных сфер деятельности – разрешении на строительство.

Например, только на территории Тверской области Главное управление архитектуры и градостроительной деятельности Тверской области выдало разрешений на строительство: в 2023 г. – 163 ед. [9], в 2024 г. (по состоянию на 27.06.2024 г.) – уже 128 ед. [10] (в статистику не вошли акты о внесении изменений в разрешения на строительство, которых в 2023 и 2024 гг. было принято намного больше, чем самих разрешений).

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [3] разрешение на строительство представляет собой документ, который подтверждает соответствие проектной документации требованиям, установленным градостроительным регламентом (за исключением случая, предусмотренного ч. 1.1 настоящей статьи), проектом планировки территории и проектом межевания территории (за исключением случаев, если в соответствии с настоящим Кодексом подготовка проекта планировки территории и проекта межевания территории не требуется), при осуществлении строительства, реконструкции объекта капитального строительства, не являющегося линейным объектом (далее – требования к строительству, реконструкции объекта капитального строительства), или требованиям, установленным проектом планировки территории и проектом межевания территории, при осуществлении строительства, реконструкции линейного объекта (за исключением случаев, при которых для строительства, реконструкции линейного объекта не требуется подготовка документации по планировке территории), требованиям, установленным проектом планировки территории, в случае выдачи разрешения на строительство линейного объекта, для размещения которого не требуется образование земельного участка, а также допустимость размещения объекта капитального строительства на земельном участке в соответствии с разрешенным использованием такого земельного участка и ограничениями, установленными в соответствии с земельным и иным законодательством Российской Федерации. Разрешение на строительство дает застройщику право осуществлять строительство, реконструкцию объекта капитального строительства, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом.

Если редуцировать излишне сложные бюрократизированные формулировки указанной нормы, юридический эффект разрешения на

строительство как юридического факта, вытекающий из содержания ч. 1 ст. 51 ГрК РФ применительно к возникновению гражданских прав и обязанностей, следующий:

1. Подтверждающий: проектная документация на возводимый объект, соответствует требованиям градостроительного регламента и/или документам территориального планирования. Подача заявления о выдаче разрешения на строительство служит объявлением (выраженным волеизъявлением) уполномоченному на выдачу такого разрешения лицу, что заявитель желает застроить земельный участок, для чего заявитель подготовил и предоставляет этому лицу заявление о выдаче разрешения на строительство и необходимый пакет документов. При прохождении соответствующего чек-листа, установленного в рамках положений ст. 51 ГрК РФ соответствующими административными регламентами, уполномоченное лицо не может отказать в выдаче разрешения на строительство. То есть на момент выдачи указанного разрешения заявителю подтверждается право лица приступить к реализации процесса строительства или реконструкции. При этом подтверждение носит строго узкоспециализированный характер: в рамках только тех документов и сведений и в том объеме, которые были предоставлены на получение разрешения на строительство. Статьями 21.5–21.7, 21.9, 21.10, 21.14, 51 и 52 ГрК РФ установлен строго регламентированный порядок внесения изменений в разрешение на строительство или допущения отклонения параметров объекта капитального строительства (высоты, количества этажей, площади, объема) от проектной документации, если необходимость отклонения выявилась в процессе строительства, реконструкции, капитального ремонта такого объекта.

Так, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 11.11.2015 г. № 301-ПЭК15 (дело № А65-4542/2014), указал, что изменения, которые застройщик просил внести в выданные ему разрешения на строительство, вызваны намерением названного лица увеличить этажность и количество секций жилых домов. Если застройщик не доказал, что в процессе строительства выявлена объективная необходимость отклонения параметров объектов капитального строительства от проектной документации, влекущая изменение проектной документации и разрешения на строительство, отказ в переоформлении разрешения является правомерным.

2. Управомочивающий: лицо с момента получения разрешения на строительство приобретает специальную правоспособность застройщика, т. е. лица, которому принадлежит на определенном праве земельный участок и которое (исключительно которое) осуществляет на нем строительство (п. 16 ст. 1 ГрК РФ). Отметим при этом, что много лет в доктрине критикуется противоречие между понятиями застройщика в п. 16 ст. 1 ГрК РФ и ч. 1 ст. 3 Федерального закона от

17.11.1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – Закон об архитектурной деятельности), поскольку в последнем случае застройщик определяется как лицо, которое, помимо признаков, указанных в ГрК:

– смешано с понятием заказчика, хотя заказчик и застройщик понятия отнюдь не тождественные, и, более того, ГрК РФ понятие заказчика вообще не содержит, оперируя понятием «технический заказчик» (п. 22 ст. 1 ГрК РФ) и упоминая заказчика только в качестве лица, имеющего право на возмещение ущерба, причиненного вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения членом саморегулируемой организации строителей обязательств по договору подряда, заключенному с использованием конкурентных способов заключения договора (ст. 60.1 ГрК РФ);

– должно обязательно иметь разрешение на строительство, хотя ч. 17 ст. 51 ГрК РФ устанавливает перечень случаев, когда оно не требуется, но лицо, правомерно осуществляющее строительство без разрешения, от этого не перестает быть застройщиком и не приобретает какой-то новый правовой статус;

– обязано иметь архитектурный проект, выполненный в соответствии с архитектурно-планировочным заданием, хотя никаким законом не установлено запрета строительства без указанных документов вообще (например, распространенное возведение своими силами из имеющихся материалов индивидуальных жилых домов на земельных участках и последующая их регистрация в ЕГРН по «дачной амнистии»).

По нашему мнению, данное, казалось бы, противоречие, на самом деле не является серьезной проблемой и устраняется путем системного толкования норм ГрК РФ и ГК РФ: по общему правилу к застройщику применяются критерии, установленные ч. 16 ст. 1 ГрК, а в тех отношениях, где возникает архитектурный объект, строительство которого требует разрешения, – Закон об архитектурной деятельности. Если же застройщик имеет статус заказчика, в таком случае дополнительно к понятию застройщика согласно Закону об архитектурной деятельности, применяется понятие заказчика в том смысле, который ему придает законодатель в ст. 706 и 756 ГК РФ как стороне договора строительного подряда [2].

3. Допускающий: будущий объект или реконструированный объект может быть возведен только на конкретном земельном участке или двух и более смежных земельных участках, принадлежащих одному лицу, исключение – линейные объекты, для которых образования земельных участков не требуется [6].

Обсуждая пределы строительства границами земельного участка (участков), нельзя не упомянуть о недавно принятом Постановлении Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) по так

называемому «делу Ермака» [7], в котором КС РФ рассматривает вопрос о том, каким с точки зрения цивилистики объектом является подземный гараж. КС РФ, как мы можем предположить, первый из судов отметил, что используемый в законе термин «здания и сооружения, расположенные на земельных участках» не означает, что объект капитального строительства обязательно должен занимать наземную часть или наземную часть, преобладающую над подземной, а подразумевает, что здание или сооружение могут находиться и под ним.

При таких обстоятельствах разрешение на строительство, например, торгового центра или частной линии метро под землей не обязательно (и скорее всего крайне редко) может быть выдано пользователю земельного участка (участков) над планируемым к строительству объектом. В этой связи мы полагаем, что привязка строительства к земельному участку является желательным, но не обязательным в условиях развития науки и техники атрибутом разрешения на строительство, который может заменить как предварительный план границ будущего объекта строительства, исключительно в целях исполнения административных обязанностей при строительстве (передача уполномоченному лицу сведений), так и внесение предварительных границ еще не построенного объекта в Единый государственный реестр недвижимости и, соответственно, на Публичную кадастровую карту, т. е. оглашение этих сведений среди неопределенного круга лиц.

Дальнейшие рассуждения судов и субъектов законодательной инициативы на эту тему, как мы предполагаем, приведут к пониманию законодателем земельного участка в виде не плоской, а 3D-фигуры, что сейчас широко обсуждается в научной литературе [16].

4. Обязывающий: лицо, получая одобрение на строительство со стороны носителя публичной власти, приобретает ряд обязанностей. В публично-правовом контексте это прежде всего обязанность претерпевать при строительстве некоторых категорий объектов осуществление государственного строительного надзора (ст. 54 ГрК РФ) (например, при строительстве многоквартирных домов) или строительный контроль (ст. 53 ГрК РФ) (например, при капитальном ремонте многоквартирных домов). Данное правило не абсолютно, поскольку по умолчанию заявитель вправе получить разрешение на строительство, ничего не построить или не завершить строительство, срок действия разрешения на строительство кончится и никаких последствий для заявителя не наступит.

С точки зрения цивилистики это означает для лица, получившего разрешение на строительство, возникновение следующих гражданско-правовых обязанностей:

– обязанность заключить договоры с лицами, имеющими допуски и (или) в ряде случаев лицензии на производство конкретных видов работ

при строительстве, если у застройщика нет собственных допусков и (или) лицензий;

– осуществлять строительный контроль самостоятельно или на основании договора на проведение строительного контроля с третьим лицом (ч. 2 ст. 51 ГрК РФ);

– заключить с проектной организацией договор по внесению изменений в проектную документацию, если возникла необходимость таких изменений (ч. 4 ст. 48, ч. 3.8 и 3.9 ст. 49 ГрК РФ);

– заключить с экспертной организацией договор на проведение экспертизы измененной проектной документации (ч. 1 ст. 49 ГрК РФ).

Значение указанной нами выше полихотомии (более подробно о полихотомии в праве см. [15]) с точки зрения влияния на гражданский оборот представляется следующим.

Во-первых, выдача разрешения на строительство становится положительным ответом носителя публичной власти на волеизъявление лица начать строительство, т.е. создать новую вещь или переработать существующую. Отметим, впрочем, что развитие науки и техники, прежде всего блокчейн-технологий и искусственного интеллекта, введение ТИМ-моделирования в проектировании и строительстве, приведут к тому, что строгого государственного контроля за выдаче разрешений на строительство уже не понадобится и выдача разрешения на строительство может быть делегирована публичной властью на аутсорсинг специализированным организациям, например саморегулируемым организациям в области строительства и (или) проектирования, которые успешно выполняют публичные допуски к определенным видам работ взамен государственного лицензирования.

Во-вторых, с момента выдачи разрешения на строительство приводится в действие механизм приобретения права собственности на недвижимое имущество в порядке ст. 218 ГК РФ о приобретении права собственности застройщика или иного лица с применением ст. 219 ГК РФ (приобретение права на вновь создаваемое недвижимое имущество (при строительстве) или ст. 220 ГК РФ (при реконструкции). Как мы уже говорили, сама по себе выдача разрешения не означает, что строительство будет осуществляться, но по умолчанию выдача разрешения является первым (и самым ранним) юридическим фактом в составе правоотношения, направленного на приобретение права собственности на вещь. В-третьих, выдача разрешения на строительство означает предстоящее изменение имущественной сферы застройщика или иного лица, которое приобретет в собственность построенный объект, т.е. или его имущественная сфера увеличится, или, наоборот, снизится, или иным образом изменится в случае реконструкции объекта.

С 2018 г. от разрешения на строительство «отпочковалась» такая разновидность акта органа публичной власти, как уведомление о

соответствии указанных в уведомлении о планируемом строительстве параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома установленным параметрам и допустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома на земельном участке, которое было призвано заменить разрешение на строительство частных домов на некий уведомительный порядок. Однако с точки зрения основания возникновения гражданских прав и обязанностей от изменения наименования разрешительного ненормативного акта для заявителя ничего не меняется, поскольку остается та же совокупность признаков, что и для разрешения на строительство: допускающая, уполномочивающая, подтверждающая и обязывающая [5]. Меняется (упрощается) административная процедура выдачи разрешительного акта и устанавливаются намного более либеральные требования к форме и содержанию представляемых заявителем документов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от ред. от 11.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 17.11.1995 г. № 169-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 340-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства России от 06.04.2022 г. № 603 (ред. от 10.06.2022 г.) «О случаях и порядке выдачи разрешений на строительство объектов капитального строительства, не являющихся линейными объектами, на двух и более земельных участках, разрешений на ввод в эксплуатацию таких объектов, а также выдачи необходимых для этих целей градостроительных планов земельных участков» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Тверской области от 14.03.2023 г. № 104-пп «О реализации отдельных положений закона Тверской области от 28.12.2022 № 96-ЗО» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 3920 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Ермака» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Реестры выданных разрешений на строительство Главархитектурой Тверской области в 2023 году // официальный сайт Главного управления

архитектуры и градостроительной деятельности Тверской области [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUFoewruOLPpfzAKUhwGB7aoPn3fdTQ585b2O9tC5DPUMKdWZLpbOs4DAeqdBcbwIQhLc_hkvlGCVYaf2L0d9DtI7Gh5eOZq-

K_WjipqxemJwfl3o2ypQc8m1giXxnRE1mr6D_QQ%3D%3D%3Fsign%3DlfjciwBx5-GNpnuv5jfsAF = (дата обращения: 02.08.2024).

10. Перечень разрешений на строительство, выданных Главархитектурой Тверской области в 2024 году // Официальный сайт Главного управления архитектуры и градостроительной деятельности Тверской области [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUFoewruCDjYri->

pIjsDjSiBBY8OC27LlNLZJhMdmliy_PgmnBodJzGcfpdd9zE7pYz6kkOolqxEvvyTUARiiAf7i2n6NP9ykORndr7edg5sTiEUgT7ocMM4_ojB0eafBQtVLLAaA%3D%3D%3Fsign%3DgAb90hWFNSXtMQZpORjk8= (дата обращения: 02.08.2024).

11. Выдача разрешений на строительство объектов капитального строительства... // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosatom.ru/about/gosudarstvennyye-uslugi/vydacha-razresheniy-na-stroitelstvo-obektov-kapitalnogo-stroitelstva-i-razresheniy-na-vvod-v-eksplua/> (дата обращения: 02.08.2024).

12. Брагинский М.И. Участие советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981. 192 с.

13. Пахаруков А. А. Субъективные права и обязанности застройщика // Вестник ИрГТУ. 2013. № 6 (77). С. 276–280.

14. Садриева Р.Р. Акт публично-правовых образований как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2011. № 11 (122.). С. 94–97.

15. Сухарев А.Н. Метод дихотомии в конструкции права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 67–74.

16. Третьякова Д.В. 3D-кадастр и концепция единого объекта недвижимости // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 53–95.

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адвокат, SPIN-код: 6959-2925, AuthorID: 1141200, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

Building permission as a basis for the emergence of civil rights and obligations

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The object of the study is a construction permit as the basis for the emergence of civil rights and obligations. The subject of the study is the norms of civil

and urban planning legislation, other by-laws directly or indirectly related to the civil status and the private legal effect of building permits. The article substantiates the relevance of the problems of issuing a construction permit as a legal fact of private law, identifies the confirming, authorizing, allowing and binding types of legal effect of a construction permit, and significance of the influence of the construction permit on the developer or other interested person is revealed.

Keywords: *administrative act, civil rights and obligations, real estate, capital construction object, building permit, construction, legal fact.*

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), attorney, SPIN-code: 6959-2925, AuthorID: 1141200, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

Жуков Ф.Ф. Разрешение на строительство как основание для возникновения гражданских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 86–94.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Законы логики в гражданском и арбитражном процессах: применение и последствия их нарушения

О.С. Карпенюк

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Брянск

Цель статьи – показать действие законов логики в правоприменительной практике при рассмотрении дел и вынесении решений арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Нарушение логических законов приводит к неправильной оценке обстоятельств дела и представленных сторонами доказательств и, как следствие, к принятию ошибочных судебных актов. В статье описаны и проанализированы четыре основных закона логики: закон тождества, закон противоречия (непротиворечия), закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Приведены примеры решений, вынесенных арбитражными судами и судами общей юрисдикции, в которых допущены логические ошибки. Несмотря на то что в процессуальных кодексах отсутствует такое основание отмены, как нарушение законов логики, решение, в котором нарушены логические связи, маловероятно будет обоснованным, законным и справедливым.

Ключевые слова: законы логики, закон тождества, закон противоречия (непротиворечия), закон исключенного третьего, закон достаточного основания, юридическое мышление, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Искусственный интеллект провалил тест на логику [21]. Об этом рассказал профессор Аризонского государственного университета Суббарао Камбхампати, проводивший эксперимент на решение искусственным интеллектом логических задач. Выяснилось, что ChatGPT, получая обратную связь, может сгенерировать правильный ответ. Однако такой подход противоречит самой идее искусственного интеллекта. «Вы можете исправить результат [ответ искусственного интеллекта – прим. автора], но когда вы это делаете, вы используете свой интеллект», – сказал Камбхампати. Так что мышление пока остается прерогативой человека.

В толковом словаре Ожегова мышление определено как «высшая ступень познания, процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях» [9]. Мышление юриста и обычного человека отличается, поскольку юрист системно использует положения нормативных актов, юридической практики, опирается на правовые знания, доктрину, понятия законности, справедливости,

правопорядка [10, с. 88]. Для юристов особенно важно мыслить ясно, непротиворечиво.

Работа юриста часто связана как с поиском ошибок и противоречий в словах оппонентов, так и в выстраивании логического и непротиворечивого обоснования собственной позиции и своих утверждений. Безусловно, можно убедить и в правильности ошибочной позиции, используя методы убеждения, особенно если собеседник не слишком разбирается в вопросе. Но это относится к области манипуляций и софистики, что не является целью настоящей статьи.

Ошибки в мышлении приводят не только к заблуждениям, но также могут стать причиной принятия ошибочного судебного акта. Как отмечается в научной литературе, большинство ошибок, допускаемых судьями при вынесении решений, являются следствием несоблюдения правил и законов логики [6, с. 3].

Логические ошибки, допускаемые в мышлении, относятся не к мыслям как таковым, а к тому, как мысли связываются одна с другой [11, с. 5]. Умышленное или неосознанное нарушение логических связей приводит к тому, что рассуждение становится бессвязным, хаотичным. Как результат – делается неправильный вывод.

Непротиворечивое мышление строится на определенных законах, внутренних связях между мыслями. Правила выстраивания устойчивой связи между мыслями называются законами логики. Поэтому законы логики сравнивают с каркасом, на котором держится последовательное рассуждение [5, с. 140].

Логические законы являются универсальными и объективными, соответственно, они одинаково действуют как при научном познании мира, так и при решении профессиональных задач. Часто ошибку заметить трудно, и здесь поможет знание логических законов и умение применить их на практике.

В учебниках по логике для юристов действие законов логики и их нарушение обычно иллюстрируются примерами из уголовных дел и уголовного процесса. Это связано с более высоким стандартом доказывания в уголовном процессе. В гражданском процессе стандарт доказывания ниже. Но это не означает допустимость противоречий в принимаемых решениях. Нарушение логических законов в арбитражном и гражданском процессах приводят к вынесению ошибочных судебных актов. Поэтому основная цель статьи – рассмотреть каждый закон формальной логики в отдельности, а также привести примеры их нарушения в судебных актах по гражданским делам.

В формальной логике выделяют четыре основных закона, на которых как на фундаменте, строится вся логика.

Первый закон логики носит название «закон тождества». Согласно закону тождества, в одном речевом акте слово должно использоваться в

одном и том же значении. Мысль о предмете должна быть определенной и сохранять свою однозначность на протяжении всего рассуждения [3, с. 25].

Слова в русском языке часто многозначны. С одной стороны, это удобно, слово имеет несколько значений, мы экономим язык. А с другой стороны, может быть непонятно, о чем идет речь. Например, фраза «Конституцию невозможно изменить». Неясно, в каком значении употребляется слово «конституция» – основной закон страны или строение тела человека. Нужны пояснения или дополнительный контекст, чтобы понять, в каком значении использовано слово. Нарушение закона тождества приводит к подмене понятий, вследствие чего разговор становится бессмысленным.

Нарушение первого закона логики проявляется и в поговорке «Один про Фому, а другой про Ерёму». Народная мудрость описывает ситуацию, когда говорят о разных вещах, думая, что речь идет об одном и том же.

Нарушение закона тождества также проявляется в подмене одной сущности на другую. Например, сторона в качестве обоснования неполучения уведомления о юридически значимом событии указывает, что заказное письмо с уведомлением направлено по неверному адресу. А судья, отклоняя довод, указывает, что отправка уведомления заказным письмом является надлежащим способом вручения уведомления. В данном случае происходит подмена «адреса направления» на «способ отправления».

Подмена понятия – самая частая логическая ошибка. Если такая ошибка совершается преднамеренно, она называется софизмом.

Соблюдение первого закона является основой любого спора, в том числе и судебного. Философ С.И. Поварнин сравнивал потерю основного тезиса, когда происходит подмена понятия, с потерей короля в шахматной партии. Потеря короля приводит к проигрышу партии, а подмена тезиса – к проигрышу в споре. Хороший шахматный игрок при каждом ходе держит в голове короля. Так и в споре при приведении любого доказательства нужно держать в голове основной тезис и следить, чтобы он не был подменен [8, с. 4].

Нарушение первого закона логики в судебном решении приводит к вынесению неправильного решения. Добиться восстановления справедливости в такой ситуации достаточно сложно.

Например, в деле № А32–27244/2017 о взыскании неучтенного потребления за электроэнергию с потребителя, сорвавшего пломбу с прибора учета, судья при описании обстоятельств дела неверно указал номер пломбы. В описательной части решения судья указал на дверцах металлического шкафа, в котором располагался прибор учета, номер целой пломбы, а не поврежденной. Эта ошибка привела к тому, что суд сделал вывод об отсутствии вмешательства потребителя в работу

прибора учета. Суд кассационной инстанции обратил внимание на неверное установление обстоятельств дела и вернул его на новое рассмотрение в суд первой инстанции [16].

Второй закон логики называется «закон непротиворечия (противоречия)» и звучит следующим образом: «Два противоположных суждения не могут быть одновременно истинными».

Например, мы не можем одновременно утверждать в отношении одного и того же человека, что он низкого роста и он высокого роста.

В Средневековье закон непротиворечия описывался следующей формулой: «Из лжи следует все, что угодно» [7, с. 100]. Еще один вариант формулировки второго закона звучит так: никакое высказывание не является вместе истинным и ложным [5, с. 140].

Второй закон логики помогает выявить ложь. Пусть даже и не точно и не в полном объеме, но с его помощью выявляются ложные суждения. Ложные высказывания приводят к противоречию, границы между истиной и ложью стираются, доказуемым становится все что угодно.

Философ-стоик Эпиктет так обосновывал необходимость закона противоречия: «Я хотел бы быть рабом человека, не признающего закона противоречия. Он велел бы мне подать себе вина, я дал бы ему уксуса или еще чего похуже. Он возмутился бы, стал бы кричать, что я даю ему не то, что он просил. А я сказал бы ему: ты не признаешь ведь закона противоречия, стало быть, что вино, что уксус, что какая угодно гадость: все одно и то же. И необходимости ты не признаешь, стало быть, никто не силах принудить тебя воспринимать уксус как что-то плохое, а вино как хорошее. Пей уксус как вино и будь доволен. Или так: хозяин велел побрить себя. Я отхватываю ему бритвою ухо или нос. Опять начинаются крики, но я повторил бы ему свои рассуждения. И все делал бы в таком роде, пока не принудил бы хозяина признать истину, что необходимость непреодолима и закон противоречия всевластен» [12].

Суть приведенной цитаты Эпиктета в том, что, если допускать в рассуждениях противоречия, то нужно быть готовым к тому, что распоряжения могут истолковываться как угодно. «Побрить» может означать «отрезать ухо», а вместо вина можно налить уксус.

Один из вариантов проявления противоречий в правоприменительной практике – коллизии законов. Для преодоления коллизий нормативно-правовых актов действует правило: если имеются противоречия между нормами процессуального или материального права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении данного дела, то решение является законным в случае применения судом нормы, имеющей наибольшую юридическую силу в соответствии с ч. 2 ст. 120 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе

Российской Федерации» и ч. 2 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [18].

Закон противоречия применяется и при рассмотрении гражданских дел. Так ст. 87 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) позволяет назначить повторную экспертизу, если есть противоречия в выводах эксперта или комиссии экспертов [2]. Аналогичное правило закреплено и в ст. 87 ГПК РФ [1]. Основанием для отмены судебного акта судом кассационной инстанции является несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судом (ст. 379.7 ГПК РФ, ст. 288 АПК РФ).

В ходе рассмотрения гражданских дел судам часто приходится преодолевать противоречия. Так, в одном из споров о взыскании долга за поставку продукции, суд установил противоречие между сроками поставки и сроками изготовления продукции. Стороны в договоре установили срок поставки существенно меньше, чем срок изготовления продукции. Суд пришел к выводу, что срок поставки не имеет правового значения, поскольку разумно предполагать, что поставка не может быть исполнена ранее изготовления продукции [20].

Судебная деятельность невозможна без соблюдения закона противоречия, поскольку выявление и устранение противоречий является частью рассмотрения дела и основой для вынесения справедливого судебного решения.

Третий закон логики называется «Закон исключенного третьего». Суть его сводится к следующему: из двух противоречащих суждений одно обязательно истинно. Человек или высокого, или невысокого роста. Третьего не дано, или на латыни *tertium non datur*. Очень емко закон исключенного третьего описал Аристотель: «Не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [3, с. 35].

И если с помощью второго закона логики можно выявить ложные суждения, то с помощью третьего закона логики устанавливается истина.

Действие закона исключенного третьего наиболее ярко проявляется в уголовном процессе. Например, вопросы, которые ставятся перед присяжными заседателями, как раз сформулированы в соответствии с третьим законом логики:

- 1) доказано ли, что деяние имело место;
- 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый;
- 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) требует, чтобы ответы на вопросы были однозначными. Ответы на поставленные перед присяжными заседателями вопросы должны представлять собой утверждение или отрицание с обязательным пояснительным словом или

словосочетанием, раскрывающим или уточняющим смысл ответа («Да, виновен», «Нет, не виновен» и т. п.) (ст. 343 УПК РФ). Присяжные заседатели могут ответить только да или нет, третьего не дано.

В гражданском процессе закон исключенного третьего проявляется в спорах о согласовании условий договоров. В соответствии со ст. 432 Гражданского кодекса РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Если стороны спорят о согласовании того или иного условия, суду нужно выбрать одно из двух – или условие согласовано, или условие не согласовано.

В деле № А19-7459/2016 о взыскании процентов по договору займа истец и ответчик представили разные редакции соглашений. В редакции истца стороны указали, что на сумму займа начисляются проценты, в редакции ответчика займ был беспроцентным.

Суд, ознакомившись с текстами договоров, установил, что ни одна из редакций не содержит указаний на то, что ранее подписанные соглашения не имеют силы либо не применяются в правоотношениях; договоры были подписаны в один и тот же день; последовательность подписания договоров сторонами не подтверждена; оба договора представлены сторонами в дело в оригиналах и заявления о фальсификации доказательства не поданы.

Суд должен был определить, согласовано или нет условие о процентах по займу, третьего варианта решения у суда не было. Поскольку условия договоров были противоположными, согласия между сторонами по этому вопросу отсутствовало, суд пришел к выводу о незаключенности условия об уплате процентов за пользование суммой займа и их размере [19].

Четвертый закон логики – закон достаточного основания. Если первые три закона логики были сформулированы Аристотелем в IV в. до н. э., то четвертый закон сформулирован намного позже математиком и философом Г. Лейбницем в XVII в. Этот закон говорит о том, что всякая мысль должна быть достаточно обоснована. Суждение должно подтверждаться другими суждениями, чья истинность не вызывает сомнений.

Именно данный закон логики наиболее подробно описан в процессуальных кодексах в разделах, посвященных доказательствам и доказыванию.

Так, согласно ст. 65 АПК РФ, ст. 56 ГПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 и 3 постановления от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом

доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Так, в одном из дел о взыскании уплаченной по договору подряда денежной суммы и неустойки Верховный Суд отменил апелляционное определение. Причина – суд апелляционной инстанции не привел доказательств и обоснований того, что ответчик действительно исполнил свои обязательства в части работ по получению технических условий и о принятии этого исполнения истцом. Напротив, суд апелляционной инстанции не дал оценки доказательствам, представленных истцом, о заключении последним замещающей сделки с третьим лицом, осуществившим тот комплекс работ, который должен был выполнить ответчик, в том числе и получение технических условий [13].

Доказать и обосновать позицию – значит показать, что она является логическим следствием иных утверждений, истинность которых нет необходимости доказывать. Как неоднократно отмечал Верховный Суд, выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости [14].

Необоснованность суждений свидетельствует о нелогичности мышления. В правильно составленном отзыве, статье, письменной работе утверждения всегда обосновываются фактами, ссылками на другие положения, проверенные практикой, а также законы и правила. Так, при рассмотрении спора об исключении имущества из наследственной массы апелляционный суд признал договор дарения комнаты недействительным по причине отсутствия у наследодателя воли на заключение договора дарения. Между тем доказательств отсутствия воли и пороков в волеизъявлении наследодателя апелляционный суд не привел, что стало основанием к отмене апелляционного определения [15].

Действие закона достаточного основания в гражданском процессе проявляется в том, что суд не связан правовой квалификацией правоотношений, предложенной лицами, участвующими в деле, и ему надлежит самостоятельно определить подлежащие применению к установленным обстоятельствам нормы права и дать юридическую квалификацию правоотношениям сторон. Положения ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ требуют, чтобы суд самостоятельно устанавливал и определял юридически значимые для правильного разрешения спора обстоятельства и включал их в предмет доказывания [17].

Что означает «достаточное основание» в названии логического закона? Для обоснования утверждения можно требовать приводить бесконечное множество доводов. Для их обоснования приводить другие аргументы, для последних приводить новые и так продолжать до бесконечности. Исходя из принципа разумности, следует поступать проще: если некое утверждение обосновано, то использовать это утверждение истинно без приведения дополнительных доказательств его обоснования. Доказывать очевидные, не вызывающие сомнения или уже установленные факты является неразумным. В целях процессуальной экономии кодексы содержат перечень обстоятельств, которые не нужно доказывать в силу их общеизвестности, установления ранее принятым судебным актом или подтверждения нотариусом (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ). Таким образом, не следует доказывать уже доказанное.

Описанные законы являются общими законами правильного мышления, применяются ко всем мыслям, различным по форме и содержанию. Знание этих законов и умение их применять делает мышление непротиворечивым, ясным и последовательным.

Ни ГПК РФ, ни АПК РФ не содержат в качестве оснований для отмены судебного акта нарушение законов логики. Будет ли справедливым и законным решение суда, если оно вынесено с нарушением законов логики – вопрос сложный. В первую очередь, по причине отсутствия единого понимания, что включают в себя сами принципы законности и справедливости. Как отмечают Ю.А. Дронова и Л.В. Туманова, справедливое решение – не всегда решение, вынесенное с соблюдением всех процессуальных правил. Если решение не обжаловано сторонами, оно будет законным и обоснованным, даже если при его вынесении нарушен один из процессуальных принципов [4, с. 117]. Между тем нарушение логических связей, отсутствие обоснования выводов приводят к неверным решениям и, как следствие, к отмене судебного акта в случае его обжалования.

Несмотря на то что в процессуальных кодексах отсутствует такое основание для отмены судебного акта, как нарушение законов логики, тем не менее решение, в котором нарушены логические связи, маловероятно будет обоснованным, законным и справедливым. Скорее наоборот, нарушение законов логики при вынесении судебных решений будет нарушать принцип правовой определенности и подрывать авторитет правосудия.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г., с изм. от 04.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бесхлебный Е.И. Логика для юристов: учебное пособие. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2021. 248 с.
4. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Реплика о справедливости как правовой категории // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 113–122.
5. Ивин А.А. Искусство мыслить правильно. Москва: Проспект, 2024. 304 с.
6. Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. 28 с.
7. Логика: учебник для бакалавриата / отв. ред. Л. А. Демина [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2141383> (дата обращения: 25.06.2024).
8. Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практике спора. Изд. 2–е, исправ. и доп. Петроград, 1923. 114 с.
9. Толковый словарь русского языка / Составители: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1949–1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/112170> (дата обращения 13.08.2024).
10. Тепляшин И.В., Воропаева К.Е. Формирование правового мышления студентов юридического профиля (на примере реализации программ магистратуры) // Право и образование. 2019. № 3. С. 87–93.
11. Уемов А.И. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить. М., 1958. 120 с.
12. Эпиктет. В чем наше благо? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/epiktet/v-chem-nashe-bлаго-69601804/> (дата обращения: 13.08.2024).
13. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.04.2017 г. № 4–КГ17–5 // СПС «Гарант».
14. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.01.2017 г. № 69–КГ16–14 // СПС «Гарант».
15. Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 г. № 88–8175/2024 // СПС «Гарант».
16. Постановление Арбитражного суда Северо–Кавказского округа от 23.10.2020 г. по делу № А32–27244/2017 // СПС «Гарант».
17. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022 г. // СПС «Гарант».
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении» // СПС «Гарант».
19. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 14.06.2023 г. по делу № А19–7459/2016 // СПС «Гарант».
20. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 16.04.2024 г. по делу № А76–630/2024 // СПС «Гарант».
21. Brian X. Chen. The New ChatGPT Offers a Lesson in A.I. Hype // The New York Times. 31.05.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.is/A9mfQ> (дата обращения: 25.06.2024).

Об авторе:

КАРПЕНЮК Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал (241050, г. Брянск, ул. Дуки, д. 61), SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Logical laws in civil and arbitral proceedings: application and consequences of their violation **O.S. Karpenyuk**

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk

The article aims to show the effect of the logical laws in the law enforcement practice in the consideration of cases and the rendering of decisions by arbitral tribunals and courts of general jurisdiction. Violation of logical laws leads to an incorrect assessment of the circumstances of the case and the evidence presented by the parties, and as a result, to the adoption of erroneous judicial acts. The article describes and analyses four main laws of logic: law of identity, law of contradiction (non-contradiction), law of excluded third and law of sufficient basis. Examples of decisions by arbitral and general courts that contain errors of logic are given. Although procedural codes do not provide such a ground for setting aside as the violation of laws of logic, a decision in which the logical links are violated is unlikely to be justified, legal and fair.

Keywords: *logical laws, law of identity, law of contradiction (non-contradiction), law of excluded third, law of sufficient basis, legal thinking, civil procedure, arbitration procedure.*

About author:

KARPENYUK Olga – PhD in Law, associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk branch (241050, Bryansk, Duki st., 61), SPIN-code: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Карпенюк О.С. Законы логики в гражданском и арбитражном процессах: применение и последствия их нарушения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 95–104.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

К вопросу об эффективности судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних

Д.А. Кокова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик

Автором предпринята попытка выявить и исследовать некоторые аспекты, характеризующие признак эффективности судебной защиты в контексте обеспечения прав и интересов несовершеннолетних при рассмотрении судами споров, затрагивающих интересы последних. В частности, в статье исследуются материальные и процессуальные нормы, подлежащие применению при рассмотрении судами дел о расторжении брака супругов, имеющих общих детей. При этом автор подчеркивает, что отсутствие спора об определении места жительства и порядка общения ребенка с родителями (одним из них) при расторжении брака родителей зачастую сопровождается нарушением прав и интересов ребенка, в том числе, права ребенка быть выслушанным на судебном заседании, права на общение с каждым из родителей и др. Проведенное исследование позволило автору сделать вывод о формальном и фактическом приоритете прав и интересов супругов-родителей, расторгающих брак, а также выразить сомнения в эффективности судебной защиты прав и интересов ребенка при рассмотрении судами дел о расторжении брака его родителей.

***Ключевые слова:** семейные правоотношения, интересы ребенка, эффективность судебной защиты, споры о детях, расторжение брака.*

Вопросы, связанные с применением семейного права, всегда составляли особую сферу социально-правового характера, представляющую интерес как с точки зрения теории права, так и в контексте формирования правоприменительной практики. Правовое регулирование отношений между членами семьи, с одной стороны, имеет значение для каждого индивидуума с позиций обеспечения его прав и свобод во взаимоотношениях с другими членами семьи. Но, с другой стороны, соответствующие социальные связи и возникающие на их основе правоотношения нуждаются в теоретическом исследовании, прежде всего с целью выявления и обоснования сути семейных правоотношений, характера осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей.

При этом нельзя оставлять без внимания тот факт, что именно семейное право обладает некой дуалистической природой, будучи отраслью частного права, зачастую представляя собой при этом область влияния и пристального внимания со стороны государства.

Современный период формирования отечественного законодательства характеризуется усилением акцента на всесторонней поддержке семьи, предполагая формирование вектора духовно-нравственного развития основ построения семейных правоотношений, что демонстрирует реализацию задач, обозначенных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [5]; Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875) [6]. Соответствующие вопросы активно обсуждаются и на страницах юридической печати [14].

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации [2] материнство и детство, семья находятся под защитой государства, что очередной раз дает основание подчеркнуть вышеупомянутую особенность семейно-правового регулирования, а именно: влияние публично-правовых начал в сфере правового регулирования отношений между членами семьи. Безусловно, соответствующая защита имеет место и при рассмотрении судами дел, возникающих из семейных правоотношений. В то же время обозначенный государством вектор на укрепление и защиту семьи, сохранение традиционных семейных ценностей предполагает исследование имеющихся материальных и процессуальных гарантий достижения соответствующих целей при рассмотрении судами дел о расторжении брака, статистика по которым характеризуется относительной стабильностью.

Весьма актуален в настоящее время и вопрос применения форм и способов защиты семейных прав, а также семейных ценностей, что находит подтверждение в материалах судебной практики по рассмотрению как непосредственно семейно-правовых споров, так и иных споров, тесно взаимосвязанных с семейными правоотношениями. Несмотря на сложившуюся судебную практику, некоторые положения соответствующего Обзора судебной практики [8] и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 [7] в постоянном режиме актуализируются Верховным Судом РФ. В частности, в Обзоре судебной практики № 1 за 2024 г. подчеркивается, что при разрешении вопроса о разлучении ребенка с одним из родителей и определении места жительства несовершеннолетнего с другим из родителей суду следует принимать во внимание, прежде всего, «необходимость наилучшего обеспечения интересов ребенка», сохранение «возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений». На наш взгляд, в связи с этим особую теоретическую и практическую значимость приобретает вопрос эффективности судебной защиты прав и интересов членов семьи при рассмотрении отдельных категорий дел.

В соответствии со ст. 8 Семейного Кодекса Российской Федерации [4] (далее – СК РФ) защита семейных прав производится в судебном

порядке по правилам гражданского судопроизводства. Несмотря на существующие проблемы в вопросах определения подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений (например, рассмотрение дел, связанных с воспитанием детей, в судах общей юрисдикции и одновременно рассмотрение мировыми судьями дел, связанных с алиментированием), или же проблемные вопросы рассмотрения дел, связанных с разделом супругами совместно нажитого имущества при банкротстве одного из них, где арбитражные суды конкурируют с судами общей юрисдикции при определении подведомственности, все-таки возможность именно судебной формы защиты нарушенных прав и интересов членов семьи остается приоритетной [12]. В то же время, по нашему мнению, наличие названных и иных проблем лишь обосновывает актуальность заявленного нами вопроса эффективности судебной защиты семейных прав граждан, причем прав и интересов всех членов соответствующей семьи, а не только истца или иных участников семейно-правового спора.

В науке семейного права вопросы судебной защиты исследуются, как правило, на примере отдельных категорий дел [20]. Весьма активно в настоящее время ученые и практики дискутируют о возможности/необходимости и специфике применения примирительных процедур, в том числе медиации, при разрешении судом споров, возникающих при расторжении брака супругов, имеющих несовершеннолетних детей [15]. Несмотря на обоснованные опасения и возражения многих ученых, практика применения медиации при разрешении семейно-правовых споров, которые в том числе уже являются предметом судебного разбирательства, формируется, а иногда и с положительными последствиями в виде сохранения брака и комфортных семейных отношений. В то же время, по нашему мнению, такая правоприменительная практика лишь усиливает значение именно судебной защиты семейных прав граждан, обеспечения ее эффективности для всех членов семьи, которых так или иначе затрагивает соответствующий спор.

В рамках настоящей статьи предлагаем обратиться к проблемам судебной защиты семейных прав граждан с точки зрения эффективности соответствующих форм и способа (обращения с иском в суд), избранных для защиты прав и интересов членов одной семьи одним из них. На наш взгляд, наиболее удачной для достижения цели станет такая распространенная категория дел, как расторжение брака, сопровождающееся спором об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка супругов и порядка общения с ребенком родителя, который будет проживать отдельно.

Как известно, одним из основных начал семейного законодательства является принцип равенства прав родителей, подразумевающий, что каждый из них имеет право воспитывать

ребенка, право на общение с ним, право на защиту прав и интересов ребенка, а также иные родительские права и обязанности в равном объеме при наличии и равных возможностей в их осуществлении/исполнении.

Напомним, что в соответствии со ст. 21 СК РФ, брак расторгается в суде, если у супругов есть общие несовершеннолетние дети либо один из них возражает против расторжения брака или же не возражает против расторжения брака, но уклоняется от соблюдения соответствующей процедуры в органах загса. Безусловно, вариации оснований, определяющих судебный порядок расторжения брака, могут быть разные. Предлагаем смоделировать ситуацию расторжения брака по инициативе супруги, намеревающейся оставить несовершеннолетнего сына в возрасте 11 лет по месту своего жительства, при этом супруг истицы не согласен ни на расторжение брака, ни на разлучение (фактическое, а впоследствии и формальное) с сыном. В данной ситуации жена выбрала по своему усмотрению форму и способ защиты своих семейных прав как супруга и мать одновременно, обратившись с исковым заявлением о расторжении брака в районный суд, поскольку есть спор о детях. Означает ли это, что ожидаемый истицей результат в виде удовлетворения иска станет эффективной мерой в контексте защиты прав и интересов других членов этой семьи, а именно: несовершеннолетнего сына и супруга истицы / отца общего несовершеннолетнего сына?

Как известно, законодатель не позволяет бесконечно долго сохранять статус супруга ответчику, поскольку истечение назначенного в соответствии со ст. 22 СК РФ срока для примирения обязывает суд расторгнуть брак, даже если один из супругов по-прежнему возражает против развода. Заметим, что при таком подходе законодателя явно превалирует интерес истца (в нашем примере – супруги / матери несовершеннолетнего), в то время как право ответчика на сохранение брака не обеспечивается. Безусловно, принудительное сохранение брака априори не допускается, поскольку одним из принципов семейного права является добровольность брачного союза, что предполагает свободное волеизъявление мужчины и женщины как на этапе заключения брака, так и в преддверии его расторжения. Однако расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, напрямую затрагивает интересы мужчины и женщины не только как супругов, но и как родителей. В связи с этим, на наш взгляд, расторжение брака супругов, имеющих общего несовершеннолетнего ребенка, при явном возражении одного из них по поводу расторжения брака оказывает существенное влияние на процесс осуществления последним своих семейных прав, причем одновременно в супружеском и родительском правоотношениях.

Прекращение статуса супруга выступает основанием возникновения нового правоотношения – между бывшими супругами, но при этом существенно изменяется и родительское правоотношение. Отметим, что бывший супруг может претендовать на определение места жительства ребенка с ним, при этом совершенно не исключен вариант удовлетворения судом такого требования, исходя из всех обстоятельств дела. Заметим, что при решении вопроса о расторжении брака алгоритм определения правовых последствий в сфере осуществления родительских прав и обязанностей установлен в ст. 24 СК РФ. В частности, при рассмотрении подобных споров суд обязан решить: а) с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; б) с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на содержание детей.

Представляется, что инициатива супруги в смоделированной нами ситуации по защите своих семейных прав может стать не только неэффективным способом защиты семейных прав ребенка, но и, наоборот, повлечь сложности в осуществлении несовершеннолетним своих семейных прав, в том числе права на общение с каждым из родителей.

Итак, решение вопроса об определении места жительства ребенка после расторжения брака между его родителями может быть предметом договоренности последних (предварительное соглашение или же мировое соглашение в рамках бракоразводного процесса) или осуществляется судом с последующей фиксацией в резолютивной части судебного акта.

При рассмотрении спора об определении места жительства ребенка суд должен учитывать мнение ребенка (ст. 57 СК РФ), при этом важно понимать, что это именно учет мнения, а не получение согласия как обязательного условия вынесения решения судом. Тогда возникает вопрос: в случае, если судом место жительства несовершеннолетнего определено с матерью, а сам ребенок выражает желание остаться с отцом, будет ли в данном случае судебная защита эффективной с позиции обеспечения интересов несовершеннолетнего?

Как уже отмечалось нами выше, некоторые новые «маркеры» были отмечены в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024). Учет мнения ребенка – это единственно возможное решение для полноценного и наилучшего обеспечения интересов ребенка, причем важно применять расширительное толкование правовой категории «учет мнения», то есть не просто заслушивать точку зрения и предпочтения несовершеннолетнего, а всесторонне исследовать аспекты психологического состояния ребенка, особенности возраста, привязанности к родителям, обстановке, которая сложилась в месте жительства отца или матери.

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций по конкретному делу, свои доводы обосновывает положениями Конвенции ООН о защите прав ребенка, подчеркивая особую значимость понятия «наилучшее обеспечение интересов ребенка» как главной предпосылки при учете мнения ребенка при рассмотрении дел об определении места жительства несовершеннолетнего.

Согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка [1], ребенок, который способен формировать свою собственную точку зрения, должен обладать правом выражать эту точку зрения в любых ситуациях, где затрагиваются его интересы. Необходимо также учитывать, что в расчет должны браться и возраст, и зрелость ребенка. Соответственно, у несовершеннолетнего для реализации данных положений должна быть возможность быть выслушанным в любом судебном заседании, где будут рассматриваться споры, затрагивающие его собственные интересы. Суду же надлежит учесть мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязательно (ст. 57 СК РФ), поскольку спор родителей о расторжении брака напрямую затрагивает его интересы.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка провозглашено, что «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Представляется, что при рассмотрении дела о расторжении брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд должен руководствоваться именно этим критерием, причем не только определяя место жительства ребенка после развода и размер алиментов, но и принимая меры по сохранению брака и семьи.

Следует согласиться, что проблема соотношения интересов каждого из родителей, находящихся в стадии расторжения брака, и интересов ребенка не только имеет место, но и в каждом конкретном случае предполагает установление судом соответствующих обстоятельств при исследовании взаимоотношений как между каждым из родителей и ребенком, так и между родителями непосредственно [10].

Очевидно, самым сложным по своему содержанию является такое оценочное понятие, как «интересы ребенка», что объективно исключает возможность формулирования единственной версии соответствующего понятия. О.Ю. Ильина, например, определяет интерес ребенка как «субъективно обусловленную потребность ребенка в благоприятных условиях его существования» [14]. Примечательно, что законодатель предлагает закрепить понятие интереса ребенка. Так, в одном из внесенных в Государственную Думу ФС РФ законопроектов [21]

рекомендуется зафиксировать следующую формулировку: «Интересы ребенка заключаются в создании ему условий, необходимых для его жизни и благополучного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». К числу важнейших интересов ребенка отнесены «крепкая семья и сохранение брака родителей, формирование и сохранение в глазах ребенка авторитета родителя, управление, руководство родителя ребенком и контроль над ним». В целом поддерживая государственную политику по возрождению традиционно-нравственных ценностей, в том числе и посредством установления соответствующих предписаний в семейном законодательстве, сформулированные в названном законопроекте предложения однозначно не могут быть приняты: фактически речь ведется о создании императивных рамок, которые не просто не способствуют реализации прав ребенка и обеспечению наилучших его интересов, но и даже в определенных случаях могут лишить его возможности защитить свои права.

И еще один момент, связанный с учетом мнения несовершеннолетнего при рассмотрении судом дела о расторжении брака родителей и решении вопроса об определении места жительства ребенка (ст. 57 СК РФ). Суд не связан этим мнением, оно лишь учитывается в совокупности с другими обстоятельствами дела. Согласимся, ребенок может руководствоваться эмоциями, находясь в стрессе, может не осознавать в полной мере происходящее и возможные правовые последствия в плане общения с каждым из родителей. Более того, как отмечает Л.Б. Максимович, «зачастую его мнение формируется родителем, с которым ребенок постоянно проживает и который оказывает на него мощное психологическое давление, а затем, при опросе ребенка в суде, навязанное родителем мнение выдается за мнение самого ребенка [16]. Совершенно справедливы утверждения о том, что не стоит признавать в такой ситуации обязательным получение согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет, на проживание с одним из родителей [11]. Однако не стоит забывать о том, что несовершеннолетний в возрасте старше четырнадцати лет может самостоятельно определять место своего жительства (ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]), вследствие чего полагаем необходимым получать согласие на проживание с одним из родителей от ребенка, достигшего возраста 14 лет.

Заметим, что в настоящее время отмечается тенденция к увеличению количества судебных споров между родителями о порядке общения с ребенком, которая, по нашему мнению, частично обусловлена сложившейся судебной практикой. Полагаем возможным отметить следующее:

– во-первых, расторжение брака воспринимается как исключительно частное дело супругов, даже имеющих общих

несовершеннолетних детей. При этом игнорируются закрепленные в ст. 1 СК РФ принципы укрепления семьи, ответственности перед семьей всех ее членов;

– во-вторых, при определении места жительства малолетнего ребенка зачастую его мать или ее представитель апеллируют к Принципу 6 Декларации прав ребенка, который предполагает возможность разлучения матери с малолетним ребенком лишь при наличии исключительных обстоятельств. В связи с этим следует лишь приветствовать сделанный Верховным Судом РФ акцент на том, что «интересы ребенка и его психологическое состояние являются этими исключительными обстоятельствами», что не всегда учитывается судом;

– в-третьих, при решении вопросов, связанных с определением места жительства несовершеннолетнего после расторжения брака между его родителями, мнение ребенка зачастую учитывается формально без полной оценки всех обстоятельств, в том числе и условий формирования мнения несовершеннолетнего.

Очевидно, семья, в которой воспитываются несовершеннолетние дети, должна находиться в зоне повышенного внимания со стороны государства, а обеспечение интересов несовершеннолетних – в зоне особого внимания суда при рассмотрении дела о расторжении брака родителей.

Парадокс, но ст. 22 СК РФ предусматривает возможность назначения супругам примирительного срока лишь в том случае, если один из супругов возражает против развода. Следовательно, если оба супруга согласны на развод, но брак расторгается в суде лишь потому, что у них есть общий несовершеннолетний ребенок, суд не вправе назначить им срок для примирения. Полагаем, что такой подход к регулированию отношений, связанных с расторжением брака в суде, не в полной мере соответствует целям государственной семейной политики. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ст. 22 СК РФ «Расторжение брака в судебном порядке при взаимном согласии супругов на расторжение брака», изложив ее в следующей редакции:

«1. При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд вправе принять меры к примирению супругов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 22 настоящего Кодекса. Супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях, предусмотренное пунктом 1 статьи 24 настоящего Кодекса. При отсутствии такого соглашения либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их интересов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 24 настоящего Кодекса.

2. При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, указанных в пункте 2 статьи 21 настоящего Кодекса, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода. Расторжение брака производится не ранее истечения месяца со дня подачи супругами заявления о расторжении брака».

На наш взгляд, назначение примирительного срока супругам, имеющим общих несовершеннолетних детей, станет дополнительной гарантией обеспечения эффективности судебной защиты прав и интересов всех членов данной семьи.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

6. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/7783/> (дата обращения: 12.08.2024).

8. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2024) Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 12.08.2024).

9. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2006. 191 с.

10. Ильина О.Ю. Представительство интересов детей при рассмотрении судами дел о расторжении брака: конфликт объективного и субъективного // Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ.ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 78–83.

11. Ильина О.Ю., Рукавская О.А., Туманова Л.В. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. № 3. С. 27–38.

12. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Правовые и психологические аспекты справедливости судебного решения // Психология и Право. 2023. № 4. С. 216–226.

13. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

14. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. 192 с.

15. Кокова Д.А. Перспективы укрепления роли нотариуса в процедуре медиации: сравнительно-правовой аспект // Нотариальный вестник Выпуск. 2023. № 08 (Август). С. 15–17.

16. Максимович Л.Б. Право ребенка на мнение: проблемы законодательства // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 1. С. 72–81.

17. Максимович Л.Б. Проблемы подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12, № 6. С. 186–201.

18. Малявина Н.Б. Проблемные вопросы расторжения брака с недееспособным в судебном порядке // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 9–12.

19. Михайлова Е.В., Виноградова Е.В. Судебная защита законных интересов как часть конституционных гарантий // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 183–186.

20. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.

21. В Думу внесен законопроект, закрепляющий в Семейном кодексе понятие «интересы ребенка» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19786713> (дата обращения: 15.07.2024).

Об авторе:

КОКОВА Диана Аслановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ИПЭиФ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), SPIN-код: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

On the question of the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of minors

D.A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

The author attempted to identify and examine some aspects characterizing the effectiveness of judicial protection in the context of ensuring the rights and interests of minors when courts consider disputes affecting their interests. In particular, the article examines the substantive and procedural rules to be applied when courts consider cases on the dissolution of marriage of spouses with common children. The author emphasizes that the absence of a dispute over determining the place of residence and the procedure for communicating with the parents (or one of them) during the dissolution of the parents'

marriage is often accompanied by a violation of the rights and interests of the child, in particular, the child's right to be heard in court, the right to communicate with each of the parents, etc. The conducted research allowed the author to draw a conclusion about the formal and actual priority of the rights and interests of the spouses-parents dissolving the marriage, and also to express doubts about the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of the child when courts consider cases on the dissolution of the marriage of his parents.

Keywords: *family legal relations, interests of the child, effectiveness of judicial protection, disputes about children, dissolution of marriage.*

About author:

KOKOVA Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (360004, Nalchik, Chernyshevsky St., 173), SPIN-code: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Кокова Д.А. К вопросу об эффективности судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 105–115.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Личное трудовое участие как факультативный признак семейного предпринимательства

Д.А. Пономарев

Арбитражный суд Московской области, г. Москва

В статье рассматриваются особенности возникновения и развития семейной предпринимательской деятельности, анализируются изменения ролей ее участников, возможный переход от личного трудового участия к осуществлению контроля через владение или прекращение участия в такой деятельности по различным причинам. Отмечается, что участие в семейном предпринимательстве может принимать различные формы и не сводится только к личному трудовому участию. Важнейшим может быть организационное, финансовое, творческое участие, предоставление имущества, в том числе совместно нажитого и находящегося в общей собственности, несение рисков его утраты и иных предпринимательских рисков. Делается вывод о том, что критерий личного трудового участия является не обязательным. В то же время признается, что данный критерий может использоваться в качестве дополнительного (факультативного) при оказании целевой государственной поддержки, не требуя при этом отхода от более широкого понимания семейной предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: семья, родственные связи, семейное предпринимательство, трудовая деятельность, личное трудовое участие, поддержка семейного предпринимательства.

Семейное предпринимательство в течение длительных исторических периодов играло стабилизирующую роль в экономической и политической жизни общества, позволяло за счет разделения труда распределять работу между членами семьи с учетом их возраста, состояния здоровья, навыков и умений [1, с. 130], способствовало поддержанию семейного единства, развития связей между поколениями, передаче полезного опыта, а также решению социальных задач обеспечения лиц, утрачивающих трудоспособность, и обучения подрастающего поколения.

Следует признать, что исторически семейное предпринимательство базировалось именно на вовлечении членов семьи в совместную трудовую деятельность на основе сложившихся взглядов на семейные отношения, роль и обязанности каждого члена семьи [10, с. 25]. В исторической ретроспективе такое участие зачастую было обусловлено отсутствием возможности свободного выбора будущей профессии при отсутствии возможности обучения или свободного перемещения, но на современном этапе заинтересованность в продолжении семейных

предпринимательских традиций основывается в основном на складывающихся в отдельных семьях взглядах на семейные, трудовые, этические ценности.

Традиционный жизненный уклад крестьянских семей, членами которых было большинство подданных Российской империи, приводил к тому, что даже после перехода к производственной или торговой деятельности члены семьи на протяжении длительного времени, а в ряде случаев в течение жизни нескольких поколений, сохраняли привычку к распределению трудовых функций в рамках развития общесемейного предпринимательского дела. Такой подход был характерен для представителей всех народов, поддерживавших в той или иной степени традиционный уклад жизни, при этом конкретные занятия могли различаться в зависимости от региона обитания, быть связаны не только с сельским хозяйством, но также с ремесленничеством или отдельными видами торговой деятельности, содержанием предприятий питания или мест проживания для путешественников, паломников и т.д.

По мере развития семейного бизнеса, расширения сферы деятельности, как правило происходит переход от «деятельностного» участия к «имущественному» участию [4, с. 53], от личного трудового участия к осуществлению контроля через владение [3, с. 41]. Данное обстоятельство связано прежде всего с особенностями функционирования семейных предприятий, при становлении и развитии которых основную роль играют старшие поколения семьи, вследствие чего в их владении сосредотачиваются основные средства производства, заработанные на протяжении многих лет имущественные блага. В дальнейшем, по мере привлечения следующих поколений, семейный характер предприятия может сохраняться, но новые участники семейного бизнеса могут получать меньшие доли в нем, даже в случае распределения доходов от его осуществления их имущественная обеспеченность может быть меньшей, чем у старших поколений, получавших доходы от участия в семейном предпринимательстве на протяжении более длительных периодов времени. В свою очередь, по мере старения старшего поколения, при нормальном развитии семейной предпринимательской деятельности будет происходить его отход от непосредственного трудового участия, с сохранением имущественного участия и получением доходов от семейного бизнеса уже в качестве «вкладчиков», предоставляющих имущество или денежные средства для его осуществления.

Вместе с тем такой разрыв в имущественном и трудовом участии между отдельными членами семьи, прежде всего, между поколениями участников семейного бизнеса, нельзя рассматривать как в какой-либо мере несправедливый, т. к. когда речь идет о членах одной семьи или даже более отдаленных лицах, но связанных семейно-родственными

узами, естественно ожидать, что старшее поколение, прилагавшее силы для роста, воспитания, обучения младших поколений, получает впоследствии поддержку в старости от молодых родственников, которые, в свою очередь, будут получать в дальнейшем имущество, принадлежавшее старшим членам семьи в порядке наследования.

Участие в семейном бизнесе по мере его расширения отдельных представителей семьи также часто сводится к управлению им и контролю за таким управлением, если оно осуществлялось наемным персоналом. При этом вопрос о том, в какой мере такое управление и контроль за ним со стороны собственников может рассматриваться в качестве личного трудового участия, является дискуссионным. Управленческая и организационная деятельность может рассматриваться как особая функция, для успешного осуществления которой требуются знание, опыт, определенные таланты, но ее не всегда рассматривают как «работу» или «труд» в традиционном понимании. Скорее такую деятельность можно характеризовать как особую, организационно-управленческую, не связанную часто с непосредственной трудовой деятельностью и в ряде случаев осуществляемую время от времени, по мере возникновения необходимости личного участия в решении тех или иных организационных и управленческих проблем. Во многих случаях от лиц, владеющих семейным бизнесом, для обеспечения его устойчивости требуется прежде всего высокий уровень доверия друг к другу, его поддержание для принятия при необходимости согласованных и взаимоприемлемых решений, а также для эффективного контроля за наиболее важными решениями, принимаемыми другими участниками семейного бизнеса, в том числе наемными менеджерами и иным персоналом.

Потребность в таких решениях может возникать не так часто, а при стабильных условиях работы может не возникать на протяжении многих лет и даже десятилетий, до того момента, когда, например, в силу изменений в составе семьи, рыночной конъюнктуре или иных обстоятельствах от основных владельцев семейного бизнеса, лиц, контролирующих используемое при его осуществлении имущество и поддерживающих важные для его существования связи, потребуется принятие согласованных решений. Принятие таких решений может потребоваться также при появлении выгодных предложений о продаже бизнеса или имущества, при необходимости в кризисных ситуациях или в связи со спецификой осуществляемой деятельности принимать решения о привлечении значительных заемных средств, в ряде случаев под залог личного имущества владельцев семейного бизнеса. Именно готовность совместно поддерживать владение бизнесом и совместно принимать на себя связанные с ними риски характеризует семейный бизнес как один из видов предпринимательской деятельности и

обеспечивает возможность его функционирования в целях получения дохода и последующего извлечения прибыли в целях развития, а также в интересах всех или отдельных членов семьи по согласованию между его участниками.

До настоящего времени между исследователями нет единства мнений относительно того, какие именно признаки или критерии могут считаться обязательными для признания той или иной деятельности семейным предпринимательством [4, с. 60]. Особенно сложно ситуация обстоит с выделением обязательных и факультативных признаков или критериев семейной предпринимательской деятельности.

В качестве несомненного обязательного признака рассматривается, например, наличие между участникам такой деятельности каких-либо родственных связей. Однако даже в отношении такого кажущегося бесспорным признака могут быть высказаны сомнения, основанные на том, что до настоящего времени отсутствует единое мнение, кого именно для указанных целей следует признавать родственником. Не ясно, какую степень родства или свойства следует учитывать при рассмотрении совместной предпринимательской деятельности как «семейной», могут ли при этом для указанных целей относиться к родственникам также лица, которые состоят в фактических брачных отношениях на протяжении длительного времени и т.д. В зависимости от местных традиций, культурного подтекста, изменения взглядов на состав семьи и содержание семейных ценностей данное понятие может существенным образом различаться даже применительно к различным регионам одной страны. Так, в отдельных регионах к числу близких родственников могут относить лиц, состоящих в настолько отдаленных степенях родства или свойства, что в других регионах, как правило, такие родственники остаются неизвестными для большинства населения таких регионов. Религиозные традиции в ряде случаев предписывают также обязанности поддержания всех родственников, к числу которых относятся не только члены семьи, но и, например, двоюродные братья и сестры, а также более отдаленные, но нуждающиеся в поддержке родственники.

По мнению ряда авторитетных ученых личное трудовое участие является одним из конститутивных признаков семейного предпринимательства [6, с. 78]. Однако, как отмечалось выше, по мере развития семейного бизнеса может происходить отход от непосредственного участия в трудовой деятельности или переход к выполнению организационно-управленческих и контрольных функций, что само по себе не означает, что семейный бизнес перестает быть семейным, хотя и утрачивая отмеченный выше признак.

Участие в таком бизнесе может осуществляться в различных формах, в том числе путем предоставления денежных средств, имущества, участия, как отмечено выше, в управлении и контроле.

Семейный характер бизнеса при этом будет сохраняться, независимо от того, имеет прекращение личного трудового участия временный (военная служба, обучение, болезнь, уход за ребенком и т.д.) или постоянный характер. Именно гибкий характер семейного бизнеса позволял ему на протяжении столетий поддерживать взаимосвязь и взаимную поддержку поколений в семье, обеспечивал устойчивость и участие, во многих случаях с поддержкой детей родственников в расчете на аналогичное поведение с их стороны и обеспеченность в старости. В настоящее время причины участия в семейном бизнесе часто обуславливаются иными факторами, но гибкость такого участия как раз позволяет членам семьи временно прекращать или ограничивать трудовое участие с сохранением имущественного участия или даже без него, но с возможностью последующего возврата к участию в семейном предприятии по мере изменения их жизненных ситуаций и приоритетов.

Действительно, при исключении критерия личного трудового участия из числа обязательных для семейного предпринимательства возникает сложная проблема разграничения семейного предпринимательства и иных случаев предпринимательской деятельности, осуществляемой совместно или основанном на совместном владении имущественными активами. Но данное разграничение необходимо осуществлять с обязательным учетом критерия наличия семейно-родственных связей между участниками семейной предпринимательской деятельности в качестве основного, базового признака семейного предпринимательства.

При этом ведение такой деятельности с привлечением наемных работников и иных лиц, не относящихся к членам семьи, не исключает ее «семейного» характера до тех пор, пока контроль за ее осуществлением сохраняется за лицами, связанными семейно-родственными узами, позволяющими им сохранять обусловленный этим высокий уровень доверия друг к другу.

Рассматриваемая деятельность в силу ее предпринимательского характера направлена прежде всего на получение дохода, извлечение прибыли, пусть даже используемой в интересах семьи, но, тем не менее, позволяющей характеризовать такую деятельность именно в качестве предпринимательской. Именно координация усилий и решений участников семейного бизнеса для ее осуществления позволяет им достигать ее целей. При этом социально обусловленные семейно-родственные отношения между ее участниками не препятствуют тому, что в отношении иных хозяйствующих субъектов такие участники могут выступать в качестве особой предпринимательской агломерации, специфического объединения лиц, находящихся в семейно-родственных отношениях и использующих это при осуществлении предпринимательской деятельности.

Правовая доктрина и законодательство до настоящего времени не выработали единых подходов к тому, каким именно образом следует рассматривать такое объединение. В ряде случаев предпринимались неудачные попытки предложить для семейного предпринимательства особую организационно-правовую форму. Например, Минэкономразвитием России в рамках проводимой законопроектной деятельности предлагалось ввести понятие «семейного предприятия» как особого субъекта, управляемого членами одной семьи и действующего в качестве субъекта исключительно малого и среднего предпринимательства [11]. Такой подход, в случае его принятия, привел бы к неоправданным ограничениям, исключив из сферы правового регулирования семейного предпринимательства деятельность, осуществляемую в иных формах, с различным вовлечением членов семьи в осуществление предпринимательской деятельности.

Следует отметить наличие также иных тенденций, способных приводить к значительному ограничению понятия семейного предпринимательства, например, за счет отнесения рассматриваемого выше критерия личного трудового участия к числу обязательных [1, с. 129–130; 5, с. 7–8]. При этом все чаще в научных публикациях признается, что отдельные члены семьи могут не участвовать в непосредственной трудовой деятельности, осуществляя управление семейным бизнесом или оставаясь его собственниками, не участвуя даже в оперативном управлении в каком-либо виде, который позволил бы рассматривать их в качестве менеджеров или каких-либо иных должностных лиц [2, 10].

Семейное предпринимательство продолжает безосновательно ограничиваться только случаями малого предпринимательства, как одного из вариантов организации микропредприятий [7, с. 69–70], но, как отмечалось выше, нельзя исключать возможность выхода семейного бизнеса на другой уровень, в том числе его становления в качестве крупного предприятия [5, с. 6–10].

По мере развития законодательного регулирования требуется обязательно учитывать «жизненный цикл» семейного предприятия. В процессе его функционирования с течением времени может происходить изменение состава его участников и владельцев, может осуществляться переход между различными вариантами владения, в том числе по причинам, связанным с изменением состава семей участников, прекращения семейных отношений, принятием новых членов семьи для участия в семейной предпринимательской деятельности, изменения их состояния здоровья, возраста, жизненных приоритетов и наличия иных обстоятельств.

Во многих случаях прекращение семейного бизнеса может быть обусловлено изменением состава семьи или изменением отношений между ее членами [9], например, ввиду утраты доверия между ними.

При этом, как было отмечено выше, прекращение личного трудового участия само по себе не является обязательным ее признаком и не влияет на продолжение семейной предпринимательской деятельности. Как уже отмечалось, участие в семейном бизнесе может выражаться в различных формах, в том числе в участии в управлении предприятием, в принятии решений и т.д. Кроме того, возможно также участие путем предоставления имущественных вкладов, которое может быть охарактеризовано как «пассивное», либо несение рисков наступления ответственности по обязательствам, вытекающим из осуществления семейной трудовой деятельности.

Варианты распределения трудовых, управленческих и хозяйственных функций могут быть различными, их выбор будет предопределять формы ведения семейной предпринимательской деятельности [8], позволяющие различным образом объединять материальные активы, репутацию, деловые связи, знания и опыт, трудовые и иные вклады.

Таким образом, участие членов семьи и иных родственников в семейном предпринимательстве может принимать различные формы и не сводится только к личному трудовому участию. Важнейшим может быть организационное, финансовое, творческое участие, предоставление имущества, в том числе совместно нажитого и находящегося в общей собственности, несение рисков его утраты и иных предпринимательских рисков.

На различных этапах жизни одно и то же лицо может прерывать свое участие в семейной предпринимательской деятельности и возобновлять его в различных качествах, например, отходить от непосредственного трудового участия, но сохранять возможности контроля за осуществляемой предпринимательской деятельностью членов семьи через владение частью используемого в такой деятельности имущества. Временные перерывы могут быть связаны с учебой, уходом за детьми, болезнями и другими причинами.

Все это делает критерий «личного трудового участия», как показано выше, не обязательным, излишним и, на наш взгляд, способным вводить в заблуждение относительно сути отношений, складывающихся при осуществлении семейной предпринимательской деятельности. В то же время критерий личного трудового участия может использоваться в качестве дополнительного при оказании целевой государственной поддержки, не требуя при этом отхода от более широкого понимания семейной предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Баранец Н.И. Преимущества и недостатки в развитии малого семейного предпринимательства // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 129–130.

2. Жук А.А., Потий К.М. Семейное предпринимательство в Российской Федерации: теория, практика, перспективы развития: монография. Дюссельдорф, 2018. 66 с.

3. Касьяненко Т.Г., Воротилкина А.М. Эволюция понятия «семейный бизнес» по исследованиям российских и зарубежных ученых // Экономика и управление: проблемы решения. 2017. № 2. Т. 2. С. 36–43.

4. Козлова Е.Б. Семейный бизнес как фактор формирования микросреды предпринимательства // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 53–64.

5. Левушкин А.Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.

6. Левушкин А.Н. Реализация LegalTech технологий в рамках концепции права устойчивого развития семейного бизнеса и предпринимательства // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 75–85.

7. Левушкин А.Н., Измайлов В.В. Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 68–80.

8. Пономарев Д.А. Организационно-правовые формы семейного предпринимательства: традиционные подходы и теоретические модели // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 95–105.

9. Пономарев Д.А. Последствия прекращения семейных отношений для совместной предпринимательской деятельности членов семьи // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 3. С. 98–104.

10. Потий К.М. Отечественный опыт определения понятия «семейное предпринимательство» // Экономическая наука современной России. 2018. № 2 (81). С. 24–34.

11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Федеральный портал нормативно-правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577> (дата обращения: 01.09.2024).

Об авторе:

ПОНОМАРЕВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области, ORCID: 0000-0002-4085-2027, SPIN-код: 1271-2828, AuthorID: 1031868, e-mail: dm418@mail.ru

Personal labor participation as an optional characteristic of family entrepreneurship

D.A. Ponomarev

Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow

The article considers the peculiarities of the emergence and development of family entrepreneurship, analyzes the changes in the roles of its participants, possible transition from personal labor participation to control through ownership or termination of participation in such activities for various reasons. It is noted that participation in family entrepreneurship can take various forms, is not reduced only to personal labor participation. The most important may be organizational, financial, creative participation, provision of property, including jointly acquired and in common ownership, bearing the risks of its loss and other entrepreneurial risks. It is concluded that the criterion of personal labor participation is not mandatory. At the same time, it is recognized that this criterion can be used as an additional (optional) criterion when providing targeted state support, without requiring a departure from a broader understanding of family entrepreneurship.

Keywords: *family, kinship ties, family entrepreneurship, labor activity, personal labor participation, family entrepreneurship support.*

About author:

PONOMAREV Dmitrii – PhD in Law, Arbitration Court of Moscow Region, ORCID: 0000-0002-4085-2027, SPIN-code: 1271-2828, AuthorID: 1031868, e-mail: dm418@mail.ru

Пономарев Д.А. Личное трудовое участие как факультативный признак семейного предпринимательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 116–124.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Финансовая культура как одно из условий эффективной финансовой деятельности налоговых и таможенных органов

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В рамках представленной статьи анализируется понятие «финансовая культура» как совокупность элементов экономической и правовой культуры, неразрывно связанных между собой. Делается вывод о том, что финансовая культура, с одной стороны, повышает эффективность правового регулирования финансово-правовых норм, позволяя подчиненным субъектам надлежащим образом реализовать принадлежащие им права и исполнить возложенные на них обязанности; с другой стороны, наличие высокой финансовой культуры, включающей компетенции финансовой грамотности, у должностного лица властного субъекта финансового правоотношения позволяет предотвратить злоупотребительное поведение последнего, создавая условия для поддержания доверия граждан к действиям государства. Подтверждается предположение о том, что сфера деятельности субъекта (финансовая деятельность публично-правовых образований) и наличие у индивида властных полномочий (как должностного лица уполномоченного органа) делают требование о высоком уровне финансовой грамотности и финансовой культуры неотъемлемыми профессиональными характеристиками соответствующих должностных лиц таможенных и налоговых органов. Обосновывается мнение, согласно которому сферами формирования финансовой культуры выступают не только правоприменительная, но и правотворческая деятельность, поскольку последнее обеспечивает определенность правовых норм и создает гарантии соблюдения конституционных прав различных субъектов.

Ключевые слова: *финансовая культура, финансовая грамотность, фискальные платежи, налоговые органы, таможенные органы, утилизационный сбор, определенность финансово-правовой нормы, злоупотребление правом.*

Вопросы повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры у российских граждан приобретают все большую актуальность. Указанное представляется не случайным, поскольку в сферу воздействия финансовой культуры включается экономическая деятельность субъектов в отношении публичных и частных финансов, как урегулированная, так и не урегулированная правом.

Понятие финансовой культуры в его легальной трактовке, зафиксированной Стратегией повышения финансовой грамотности и

формирования финансовой культуры до 2030 г. (далее – Стратегия, Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры) [10], является более широким по отношению к понятию финансовой грамотности и включает в себя ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов.

Как подчеркивается в приведенном определении, финансовая культура среди прочего является производной (зависящей) от финансовой грамотности, под которой Стратегией, в свою очередь, понимаются основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками.

Также Стратегией обозначено понятие финансовой киберграмотности – совокупности основных знаний, умений и навыков граждан в области безопасного пользования цифровыми финансовыми технологиями. Как отмечается в документе, указанное связано с необходимостью, с одной стороны, приобретения знаний о новых финансовых технологиях и финансовых инструментах (цифровой рубль, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, криптоактивы, использование искусственного интеллекта в финансовой сфере и др.) и, с другой, противодействия противоправным действиям в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Однако, полагаем, для уяснения позиции законодателя помимо указанных определений должны быть подвергнуты анализу и иные положения Стратегии, что позволяет сделать следующие выводы:

1. Дословное прочтение текста данного документа указывает на разность управленческих подходов в отношении финансовой грамотности и финансовой культуры: грамотность повышается – финансовая культура формируется. Указанный подход можно признать оправданным, если воспринимать термин «формирование» как «сознательное управление процессом развития человека или отдельных сторон личности, качеств и свойств характера и доведения их до задуманной формы (уровня, образа, идеи)» [20]. В этом значении формирование представляет собой результат развития личности (приобретения ею знаний, навыков, образа мышления, мировоззрения и т. п.), адаптацию личности к социальным нормам и требованиям, с одной стороны, а также управленческую (организационную или процедурную) деятельность, на это нацеленную, с другой [20].

2. В отличие от финансовой грамотности, являющейся совокупностью неких компетенций (финансовых, правовых, цифровых и пр.), финансовая культура включает в себя такие элементы, как ценности, установки и поведенческие практики.

Как указывается в Стратегии, формирование ценностей, установок и поведенческих практик в сфере финансовой культуры зависит от следующего:

– воспитания; при этом необходимо исходить из неразрывности и взаимообусловленности воспитания и обучения;

– уровня финансовой грамотности; Стратегией фиксируются определенные положительные результаты, достигнутые в сфере финансовой грамотности, что позволило придать осознанность финансовому поведению граждан; вместе с тем уровень финансовой грамотности отличается в разных социальных группах (наиболее высокий выявлен в группе молодежи, а также респондентов с высоким уровнем образования);

– уровня развития финансового рынка; основополагающее значение при этом имеет уровень доверия граждан к финансовым институтам, напрямую связанный с высокими стандартами культуры государственных институтов и финансовых организаций, развитием права и правоприменения, прежде всего в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг и участников финансового рынка.

– уровня развития общественных институтов; при этом необходимо отметить, что Стратегия предполагает не только внутригосударственное, но и международное институциональное взаимодействие (в том числе со странами – членами Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и других объединений) [21]; так, в целях координации действий участников стратегии была создана Межведомственная координационная комиссия, реализующая функции анализа и контроля выполнения задач стратегии, а также внесения предложения по совершенствованию данного документа [14].

3. Стратегией формулируется понятие финансовой культуры (а также финансовой грамотности) применительно не только к частным, но и публичным финансам. Последнее актуализируется через такие финансовые практики, как участие граждан в бюджетном процессе, прежде всего в проектах инициативного бюджетирования, иных бюджетных процедурах; осознанное исполнение гражданами налоговой обязанности, предполагающее понимание населением функций налогов, а также позволяющее использовать предусмотренные законодательством налоговые льготы; официальное трудоустройство либо ведение предпринимательской деятельности, исключающее доходы, не подлежащие налогообложению и пр.

Вместе с тем необходимо констатировать, что вопросам финансовой грамотности и финансовой культуры в сфере публичных финансов в Стратегии уделяется значительно меньше внимания, чем аналогичным параметрам в сфере финансов личных, что вряд ли можно признать оправданным.

4. Правовой основой анализируемой Стратегии являются нормативные правовые акты Российской Федерации, в частности Конституция Российской Федерации [1], Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [7], Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5], другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, иных федеральных органов исполнительной власти.

Также непосредственно в тексте Стратегии неоднократно указывается на взаимосвязь целей и задач Стратегии и действующего законодательства, например:

– одной из основных групп рисков реализации Стратегии являются риски, связанные с несовершенством нормативной базы;

– задачами Стратегии в сфере общественных финансов является «установка на соблюдение положений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах», «использование полагающихся по закону государственных и муниципальных услуг и льгот, социальных выплат»;

– в качестве результата реализации Стратегии в сфере личных финансов предполагается умение гражданами «защищать свои права потребителя с помощью правовых инструментов, в том числе в цифровой среде» и т. д.

Таким образом, возможно предположить, что финансовая культура представляет собою некий симбиоз элементов экономической и правовой культуры, неразрывно связанных между собою.

Особое значение проблематика финансовой культуры приобретает в финансовом праве как отрасли, направленной на правовое регулирование публичных и частных финансов. При этом следует иметь в виду, что, поскольку носителем финансовой грамотности и финансовой культуры всегда является индивид, цели и задачи документов стратегического планирования по привитию россиянам компетенций финансовой грамотности и формированию у них финансовой культуры по-разному реализуются в зависимости от того, к какой группе субъектов относится гражданин.

В этой связи целесообразно обозначить 2 группы субъектов.

К субъектам первой группы относятся индивидуальные субъекты финансового права (физические лица, индивидуальные предприниматели, самозанятые и пр.), являющиеся подчиненными субъектами финансового правоотношения, в связи с чем отсутствие у названных лиц отдельных компетенций в сфере финансовой грамотности и элементов финансовой культуры влечет возникновение негативных последствий прежде всего у них самих; права и законные интересы других участников финансового правоотношения либо не

затрагиваются, либо могут быть защищены при помощи соответствующих правовых механизмов.

К субъектам второй группы относятся должностные лица уполномоченных органов, осуществляющих финансовую деятельность публично-правовых образований. Финансовая грамотность, а также финансовая культура и в этой ситуации являются личной, персональной характеристикой индивида. Вместе с тем сфера деятельности субъекта (финансовая деятельность публично-правовых образований) и наличие у индивида властных полномочий (как должностного лица уполномоченного органа) делает требование о высоком уровне финансовой грамотности и финансовой культуры неотъемлемыми профессиональными характеристиками соответствующих должностных лиц.

На данный аспект специалисты обращали внимание и ранее, но чаще всего в срезе правовой культуры.

Так, М.А. Месиков в своем исследовании «Конституционно-правовые основы формирования правовой культуры государственных гражданских служащих» формулирует следующий перечень принципов формирования правовой культуры у обозначенных субъектов: «приоритет прав и свобод человека и гражданина; принцип законности в деятельности государственного гражданского служащего; непрерывность юридического образования; гласность деятельности государственного аппарата; повышение престижа государственной гражданской службы и авторитета государственных гражданских служащих; правовая ответственность государственных гражданских служащих; контроль за законностью деятельности государственных гражданских служащих; соответствие правовых знаний государственных гражданских служащих требованиям, предъявляемым к занимаемой должности обеспечения должностного роста государственных гражданских служащих на основе их профессиональных заслуг и деловых качеств» [22, с. 10].

Аналогичным образом В.А. Савенков, анализируя правовую культуру российских таможенников, отмечает значимость формирования правовой культуры именно у этой социальной группы, что объясняется сложностью фискальной деятельности таможенных органов, сопряженной с необходимостью пресечения значительного количества правонарушений в сфере внешнеэкономической деятельности. В этой связи автор полагает, что от правокультурной развитости должностных лиц таможенных органов напрямую зависят финансовые возможности государства надлежащим образом исполнять свои функции. Кроме того, по мнению В.А. Савенкова, высокий уровень правовой культуры должностных лиц таможенных органов является неотъемлемым условием успешного, добросовестного

выполнения ими должностных обязанностей, отчего во многом зависит качество жизни граждан Российской Федерации [24, с. 3–4].

Как представляется, все указанное может быть ретранслировано на явление финансовой культуры как объединяющее в себе экономические и правовые составляющие, а также на сферу финансового права в целом, что при этом обеспечивает решение нескольких взаимосвязанных задач:

1. С одной стороны, финансовая грамотность и финансовая культура повышают эффективность правового регулирования финансово-правовых норм, позволяя подчиненным субъектам надлежащим образом реализовать принадлежащие им права и исполнить возложенные на них обязанности.

2. С другой стороны, наличие высокой финансовой культуры, включающей компетенции финансовой грамотности, у должностного лица властного субъекта финансового правоотношения позволяет предотвратить злоупотребительное поведение последнего, создавая условия для поддержания доверия граждан к действиям государства.

Кроме того, и первое, и второе во-многом зависит от качества финансово-правовых норм и, соответственно, от уровня финансовой и правовой культуры законодателя.

Рассмотрим указанные гипотезы на примере фискальных платежей налогового и неналогового характера и деятельности налоговых и таможенных органов по их взиманию.

Так, на практике нередко возникают спорные ситуации, связанные с затруднительностью разграничения в целях их налогообложения личных доходов физических лиц, а также доходов от ведения ими предпринимательской деятельности, в частности: при совершении физическими лицами гражданско-правовых сделок либо хозяйственных операций, которые в равной степени могут быть проявлением предпринимательской деятельности либо не являться таковыми; 2) при завершении предпринимательской деятельности; 3) при невозможности осуществления предпринимательской деятельности без отказа от прекращения статуса либо сопряженной с невозможностью его прекратить; при квалификации налоговыми органами деятельности физических лиц как предпринимательской в отсутствие статуса индивидуального предпринимателя; 5) при попытке физических лиц, оказывающих услуги гражданско-правового характера, реализовать право на профессиональные налоговые вычеты в сумме фактически понесенных и документально подтвержденных расходов; 6) при продаже недвижимого имущества ниже кадастровой стоимости и др.

Данная проблема, не обделенная вниманием Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), проистекает из юридической неразграниченности имущества физического лица как субъекта, осуществляющего

предпринимательскую деятельность (в качестве индивидуального предпринимателя, самозанятого, главы крестьянского хозяйства), и имущества, используемого им в повседневной жизни при осуществлении неотчуждаемых прав и свобод [11].

Например, в Определении от 31.01.2023 г. № 189-О [15] Конституционный Суд РФ, подчеркнув конституционную обязанность каждого платить законно установленные налоги, возложил риски выбора того или иного режима налогообложения на плательщика (в том числе в части перехода с общего режима (НДФЛ) на упрощенную систему налогообложения), а также подтвердил, что вопрос о квалификации той или иной деятельности физических лиц в качестве предпринимательской разрешается правоприменительными органами на основании фактических обстоятельств конкретного дела.

Следует признать, что Налоговый Кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) [2, 3], на наш взгляд, достаточно подробно и недвусмысленно регулирует спорные ситуации, в частности путем закрепления следующих положений:

1) введением оговорки, согласно которой физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, но не зарегистрировавшиеся в качестве индивидуальных предпринимателей в нарушение требований гражданского законодательства Российской Федерации, при исполнении обязанностей, возложенных на них НК РФ, не вправе ссылаться на то, что они не являются индивидуальными предпринимателями (п. 2 ст. 11 НК РФ);

2) установлением пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога ст. 54.1 НК РФ;

3) ограничением на предоставление льготы в рамках п. 2.1 ст. 217.1 НК РФ, согласно которому доход от продажи указанного в поименной статье имущества освобождается от налогообложения при условии, что такое имущество не использовалось в предпринимательской деятельности;

4) изъятием из числа доходов, не подлежащих налогообложению по правилам п. 17.1 ст. 217 НК РФ, доходов, полученных физическими лицами от продажи имущества (за исключением жилых домов, квартир, комнат, включая приватизированные жилые помещения, садовых домов или доли (долей) в них, а также транспортных средств), непосредственно используемого в предпринимательской деятельности;

5) закреплением в пп. 4 п. 2 ст. 220 НК РФ общего правила, согласно которому налоговый вычет, предусмотренный пп. 1 п. 1 ст. 220 НК РФ, не применяется в отношении доходов, полученных от продажи недвижимого имущества и (или) транспортных средств, которые использовались в предпринимательской деятельности и пр.

Соответственно, исходя из дискреции, предоставленной правоприменителю, вопрос о надлежащей реализации финансово-правовой нормы и, соответственно, о реализации права или исполнении обязанности должен разрешаться прежде всего непосредственно налогоплательщиком. Вместе с тем условием правильного восприятия требований нормативного правового акта, полагаем, является финансово-правовая грамотность и финансовая культура не только налогоплательщиков, но и налоговых органов и их должностных лиц.

Однако соблюдение фискального интереса государства в ряде ситуаций зависит не столько от финансовой культуры сторон соответствующего правоотношения, сколько от определенности правовой нормы, регламентирующей фискальные платежи.

Данное суждение можно проиллюстрировать на примере Постановления Конституционного Суда РФ от 14.02.2024 г. № 6-П, признавшего п. 1 ст. 221 и пп. 1 п. 1 ст. 227 НК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации ... «в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования в силу своей неопределенности, порождающей в их взаимосвязи возможность различного истолкования, не обеспечивают однозначного решения вопроса о праве на получение профессиональных налоговых вычетов физическим лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, чья деятельность признана налоговым органом предпринимательской» [14].

Указанная неопределенность позднее была устранена путем принятия Федерального закона от 08.08.2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» [4], установившего новую редакцию п. 1 ст. 221 НК РФ, согласно которой налогоплательщики, в равной степени как имеющие, так и не имеющие статус индивидуального предпринимателя, и не имеющие при этом возможности документально подтвердить расходы, связанные со своей экономической деятельностью, приобретали право на профессиональный налоговый вычет в размере 20 % от общей суммы доходов, полученной ими.

К сожалению, правовая определенность фискальных платежей не всегда устраняется столь оперативным образом, что отрицательно сказывается на формировании финансовой культуры подчиненных субъектов финансового правоотношения, с одной стороны, и выявляет признаки злоупотребительного поведения у властных субъектов (применительно к настоящему исследованию – налоговых и таможенных органов) [26, с. 47–53], с другой.

Примером такой неопределенности, не устраняемой в течение уже длительного периода времени, выступает утилизационный сбор,

взимаемый на основании ст. 24.1 «Об отходах производства и потребления» [6] и ряда подзаконных нормативных правовых актов [8].

К вопросам, связанным с правовым регулированием данного фискального платежа, неоднократно обращался Конституционный Суд РФ [13, 16], Верховный Суд Российской Федерации [17], а также специалисты в сфере финансового и налогового права [23, с. 248–251], [25, с. 63–71]. Более того, в 2020 г. Минфином России был подготовлен доработанный текст проекта Федерального закона «О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)» [18], однако правовая неопределенность указанного платежа так и не была устранена, что, безусловно, создает риски нарушения прав его плательщиков.

В этой связи полагаем целесообразным поддержать мнение К.И. Байгозина, согласно которому разрозненные межотраслевые нормативные акты, зачастую подзаконного уровня, устанавливая правила взимания отдельных фискальных платежей, не всегда могут обеспечить должный уровень конституционно-правовых гарантий их плательщиков [19, с. 247], ввиду чего такие фискальные платежи «не должны выводиться из сферы ст. 57 Конституции РФ и развивающих ее правовых позиций» [12].

Таким образом, сферами формирования финансовой культуры, как представляются, должны быть не только правоприменительная, но и правотворческая деятельность, в которой, по меткому замечанию С.Г. Пепеляева [23, с. 251], проблемы зачастую возникают по причине несформированности таких социокультурных компонентов, как профессионализм и совесть.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (с ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (с ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об отходах производства и потребления» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 г. № 1291 «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2024 г. № 162 «О Межведомственной координационной комиссии по реализации Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного Суда РФ КС РФ от 17.12.1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции"» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2016 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона "Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", постановления Правительства Российской Федерации "О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн" и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2022 г. № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Трактородеталь Групп"» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2024 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 221 и подпункта 1 пункта 1 статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации, части 5 статьи 200 и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ю.М. Бужина и Л.В. Салимжановой» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андреева Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 346.11 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2023 г. № 2173-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной

ответственностью "Чанъань Моторс Рус" на нарушение его конституционных прав пунктом 15.2 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.07.2023 г. № 305-ЭС23-4425 по делу № А40-190025/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части включения отдельных неналоговых платежей в Налоговый кодекс Российской Федерации)» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/56823364/> (дата обращения: 16.08.2024).

19. Байгозин К. И. Вопросы взимания утилизационного сбора в практике Конституционного суда Российской Федерации // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2021 года. По материалам XIX Междунар. науч.-практ. конф. 20–29 апреля 2022 г., Москва. Сборник / Сост. М. В. Завязочникова; Под ред. С. Г. Пепеляева. М., 2023. С. 238–247.

20. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) // Национальная педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130323014821/http://didacts.ru/dictionary/1010> (дата обращения: 16.08.2024).

21. Кыргызстан представил свой опыт на международной конференции по развитию финансовой грамотности // Sputnik Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20231214/materialy-rf-finansy-russia-1081228726.html> (дата обращения: 16.08.2024).

22. Месилов М.А. Конституционно-правовые основы формирования правовой культуры государственных гражданских служащих: автореф. на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право; муниципальное право. М., 2010. 23 с.

23. Пепеляев С.Г. Об утилизации конституционных ценностей // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2021 года. По материалам XIX Междунар. науч.-практ. конф. 20–29 апреля 2022 г., Москва. Сборник / Сост. М. В. Завязочникова; Под ред. С. Г. Пепеляева. М., 2023. С. 248–251.

24. Савенков В.А. Правовая культура российских таможенников: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия. М., 2016. 24 с.

25. Ямбулганов А. А. Утилизационный сбор к вопросу о правовой природе платежа // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 12. С. 63–71.

26. Юстус О. И. К вопросу о сущности публично-властных злоупотреблений правом в сфере налогообложения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С.47–53.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6648-9867, AuthorID: 487828, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

**Financial culture as one of the conditions
for effective financial activity of tax
and customs authorities**

O.I. Justus

Tver State University, Tver

The article analyzes the concept of "financial culture" as a set of elements of economic and legal culture that are inextricably linked with each other. It is concluded that financial culture, on the one hand, increases the effectiveness of legal regulation of financial and legal norms, allowing subordinate entities to properly exercise their rights and fulfill their obligations; on the other hand, the presence of a high financial culture, including financial literacy competencies, in an official of an authority subject of financial legal relations allows preventing the latter's abusive behavior, creating conditions for maintaining citizens' trust in the actions of the state. The assumption is confirmed that the scope of the subject's activity (financial activities of public-law entities) and the individual's authority (as an official of an authorized body) make the requirement for a high level of financial literacy and financial culture integral professional characteristics of the relevant officials of customs and tax authorities. The opinion is substantiated according to which the spheres of formation of financial culture are not only law enforcement, but also law-making activity, since the latter ensures certainty of legal norms and creates guarantees of observance of constitutional rights of various subjects.

Keywords: *financial culture, financial literacy, fiscal payments, tax authorities, customs authorities, recycling fee, certainty of financial and legal norm, abuse of law.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 6648-9867, AuthorID: 487828, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Финансовая культура как одно из условий эффективной финансовой деятельности налоговых и таможенных органов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 125–136.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Вопросы истории государства и права

УДК 343.9

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.137

Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России¹

К.А. Зарубина, С.Ю. Чапчиков

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Статья посвящена отдельным вопросам эволюции института множественности в отечественном законодательстве дореволюционной России. Целью настоящего исследования является определение особенностей генезиса форм множественности в российском дореволюционном уголовном законе, как легального средства борьбы с деятельностью преступников-профессионалов. Для достижения поставленной цели в работе применялись методы анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Установлено, что понятия повторности и неоднократности как формы множественности преступлений в российском уголовном законе закрепляются в связи с организацией борьбы с зарождающейся профессиональной преступностью. Определено, что по мере развития профессиональной преступной деятельности в законодательстве также формулируется понятие специального рецидива, указывающего на противодействие однородным и тождественным преступным деяниям. Кроме того, в процессе анализа нормативных правовых актов дореволюционной России выявлено, что закрепление в уголовном законе разных форм множественности относилось преимущественно к преступлениям корыстной или корыстно-насильственной направленности, что также указывает на целенаправленную борьбу отечественного законодателя с промыслом преступников-профессионалов, извлекающих от совершения противоправных деяний прибыль. Сделан вывод о том, что появление в уголовном законодательстве разных вариантов множественности – это не что иное, как попытка легальными правовыми мерами сдерживать рост криминального профессионализма в преступной среде в дореволюционной России.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, повторность, неоднократность, множественность, рецидив, профессиональный преступник, наказание, преступление.

---

¹ **Финансирование.** НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Зарождение и развитие одной из наиболее опасных разновидностей преступной деятельности в России – профессиональной преступности – произошло еще в дореволюционный период. Это время отмечено значительной консолидацией криминального мира, упрочением связей между преступниками, занимающимися общественно опасной деятельностью на постоянной основе (в виде промысла), формированием в среде высшего криминалитета особой субкультуры и появлением устойчивого разделения преступников по разным криминальным специализациям. Все это указывает на значительную обособленность преступников-профессионалов от «традиционных» уголовников, их упрочение положения в криминальном мире и образование собственного замкнутого преступного сообщества со своими, свойственными только ему отношениями и связями внутри данной «касты». Однако, справедливости ради, стоит отметить, что обозначенные процессы в России происходили не единовременно, а постепенно, эволюционно формируя неотъемлемые признаки криминального профессионализма в деятельности наиболее «мастеровитых» отечественных дореволюционных преступников.

Деятельность преступников-профессионалов даже на этапе зарождения профессионального криминального мира неизбежно наносила значительный вред государству, нарушая привычный уклад жизни населения, подрывая экономические устои общества. Вследствие этого за формированием и развитием профессионального криминалитета в России в рассматриваемый период неизбежно следовал генезис нормативной правовой базы, охраняющей общество и государство от опасных преступных посягательств, и важное место в этой эволюционирующей правовой системе занял институт множественности, позволяющий легальным образом вычленив из общей массы уголовников лиц, занимающихся криминальным промыслом на постоянной основе, и пресечь их активность.

Предваряя рассмотрение эволюции института множественности в российском дореволюционном уголовном законодательстве в контексте ужесточения борьбы с зарождающейся и развивающейся профессиональной преступностью правовыми методами, отметим, что отечественный законодатель в исследуемый период еще четко не различает разные формы множественности и не дает строгого определения данным уголовно-правовым категориям. Однако чаще всего в дореволюционном законодательстве закреплялись либо неоднократность и повторность, различающиеся по количественным показателям, либо рецидив как разные формы множественности преступлений.

Еще в Двинской уставной грамоте в конце XIV в. устанавливалось ужесточение наказания за совершение кражи повторно. Виновного за данное деяние предусматривалось казнить через повешение (за

совершение кражи в первый раз злоумышленнику грозила продажа его имущества с учетом количества похищенного, а за вторичное – продажа самого преступника) [4, с. 50–53]. В Псковской судной грамоте XV в. предусматривалось усиление ответственности за неоднократность татьбы (кражи). Закон предписывал за совершение кражи дважды преступника миловать (не лишать жизни), а за хищение в третий раз – «придавать его смертной казни» (ст. 8) [7].

В Судебнике 1497 г. также закреплялась норма, устанавливавшая ответственность за совершение кражи повторно (во второй раз). Нормативный правовой акт различал два состава преступления. В том случае, если лицо совершало кражу в первый раз, преступника приговаривали к телесному наказанию, однако если кража совершалась вторично, ему грозила смертная казнь. Отдельные исследователи справедливо утверждают, что во втором случае законодатель полагал, что при повторном совершении хищения вор является матерым, но по какой-то причине избежал правосудия, и такая повторность преступных действий служит основанием считать, что преступник руководствовался «злой волей», не желая жить «по правде», вследствие чего, по усмотрению властей, от такого лица необходимо было избавляться, лишая его жизни [5, с. 182]. В данном случае речь идет о «классической» повторности, как форме множественности преступлений, когда лицо совершает два общественно опасных посягательства, предусмотренных одной и той же статьей уголовного закона, и не несет за первое преступление ответственности.

Согласно нормам Судебника 1550 г. к смертной казни также приговаривали преступников, совершивших повторную татьбу. Однако ст. 108 Судебника 1589 г. уточняет, что смертную казнь необходимо было назначать и в том случае, если не только татя поймают «в другие» разы, т. е. повторно, но и разбойника [5, с. 367]. Как видим, в данном случае понятие повторности в отношении имущественных преступников расширяется, и если ранее к такого рода наказанию приговаривали исключительно воров, то с 1589 г. стали лишать жизни и за повторный разбой.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в Судебниках XV–XVI вв. речь идет о такой форме множественности, как повторность, или неоднократность преступлений, поскольку закон не содержит указания на осуждение и отбывание наказания лицом, совершившим преступление в «другой» раз. При этом считаем необходимым согласиться с мнением исследователя В.Е. Южанина, подчеркивающего, что указание в законодательстве на такое многократное совершение преступлений, как на отягчающее обстоятельство, свидетельствует об особом упорстве лица в достижении своих преступных целей, его криминальном профессионализме и неискренности [17, с. 54–60].

Следующим важнейшим нормативным правовым актом в эволюции отечественного законодательства является Соборное уложение 1649 г. В нем значительно расширяется понятие множественности в форме специального рецидива. Так, ст. 12 Главы XXI «О разбойных и о татинных делах» указывает на то, что за совершение кражи в третий, четвертый или более раз преступника надлежало казнить, а ст. 17 указанной главы устанавливала такую же ответственность за повторный разбой (более двух раз) [12]. Это дает основание полагать, что в российском криминальном мире XVII в. кража стала настолько распространенным явлением, что за двукратное совершение такого преступления более не приговаривали к столь суровому наказанию, как смертная казнь. Ко всему прочему, закон предусмотрел более высокую степень ответственности за повторный разбой. Обращая внимание на то, что и первое, и второе преступления имеют корыстную ориентацию, и основанием отнесения законодателем данных составов преступлений к квалифицированным является именно систематичный характер преступной деятельности, можно заключить, что данное нововведение прямо указывает на активизацию борьбы с зарождающейся и активно развивающейся профессиональной преступностью в России правовыми мерами.

В подтверждение также укажем, что многие современные исследователи особо выделяют XVII в. в эволюции отечественного профессионального криминального мира. Так, например, доктор юридических наук А.И. Гуров справедливо отмечает, что в рассматриваемый период даже в столице России от разбойников и воров «негде было деваться ни днем, ни ночью», а «мошенничество и обман получили право гражданства и сделались явлением обычным...» [3]. С.Я. Лебедев – известный современный ученый-правовед – указывает, что «экономическое убожество, массовые бедствия, нищета и несправедливость» характерные для России XVII в., «неразбериха, царившая в организации порядка и его охраны, еще более усиливала разгул воровства, грабежей, убийств и прочих мерзостей...» [6, с. 92]. Как видим, преступный мир в России в это время становился еще более консолидированным и монолитным, а значит, и профессиональная преступность заметно активизировалась.

Следующий важнейший нормативный правовой акт в сфере уголовного права – Воинский артикул 1715 г. – различал только неоднократность совершения кражи. За воровство в первый и второй раз виновного прогоняли сквозь полк, в третий раз злоумышленнику отрезали уши и нос, ссылали на каторгу, а украденное отбирали, а в четвертый раз – казнили через повешение (артикулы 189 и 191) [2]. Так, уголовное наказание за воровство в виде смертной казни стали назначать не за трех-, а четырехкратное совершение кражи, что так же, как и в XVII в., косвенно указывало на «популярность» данного вида

общественно опасного посягательства, особую распространенность промысла профессиональных воров.

Особое развитие институт множественности получил в российском дореволюционном законодательстве в XIX – начале XX в. В это время был выработан единый подход к определению некоторых форм множественности, уточнены признаки рецидива [10, с. 157–159]. По справедливому замечанию отдельных исследователей, именно в данный период отечественный профессиональный мир сформировался окончательно, а профессионализация российского криминалитета достигла невиданных ранее масштабов [8, с. 497–509]. Причем пик развития профессиональной преступности пришелся на конец XIX – начало XX в., когда в системе преступных отношений окончательно сформировалась и закрепились криминальная иерархия, появились устойчивые связи между наиболее успешными преступниками-профессионалами, сложились узкие криминальные специализации [1, с. 44–45].

С целью противодействия этой опасной тенденции трансформации отечественного уголовного мира и достижения новой структурной фазы эволюции высшего криминалитета в законодательстве более четко формулируется понятие множественности. Так, в Своде законов Российской империи 1832 г. различаются две формы множественности: неоднократность преступлений и «стечение преступлений». С точки зрения современной теории уголовного права под «стечением преступлений» необходимо понимать совокупность приговоров, а под повторением, «умножающим вину преступника», – неоднократность [11], причем именно понятие неоднократности указывало на борьбу с преступной деятельностью, которой злоумышленники занимались на постоянной или, по-другому, на профессиональной основе.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложению 1845 г.) наказание усиливалось не за двукратное повторение деяния, а за совершение «оного» преступления в третий, четвертый и более раз (т. е. за неоднократность преступной деятельности). Это обстоятельство давало возможность приговаривать к высшему наказанию, которое предусматривалось за совершение данного вида преступления. Появление подобной оговорки в уголовном законе означало, что в структуре особо опасных правонарушений большую распространенность имела повторность однородных и тождественных преступлений. Это косвенно указывало на приобретение преступной специализации лицами, т. к. совершение трех и более тождественных преступлений в криминологии (по количественному признаку) называют никак иначе, как преступным промыслом. Также необходимо отметить, что неоднократность в Уложении 1845 г. распространялась не только на разбой и кражу (что предусматривали нормы предшествующего уголовного законодательства), но и на иные виды общественно опасных посягательств корыстной направленности.

Причем для некоторых видов преступлений неоднократность определялась особым образом. Например, наказание за мошенничество, совершенное в третий раз, усиливалось на несколько степеней [9, с. 200]. Так, условно можно полагать, что криминальную специализацию в это время стали приобретать не только воры и разбойники, но и иные преступники (например, мошенники).

В ст. 131 обновленного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. также учреждалось: «К числу обстоятельств, увеличивающих наказание и вину, принадлежит повторение того же преступления или учинение другого». Однако совершить новое преступление необходимо было до признания его повторным после суда и наказания за первое преступление или после «прощения» лицу его вины. При этом подчеркивалось, что если в особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. не предусматривалось назначение наказания по специальным правилам, то за повторность полагалось назначать высшую меру государственного принуждения, как за совершение правонарушения в первый раз (ст. 132) [15, с. 97, 102].

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судами, 1864 г. повторность преступлений определялась иным образом: «Обстоятельством, увеличивающим вину подсудимого, признается повторение того же или совершение однородного проступка» (ст. 14). В данной норме впервые было закреплено понятие «однородного» преступления, хотя и не раскрывалась его сущность. При этом уточнялось: «...до истечения года после присуждения к наказанию» [13, с. 19], что указывает на расширение разнообразия форм множественности и законодательное закрепление понятия рецидива.

В Уголовном уложении 1903 г. для определения множественности преступлений вводятся сроки совершения новых правонарушений: для лиц, приговоренных к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы, – 10 лет; к отдаче в исправительные арестантские отделения с лишением прав – 8 лет; к заключению в тюрьму с лишением прав и к заключению в крепость с лишением некоторых особых прав и преимуществ, либо без лишения оных, либо к заключению в тюрьму – 5 лет; к остальным – на срок от 1 до 3 лет. Также в общую часть Уголовного уложения 1903 г. впервые была включена норма, усиливающая ответственность за специальный рецидив. В соответствии со ст. 64 Уголовного уложения 1903 г. лицо, совершившее до провозглашения резолюции, приговора или решения о виновности два и более однородных или тождественных преступления по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения к такой деятельности в виде промысла, подлежало назначению тяжчайшего наказания: для каторги без срока надлежало воспретить перевод на поселение до истечения 20 лет; при срочном лишении

свободы – срок продлить; при назначении денежной пени – определить арест на срок до 1 месяца [14, с. 13–14]. Так, особое указание в законе на однородность или тождественность совершаемых преступлений, а главное – на восприятие преступной деятельности как промысла, привычки свидетельствовало об устойчивой сформированности в России в начале XX в. профессионального преступного мира. Это также косвенно констатировал современник данных событий, министр Юстиции Российской империи И.Г. Щегловитов: «Что касается собственно индивидуализации карательных мер в соответствии с подразделением преступников на случайных и профессиональных, то в этом отношении Уголовное уложение ограничивается усилением репрессии для преступников обычных и рецидивистов...» [16, с. 260].

Таким образом, анализ действующих в дореволюционный период нормативных правовых актов в сфере уголовного права дает основание полагать, что эволюционная разработка понятия множественности преступлений в отечественном законодательстве прямо указывает на борьбу российского законодателя с помощью правовых мер с зарождающейся и активно развивающейся профессиональной преступностью. Несмотря на отсутствие четкой терминологии, характеризующей разные формы множественности преступлений, в российском дореволюционном уголовном законе на разных этапах развития общества и государства предусматривалась более высокая степень ответственности за совершение именно однородных и (или) тождественных преступных деяний корыстной или корыстно-насильственной направленности, что, в свою очередь, указывает на особую ориентацию лиц, промысляющих криминальной деятельностью на постоянной основе, на извлечение дохода от такой деятельности, что максимально сближает данную категорию преступников с «профессионалами». Вследствие этого можно заключить, что ссылки в уголовном законодательстве на разные варианты множественности – это ничто иное, как попытка законодателя легальными правовыми мерами сдерживать рост криминального профессионализма в преступной среде дореволюционной России и обезопасить, тем самым, общество от этого опасного антисоциального явления.

Список литературы

1. Битаров А.С. Профессиональная преступность и возможные пути ее устранения // Вестник магистратуры. 2018. № 12-5 (87). С. 44–45.
2. Воинский артикул 26 апреля 1715 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 26.02.2024).
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 18.02.2024)
4. Евстигнеев А.М. Формирование институтов повторности и неоднократности в рамках исторического развития системы форм

множественности преступлений по дореволюционному уголовному праву России // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 4. С. 50–53.

5. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 2.: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография. М.: Норма, 2017. 688 с.

6. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с.

7. Псковская судная грамота [Электронный документ]. URL: <http://xn--e1aaejmeposxq.xn--p1ai/node/13623> (дата обращения: 07.04.2024).

8. Реент Ю.А. Криминальная стратификация в местах лишения свободы России в XX веке // *Человек: преступление и наказание*. 2021. № 4. С. 497–509.

9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1996. Т. 6. 438 с.

10. Савин А.А., Семенов С.А. Становление института рецидива в его историческом аспекте // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 4. С. 157–159.

11. Свод законов Российской империи. Положение о наказаниях. Том XV [Электронный документ]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 05.05.2024).

12. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 07.04.2024).

13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 764 с.

14. Уголовное Уложение 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. Издание седьмое, переработанное и дополненное. СПб, 1892. 796 с.

16. Чистяков О.И. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит-ра, 1994. 351 с.

17. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) // *Человек: преступление и наказание*. 2015. № 2 (89). С. 54–60.

Об авторах:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru

ЧАПЧИКОВ Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 7289-8569, AuthorID: 544074, e-mail: tgpKSTU@yandex.ru

The institute of plurality as a legal means of combating professional crime in pre-revolutionary Russia¹

К.А. Zarubina, S.Yu. Chapchikov

South-West State University, Kursk

The article is devoted to certain issues of the evolution of the institution of plurality in the domestic legislation of pre-revolutionary Russia. The purpose of this study is to determine the features of the genesis of plurality forms in the Russian pre-revolutionary criminal law as a legal means of combating the activities of professional criminals. To achieve this goal, the methods of analysis, synthesis, generalization, comparative legal and formal legal methods were used in the work. It is established that the concepts of repetition and repetition, as forms of multiplicity of crimes, are fixed in the Russian criminal law in connection with the organization of the fight against emerging professional crime. It is determined that as professional criminal activity develops, the concept of special recidivism is also formulated in the legislation, indicating counteraction to homogeneous and identical criminal acts. In addition, in the process of analyzing the normative legal acts of pre-revolutionary Russia in the field of criminal law, it was revealed that the use of the plurality forms established in the law was mainly related to crimes of a mercenary or mercenary-violent orientation, which also indicates the purposeful struggle of the domestic legislator against the fishing of professional criminals who profit from committing illegal acts. As a result, it is concluded that the consolidation of different variants of plurality in criminal legislation is nothing more than an attempt by legal measures to restrain the growth of criminal professionalism in the criminal environment in pre-revolutionary Russia.

Keywords: *professional crime, criminal professionalism, repetition, repetition, multiplicity, recidivism, professional criminal, punishment, crime.*

About authors:

ZARUBINA Kristina – PhD of Historical Sciences, Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN-code: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru.

ЧАПЧИКОВ Sergey – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwestern State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN code: 7289-8569, AuthorID: 544074, e-mail: tgpKSTU@yandex.ru

Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 137–145.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

---

¹ **Financing.** The research was prepared within the framework of the state task for 2024 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» (number 0851-2020033).

Проблемы организации учебного процесса

УДК 342.4 : 37.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.146

Конституционные ценности как значимый фактор формирования компетенций в образовательном процессе: преемственность среднего общего и высшего образования

Ю.А. Дронова, Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена комплексному анализу вопроса о значимости формирования в образовательном процессе на уровнях среднего общего и высшего образования в РФ системного представления у обучающихся об основных конституционных ценностях. Рассматривается значение в достижении данной цели учебного предмета Обществознание, а также последующая роль дисциплины Основы российской государственности, включенной в 2023 г. в учебные планы всех направлений подготовки и специальностей высшего образования.

***Ключевые слова:** конституционные ценности, среднее общее образование, высшее образование, Обществознание, единый государственный экзамен, Основы российской государственности.*

Значимость конституционных ценностей определяется важностью конституции как имеющего высшую юридическую силу нормативного правового акта, по выражению П.И. Пестеля, «государственного завета» [17], фундирующего смысл и архитектуру общественно-политического устройства страны. Актуализация конституционных ценностей для формирования компетенций в образовательном процессе разного уровня обусловлена внешне- и внутривнутриполитическими вызовами, возникшими перед Россией в условиях глобальных турбуленций в начале XXI в. Усиление международной напряженности и появление угрозы национальной безопасности страны привело к конституционной реформе 2020 г., которая трансформировала, в том числе, систему ценностей, заложенную Конституцией РФ 1993 г. Мы разделяем позицию тех исследователей, которые полагают, что общим трендом конституционных новелл в 2020 г. стали идеи укрепления государственного суверенитета, защита территориальной целостности, сохранения традиционных ценностей [5, 13]. Изменение Конституции имело значительные последствия и повлекло, в том числе, пересмотр идейно-мировоззренческих, концептуально-методологических оснований и методического инструментария системы образования. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» основными направлениями государственной национальной политики Российской

Федерации являются «совершенствование образовательных программ на различных уровнях образования, а также учебно-методических комплексов по изучению исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности; совершенствование системы обучения в образовательных организациях в целях сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре, мировым культурным ценностям...» [1].

Таким образом, последовательная актуализация конституционных ценностей для обучающихся на различных уровнях системы российского образования выступает инструментом реализации важнейших направлений государственной политики.

Приказ Министерства образования и науки РФ от 17.05.2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (далее – Приказ) был существенно обновлен в 2022 г. В редакции стандарта от 12.08.2022 г. требования к результатам освоения основной образовательной программы (далее – ООП) обучающимися были разделены на три группы – личностные, метапредметные и предметные. В пункте 6 Приказа установлены требования к результатам освоения обучающимися ООП среднего общего образования. В состав личностных требований входят «осознание обучающимися российской гражданской идентичности»; «целенаправленное развитие внутренней позиции личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций, формирование системы значимых ценностно-смысловых установок, антикоррупционного мировоззрения, правосознания, экологической культуры, способности ставить цели и строить жизненные планы». В п. 7.1. указывается, в частности, что «Личностные результаты освоения основной образовательной программы обучающимися должны отражать готовность и способность обучающихся руководствоваться сформированной внутренней позицией личности, системой ценностных ориентации, позитивных внутренних убеждений, соответствующих традиционным ценностям российского общества, расширение жизненного опыта и опыта деятельности в процессе реализации основных направлений воспитательной деятельности, в том числе в части:

гражданского воспитания: сформированность гражданской позиции обучающегося как активного и ответственного члена российского общества; осознание своих конституционных прав и обязанностей, уважение закона и правопорядка; принятие традиционных национальных, общечеловеческих гуманистических и демократических ценностей; готовность противостоять идеологии экстремизма,

национализма, ксенофобии, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам; готовность вести совместную деятельность в интересах гражданского общества, участвовать в самоуправлении в общеобразовательной организации и детско-юношеских организациях; умение взаимодействовать с социальными институтами в соответствии с их функциями и назначением; готовность к гуманитарной и волонтерской деятельности; патриотического воспитания: сформированность российской гражданской идентичности, патриотизма, уважения к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свою Родину, свой язык и культуру, прошлое и настоящее многонационального народа России; ценностное отношение к государственным символам, историческому и природному наследию, памятникам, традициям народов России, достижениям России в науке, искусстве, спорте, технологиях и труде; идейная убежденность, готовность к служению и защите Отечества, ответственность за его судьбу» [3].

Несомненно, ведущая роль в достижении требований Приказа к личностным результатам освоения обучающимися ООП среднего общего образования отводится дисциплине Обществознание. В п. 9.11. Приказа Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 г. № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» устанавливается, что «по учебному предмету Обществознание (базовый уровень) требования к предметным результатам освоения базового курса обществознания должны отражать:

1) сформированность знаний о: конституционном статусе и полномочиях органов государственной власти; системе прав человека и гражданина в Российской Федерации, правах ребенка и механизмах защиты прав в Российской Федерации; правовом регулировании гражданских, семейных, трудовых, налоговых, образовательных, административных, уголовных общественных отношений; системе права и законодательства Российской Федерации; 2) умение характеризовать российские духовно-нравственные ценности, в том числе ценности человеческой жизни, патриотизма и служения Отечеству, семьи, созидательного труда.

По учебному предмету «Обществознание» (углубленный уровень) требования к предметным результатам освоения углубленного курса обществознания должны включать требования к результатам освоения базового курса и дополнительно отражать:

2) сформированность знаний о политике Российской Федерации, направленной на укрепление и развитие социальных институтов российского общества; о государственно-общественных институтах в

Российской Федерации, в том числе об институте Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [2].

Соответственно, в документы, регулирующие содержание единого государственного экзамена по Обществознанию (Кодификатор, Спецификацию и Демоверсию 2024 года), включены элементы содержания, предполагающие осознание выпускниками закрепленных в Конституции РФ и детализированных в отраслевом законодательстве важнейших ценностей российского государства и общества.

В частности, в рамках различных разделов и тем кодификатора представлены следующие позиции:

«Гражданственность. Патриотизм.

Конституционные принципы (основы) национальной политики в Российской Федерации.

Государственная поддержка социально незащищённых слоёв общества в Российской Федерации. Государственная молодёжная политика Российской Федерации. Меры социальной поддержки семьи в Российской Федерации. Помощь государства многодетным семьям.

Политическая система Российской Федерации на современном этапе.

Демократия, её основные ценности и признаки. Гражданское общество.

Федеративное устройство Российской Федерации.

Субъекты государственной власти в Российской Федерации.

Обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации.

Государственная политика Российской Федерации по противодействию экстремизму.

Конституция Российской Федерации. Основы конституционного строя Российской Федерации. Гражданство Российской Федерации: понятие, принципы, основания приобретения.

Личные (гражданские), политические, социально-экономические и культурные права и свободы человека и гражданина Российской Федерации. Конституционные обязанности гражданина Российской Федерации. Военская обязанность и альтернативная гражданская служба» [9].

Проверка сформированности знаний и умений, связанных с указанными выше элементами содержания кодификатора, осуществляется целым комплексом заданий различных типов в контрольно-измерительных материалах единого государственного экзамена (далее – ЕГЭ) по обществознанию. Исчерпывающим образом описать возможные варианты таких заданий в рамках настоящей публикации не представляется возможным. Однако, для подтверждения востребованности владения участниками ЕГЭ соответствующим понятийным аппаратом и умением характеризовать конституционные

ценности целесообразно назвать наиболее иллюстративные в указанном аспекте типы заданий.

Так, задание первой части под номером 12 во всех вариантах контрольно-измерительных материалов (далее – КИМ) ЕГЭ проверяет сформированность представлений выпускников о конституционно-правовом статусе человека и гражданина. В частности, от участников ЕГЭ может потребоваться правильно разграничить конституционные права (свободы) и конституционные обязанности. В других случаях данное задание проверяет умение определить, к какой группе конституционных прав и свобод относится конкретное право (свобода). Задание на тринадцатой позиции в первой части КИМ ЕГЭ проверяет сформированность представлений обучающихся либо о распределении предметов ведения между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, либо распределение полномочий между высшими органами государственной власти в Российской Федерации. Отметим, что несмотря на отнесение разработчиками указанных заданий к базовому уровню сложности они, отнюдь, не являются «легкими» для значительной части участников, что актуализирует вопрос о совершенствовании методических подходов в средней школе, используемых при изучении соответствующих тем курса.

Применительно к второй части КИМ, прежде всего, следует отметить задание номер 23, специальным образом рассчитанное на проверку сформированности владения выпускниками содержанием основных конституционных ценностей. Это задание требует от участников ЕГЭ сформулировать положения Конституции Российской Федерации, которые подтверждают те иные отраженные в ней характеристики основ конституционного строя, различных групп прав и свобод человека и гражданина, обязанностей гражданина Российской Федерации, основ федеративного устройства и других непосредственно закреплённых в Конституции ценностей российского государства и общества. Данное задание также позиционируется разработчиками КИМ как имеющее базовый уровень сложности. Вместе с тем успешно справляются с ним далеко не все участники ЕГЭ.

Помимо таких «специализированных» заданий отметим также задания 19, 20 и 25, которые в зависимости от тематики в разных вариантах КИМ могут проверять:

– «умение характеризовать российские духовно-нравственные ценности;

– использование обществоведческих знаний для взаимодействия с представителями других национальностей и культур в целях успешного выполнения типичных социальных ролей, реализации прав и осознанного выполнения обязанностей гражданина Российской Федерации» [21].

Таким образом, можно утверждать как о непосредственной связи заданий КИМ ЕГЭ по обществознанию с достижением личностных результатов освоения основной образовательной программы среднего общего образования, так и с содержанием основных конституционных ценностей, что, в свою очередь, приобретает особое значение на уровне высшего образования

Необходимость углубления и закрепления конституционных ценностей у обучающихся отразилась на уровне высшей школы в форме включения в 2023 г. в учебные планы всех направлений подготовки и специальностей новой дисциплины Основы российской государственности (далее – ОРГ). По сути, данный курс является логическим продолжением дисциплины «Обществознание». Предложенная руководителем Росмолодежи К. Разуваевой идея внедрения данной дисциплины (модуля) была поддержана Президентом России В.В. Путиным на заседании Госсовета 22.12.2022 г. [19]; соответствующее поручение было подписано главой государства в январе 2023 г. [18] Содержательное наполнение и методика преподавания были разработаны в рамках проекта ДНК России, в котором участвовали тысячи ученых, экспертов, преподаватели, в том числе, и один из соавторов данной статьи. Различные аспекты теории и методологии, элементы содержания, педагогические приемы затрагивались в работах А.Ю. Мамычева [12], А.А. Гребенкина, С.К. Сергеева, О.В. Колесниковой, О.Д. Романникова [7], А.А. Гуляева [8], Т.А. Борзовой [6] и др. [20]. За короткий период времени были разработаны учебно-методические комплексы, учебники, учебно-методические пособия коллективами авторов и отдельными экспертами [10, 11, 14, 15]. Согласно рекомендованной для всех вузов УМК по дисциплине «Основы российской государственности», целью ее преподавания является «формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины» [16, с. 6]. В соответствии с концепцией ФГОС 3++ реализация данной дисциплины направлена на формирование компетенции УК-5 – «Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» [4].

Дисциплина ОРГ состоит из пяти разделов «Что такое Россия», «Российское государство-цивилизация», «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации», «Политическое устройство

России», «Вызовы будущего и развитие страны», в каждом из которых находят свое отражение конституционно-правовые ценности РФ.

В рамках первого раздела «Что такое Россия» рассматриваются и обсуждаются уникальность страны с точки зрения ее географических факторов и природных богатств, специфика России как полиэтнического и многоконфессионального государства в контексте многообразия российских регионов, которые опираются на ст. 68–69 Конституции, гарантирующих всем народам России право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68), защиту культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ст. 69). Лекции и семинары данного раздела «Испытания и победы России», «Герои страны, герои народа» сопряжены с конституционно-правовой нормой, согласно которой «государство создает условия, способствующие воспитанию в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим», «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ст. 67.1). В учебных пособиях и учебниках приводятся биографические кейсы ряда исторических деятелей России (преподобного Сергия Радонежского), первооткрывателей (братьев Лаптевых), инженеров (И.Г. Выродкова, М.И. Сердюкова), героев России (С.М. Сотникова) и др., рассматриваются в качестве испытаний Смутное время, Великая отечественная война, а также достижения и победы России – Волго-Балт, дороги Кавказа, Транссибирская магистраль, атомный и космический проекты и т. п. [14, с. 30–54].

В рамках второго раздела «Российское государство – цивилизация» разработчики курса предложили цивилизационный подход как концептуальную рамку для анализа российской государственности, альтернативную доминирующему в современной академической среде подходу «государству-нации». Принципами цивилизационной парадигмы являются акцент на самобытности материальной и духовной культуры страны, нивелирование линейного подхода к истории, согласно которому Россия относится к категории стран с догоняющим типом модернизации, понимание развития общества и государства в системе «вызов-ответ». Указанные принципы соответствуют конституционно-правовым нормам, утверждающим, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства» (ст. 67.1). С содержательной точки зрения цивилизационный подход рассматривается в ОРГ в сравнительной перспективе с формационным подходом. В частности, в учебно-методическом пособии Н.Н. Козловой

для работы с обучающимися на семинарах представлены фрагменты текстов представителей указанных подходов – А. Тойнби «Постижение истории» (1954), К. Маркса «К критике политической экономии. Предисловие» (1859), Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869) [10, с. 27–47]. Для работы на семинаре «Российская цивилизация в академическом дискурсе» автор пособия предлагает анализ фрагментов трудов таких философов как К.Н. Леонтьев «Византизм и славянство» (1875), В.С. Соловьев «Русская идея» (1888), Н.А. Бердяев «Русская идея» (1946) [10, с. 51–70].

Одна из тем второго раздела «Российская цивилизация в исторической динамике» позволяет показать особенности исторического развития России на разных этапах. Содержательно указанная тема соотносится с конституционно-правовой нормой ст. 67.1, указывающей, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах». Модернизируя идею Н.А. Бердяева о «пяти Россиях» (Киевская Русь, Русь монголо-татарского ига, Московская Русь, Россия Петра I, «новая Советская Россия») шестым современным постсоветским этапом развития, авторы пособий выделяют ключевые характеристики конкретного этапа, рассматривают вызовы и ответы российской цивилизации в исторической ретроспективе, выявляют мировоззренческие принципы и ценностные установки, национальную идею, цивилизационный выбор России на конкретном периоде истории; определяют место и роль России в общемировом пространстве в рассматриваемый период [10, с. 27–48]. Авторы одного из учебников по ОРГ С.В. Переверзев и А.В. Селезнева к ключевым чертам российской цивилизации относят традиционализм, длительный (непрерывный с 1480 г.) суверенитет государства, патернализм, идеологию служения, мессианского предназначения России, соборность и др. [15, с. 143–176].

В течение осеннего семестра 2023–2024 учебного года по теме «Российская цивилизационная идентичность на современном этапе» со студентами юридического факультета Тверского государственного университет были проанализированы нормативные правовые акты, определяющие понятие «идентичность». Помимо п. 3. ст. 69 Конституции РФ, устанавливающей, что «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности», на практических занятиях были проанализированы ст. 42, 111 Указа Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а также ст. 211 Указа Президента

Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Анализ указанных НПА позволил обучающимся усвоить соотношение понятий «идентичность», «общероссийская гражданская идентичность», сущность терминов «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)», «гражданское единство», «единый культурный (цивилизационный) код», а также проанализировать механизм формирования идентичности, выделить основные направления государственной национальной политики Российской Федерации в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности.

В рамках третьего раздела «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» особое значение имеет анализ п. 1 ст. 114 Конституции РФ, в соответствии с которым обязанностью Правительства является обеспечение проведения «в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей». На занятиях по темам данного раздела студенты анализируют Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», отвечая на вопросы, что такое «традиционные ценности», какой временной период должен пройти, чтобы ценность стала традицией, какие ценности в указе Президента РФ отнесены к традиционным, в чем суть новой мессианской идеи России и т. д. На практическом занятии по теме «Ценности российской цивилизации» студенты анализируют тексты государственных гимнов России («Гром победы, раздавайся! (1791–1816), Гимн 1816-1833 Молитва русских, Боже, Царя храни! (1833–1917), Интернационал (1918–1944), Государственного гимна СССР (1944–1991), Государственного гимна Российской Федерации), выделяя ключевые слова, темы, ценности для каждого исторического этапа методом контент-анализа и заполняя таблицу «Ценности российской цивилизации в государственных гимнах». Итогом групповой работы является выделение ценностей, которые присущи всем рассматриваемым этапам истории России. Важно отметить, что дисциплина ОРГ предполагает мультипредметную модель обучения, поэтому анализу текстов предшествует просмотр видеоролика «ГИМН РОССИИ. Флешмоб в поддержку олимпийской сборной»¹.

Четвертый раздел «Политическое устройство России» в наибольшей степени связан с конституционными ценностями и нормами. Темы «Конституционные принципы и разделение властей»,

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=Log0lBcu8L8>

«Власть и легитимность в конституционном преломлении», «Уровни и ветви власти» предполагают непосредственное обращение к тексту Конституции РФ, анализ основ конституционного строя, полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, системы сдержек и противовесов. Как показывает опыт преподавания данного раздела в 2023–2024 учебном году наибольшую сложность у студентов вызвал анализ конституционной новеллы о единой системе публичной власти в Российской Федерации. На занятиях «Стратегическое планирование: национальные проекты и государственные программы», «Планирование будущего: национальные проекты и государственные программы» рассматриваются цели, задачи, реализация конкретных национальных проектов и программ в федеральном и региональном разрезах. Выбор национальной программы осуществлялся с учетом профиля обучения студентов. В частности, в 2023 г. студенты юридического факультета проанализировали государственную программу РФ «Юстиция»¹. Очевидное позитивное влияние в плане осознания обучающимися ценности общероссийской культурной идентичности имеет анализ достижений России в XXI в.

В рамках темы «Гражданское участие и гражданское общество в современной России» студенты изучают цели и формы гражданского участия в контексте конституционных ценностей демократии, идеологического и политического плюрализма, противодействия насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, подрыву безопасности государства, разжиганию социальной, расовой, национальной и религиозной розни. На занятиях обучающиеся обсуждают понятия «гражданин», «гражданство», «гражданственность», «гражданское общество», «гражданское участие». Основной задачей при освоении данной темы является выявление каналов, механизмов взаимосвязи гражданского общества и государства, сокращение дистанции между человеком и государством, что по мнению составителей федерального УМК по ОРГ, создает «положительное созидательное взаимодействие», тогда как «отчуждение граждан от власти, атомизация социального бытия служит главным препятствием для роста общественной самодеятельности» [16, с. 7–8]. Поскольку наиболее массовым способом участия граждан в политике является избирательная кампания, то при анализе темы целесообразно обратиться к контенту Российского общества Знание. В 2023–2024 учебном году студенты юридического факультета анализировали видеоролик «От вече до ЦИК. Современный избирательный процесс»², отвечая на вопросы как формируется ЦИК

---

¹ <https://minjust.gov.ru/ru/activity/programs/11/>

² <https://znanierussia.ru/library/video/ot-veche-do-cik-sovremennyj-izbiratelnyj-process-4169?page=1>

РФ, когда и где впервые в России провели дистанционное электронное голосование (ДЭГ), кто в России может голосовать с помощью смартфона, когда в России единый день голосования (ЕДГ), что такое система ГАС «Выборы» и т. д.

Раздел V. «Вызовы будущего и развитие страны» направлен на осознание обучающимися актуальных вызовов и угроз в контексте глобального развития, а потому актуализирует анализ положений Конституции РФ о защите государственного суверенитета (ч. 2.1. ст.67) – «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» и др.). В рамках данного раздела, а конкретно, в рамках тем «Актуальные вызовы и проблемы развития России», «Россия и глобальные вызовы», «Внутренние вызовы общественного развития» важно показать возможности общественных наук для описания глобальных проблем: «современные вызовы и угрозы», «глобальный миропорядок», «однополярный и многополярный мир», «страны-центры политического влияния», «международные правительственные организации», «гибридная война», «национально-государственные интересы России», «основные принципы внешней политики России», «гибридная война», «мягкая сила», «противоречие», «вызов», «общественная система», «стабильность», «справедливость», «миссия». Среди внутренних выводов весьма значительной является проблема коррупции, которой посвящен отдельный семинар.

И, наконец, последние темы пятого раздела «Сценарии развития российской цивилизации» и «Образы будущего России» направлены на формирование у обучающихся представления о различных сценариях будущего России, на понимание того, что различное видение будущего является производным от принимаемых государством и народом России ценностей. На лекционных и практических занятиях рассматриваются ключевые понятия метода сценарного прогнозирования («социальная модель», «социальный проект», «социальное согласие», «гармоничное развитие общества» и др.), анализируются данные ведущих социологических центров по теме исследования «Образы будущего России», видеоматериалы Российского общества «Знание». В ходе работы над темой со студентами прорабатываются формулировки образа будущего на уровне единиц Пентабазиса [22, с. 9–19] («Что вы видите определяющим в России для: человека, семьи, общества, государства, страны?»), дискутируются такие вопросы как: Согласны ли вы с мнением, что желаемый образ будущего для России видится как достижение ее ценностных целей? Какие это ценностные цели? Как влияет государство на выбор ценностей? Как связаны между собой

ценностные константы и ценностные ориентиры российской государственности в процессе формирования желаемого будущего России?

Таким образом, в современном отечественном образовательном пространстве на уровне средней и высшей школы особым образом востребовано формирование у обучающихся представлений о конституционных ценностях. На уровне среднего общего образования существенная и определяющая роль в формировании общего представления о различных аспектах конституционных ценностей принадлежит предмету Обществознание. Дисциплина Основы российской государственности, включенная в настоящее время в учебные планы всех направлений подготовки и специальностей высшего образования, направлена на освоение на более глубинном уровне социогуманитарного знания, соотносимого с содержанием этих ценностей. Разделы курса ОРГ актуализируют представление обучающихся о ценностях, закрепленных в основах конституционного строя (политический плюрализм, свобода совести и вероисповедания, противодействие экстремизму и др.), направленных на защиту государственного суверенитета, исторической правды, подвига народа, этнического многообразия и целого ряда других. Изложенное дает основания для вывода о том, что в образовательном пространстве РФ выстроена единая модель с выраженной преемственностью между уровнями среднего общего и высшего образования, направленная на глубокое освоение конституционных ценностей, способствующих формированию общегражданской идентичности, развитию чувства патриотизма и гражданственности у обучающихся.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 10.09.2024).

2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 г. № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307130017> (дата обращения: 10.09.2024).

3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 12.08.2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008> (дата обращения: 10.09.2024).

4. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13.08.2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/400301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 08.09.2024).

5. Абрамова М.Г. Конституционные новеллы 2020 г. в России, или куда дрейфует айсберг суверенитета? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-novelly-2020-g-v-rossii-ili-kuda-dreyfuet-aysberg-suvereniteta> (дата обращения: 12.09.2024).

6. Борзова Т.А. Возвращение к истокам: о подходах к преподаванию курса «основы российской государственности» в высшей школе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4. С. 138–142.

7. Гребенкина А.А., Сергеев С.С., Колесникова О.В., Романников О.Д. Российская государственность как дидактическая единица учебно-методического комплекса «Основы российской государственности» // Вестник педагогических инноваций. 2023. № 1 (69). С. 22–30.

8. Гуляев А.А. Значимость новой дисциплины «основы российской государственности» в вузах // Власть. 2023. № 5. С. 100–103.

9. Кодификатор ЕГЭ 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/151883967-9> (дата обращения: 05.09.2024).

10. Козлова Н.Н. Основы российской государственности. Учебно-методическое пособие. Тверь: ТвГУ, 2024. 144 с.

11. Малько А.В., Вилков А.А., Гурьев В.В., Затонский В.А., Митрохин В.А., Никифоров Я.А., Трофимов В.В. Основы российской государственности. Учебник. М., КноРус, 2024. 263 с.

12. Мамычев А.Ю. Основы российской государственности: теоретико-правовой анализ // Вестник ТГПИ. Специальный выпуск № 2. Гуманитарные науки. С. 110–124.

13. Михеева Т.Н. Взгляд конституционалистов на поправки в Конституцию России // Образование и право. 2020. № 5. С.19–22.

14. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / авт. колл.: А.П. Шевырев, В.В. Лапин, С.В. Рогачев, А.В. Титорский, П.Ю. Уваров, А.А. Ларионов (иеромонах Родион), В.С. Бремин, Н.Ю. Пивоваров, О.А. Ефремов, Е.А. Маковецкий, Е.А. Овчинникова, Д.А. Андреев, В.В. Булатов, О.А. Чагадаева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 252 с.

15. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.

16. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего

образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

17. Пестель П.И. Конституция – государственный завет // И дум высокое стремление... / Сост. Н.А. Арзуманова; примечания И.А. Мироновой. М.: Советская Россия, 1980. 401 с.

18. Путин поручил включить в программы вузов курс «Основы российской государственности» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16929183> (дата обращения: 05.09.2024).

19. Путин предложил ввести в вузах «Основы российской государственности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/12/23/956697-v-vuzah-osnovi-rossiiskoi-gosudarstvennosti> (дата обращения: 12.09.2024).

20. Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И. Изучение проблем социально-правового российского государства в учебном курсе «основы и принципы российской государственности» // Образование и право. 2022. № 12. С. 190–196.

21. Спецификация КИМ ЕГЭ 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!tab/151883967-9> (дата обращения: 05.09.2024).

22. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, заведующая кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6273-0895, AuthorID: 346665; e-mail: Kozlova.NN@tversu.ru

Constitutional values as a significant factor in the formation of competences in the educational process: continuity of secondary general and higher education

Yu.A. Dronova, N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The article is devoted to a comprehensive analysis of the issue of the importance of forming a systemic understanding of students' fundamental constitutional values in the educational process at the levels of secondary and higher education in the Russian Federation. The importance of the academic

subject Social Science in achieving this goal is considered, as well as the subsequent role of the discipline Fundamentals of Russian Statehood, included in the curricula of all areas of training and specialties of higher education in 2023.

Keywords: *constitutional values, secondary general education, higher education, Social Science, unified state exam, Fundamentals of Russian Statehood.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

KOZLOVA Natalia – the doctor of the Political Sciences, Head of the Department of Political Science of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 6273-0895, AuthorID: 346665, e-mail: Kozlova.NN@tversu.ru

Дронова Ю.А., Козлова Н.Н. Конституционные ценности как значимый фактор формирования компетенций в образовательном процессе: преемственность среднего общего и высшего образования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 146–160.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.626.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.161

Некоторые примеры использования категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи

И.В. Базунов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Целью работы выступает демонстрация некоторых примеров применения категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи. В процессе исследования было установлено, что в брачно-семейном законодательстве добросовестность употреблялась как в объективном смысле, так и в субъективном, что позволяет говорить о системности использования данной категории в законотворческой деятельности. Также автор приходит к выводу, что применение категории «добросовестность» при регулировании семейных отношений в дореволюционный период способствовало совершенствованию механизмов защиты прав и интересов замужних женщин от злоупотребления властью со стороны мужа.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление властью, семейные отношения, Российская империя, брачно-семейное законодательство.

Принцип добросовестности был закреплен в результате реформы гражданского законодательства 2013–2015 гг., что стало одной из важных вех развития отечественной цивилистики. В последние годы добросовестность в качестве правовой категории нашла свое отражение также в семейном законодательстве. Так, в п. 4 ст. 30 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) законодатель использует понятие «добросовестный супруг», а в п. 2 ст. 39 СК РФ рассматривает недобросовестное поведение как одно из оснований для уменьшения доли супруга в общем имуществе [2]. Стоит признать, что появление в семейном законодательстве категорий, связанных с принципом добросовестности, не стало для российского семейного права чем-то принципиально новым. В дореволюционный период отечественной истории законодатель обращался к добросовестности при регулировании брачно-семейных отношений. С целью демонстрации исторической роли данной категории в семейном праве, автором предлагается рассмотреть некоторые примеры ее использования в законотворческой деятельности императорской России.

Начать необходимо с характеристики добросовестности в качестве правовой категории. В доктрине добросовестность рассматривается с двух точек зрения: объективной и субъективной.

Объективная добросовестность представляет собой стандарт поведения, который служит ориентиром для участников гражданского оборота. Так, А.В. Дёмкина определяет добросовестность с объективной точки зрения как рекомендуемый участникам гражданского оборота эталон поведения [12, с. 11]. В.А. Коновалов придерживается такого же определения объективной добросовестности, рассматривая ее в качестве абстрактной и многоплановой модели, выполняющей роль ориентира для участников гражданских правоотношений [16, с. 7]. Следует признать, что содержание стандарта добросовестного поведения в гражданском праве является не до конца определенным. В.Г. Голубцов указывает на отсутствие в законодательстве четких критериев добросовестного поведения. В силу этого формирование конкретных требований к добросовестности лица происходит в том числе в процессе правоприменения [10, с. 497].

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что злоупотребление правом следует рассматривать в качестве одного из случаев нарушения стандарта добросовестного поведения. Согласно устоявшейся позиции в доктрине гражданского права, злоупотребление правом связано с осуществлением субъективного права не по назначению, посредством чего причиняется вред другим лицам, а также государству и обществу [17, с. 9–10]. В п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель использует в отношении злоупотребления правом формулировку «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» [1]. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ, участники гражданского оборота обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих прав. Системное толкование данных норм позволяет предположить, что злоупотребление правом противоречит стандарту добросовестного поведения. Таким образом, в рамках данного исследования мы будем относить злоупотребление правом к одному из видов недобросовестного поведения.

С субъективной точки зрения добросовестность представляет собой случай «извинительного незнания», когда добросовестность лица может быть поставлена под сомнение в зависимости от его информированности об определенных обстоятельствах [18, с. 125]. К примеру, согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ, добросовестным считается такой приобретатель, который не знал и не должен был знать, что лицо, у которого он приобрел имущество, было не вправе его отчуждать. В законодательстве требования к субъективной добросовестности зачастую выражены посредством применения формул «не знал и не должен был знать» и «знал и мог знать». По замечанию А.С. Васильева и Д.С. Мурзина, вторая формула представляет собой повышенные требования к субъективной добросовестности, т. к. на лицо возлагается обязанность по выявлению обстоятельств, которые могут поставить его добросовестность под сомнение [6, с. 75].

Определив содержание добросовестности в субъективном и объективном смыслах, мы можем рассмотреть ряд случаев, когда законодательство Российской империи связывало определенные правовые последствия с фактом добросовестного или недобросовестного поведения участника брачно-семейных отношений.

Согласно ст. 103 ч. 1, Т. X Свода законов Российской империи (далее – СЗРИ), супруги обязаны жить вместе [3]. Склонение супругов к раздельному проживанию было строго запрещено. При этом, согласно ст. 108 ч. 1, Т. X СЗРИ, жена находилась в личной зависимости от мужа и занимала подчиненное положение в семье. Тем не менее существовал механизм, позволяющий жене жить отдельно от мужа в случае, если он ведет себя ненадлежащим образом. По замечанию А.И. Загоровского, суд мог признать раздельную жизнь супругов легальной, если муж «всем своим видом» демонстрирует нежелание жить совместно [15, с. 446]. По нашему мнению, данный случай можно рассматривать в качестве примера использования в брачно-семейном законодательстве добросовестности в объективном смысле. Посредством ст. 106 ч. 1. Т. X СЗРИ устанавливается обязанность мужа любить свою супругу, жить с ней в согласии, уважать и защищать ее, а также извинять недостатки. Именно такое поведение ожидалось от мужа в период брака, а значит его можно рассматривать в качестве стандарта. Если муж своими действиями демонстрирует нежелание жить вместе с супругой, то такое поведение нельзя назвать соответствующим стандарту, что позволяет суду отступить от общего правила ст. 103 ч. 1, Т. X СЗРИ с целью защиты прав и интересов жены.

Следует отметить, что правовое положение женщины в период брака являлось крайне уязвимым. Так, согласно ст. 107 ч. 1, Т. X СЗРИ, жена была обязана повиноваться распоряжениям мужа, что создавало простор для злоупотребления предоставленной мужу властью. Ю.М. Гончаров указывает на распространенность этого явления, т. к. законодательство данного периода не предусматривало возмещений за злоупотребление властью мужа над женой [11, с. 99]. Однако ненадлежащее поведение мужа не являлось нормой, что подтверждается приведенными в ст. 106 ч. 1. Т. X СЗРИ обязанностями мужа по отношению к жене. В силу этого, мы склонны рассматривать случаи злоупотребления властью мужа как одну из форм недобросовестного поведения в брачно-семейных отношениях.

Механизм легализации раздельной жизни супругов был усовершенствован посредством принятия закона от 12.03.1914 г. «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» [8, с. 16]. В соответствии с нормами данного закона, жена могла отказать мужу в совместном проживании, если условия их совместной жизни были невыносимы. В частности, под

невыносимыми условиями понималось: жестокое обращение одного из супругов над другим или детьми; нарушение супругом своих брачных обязанностей, в том числе нанесение тяжких оскорблений другому супругу; бесчестное и порочное поведение.

Здесь мы также можем обнаружить схожую с добросовестностью в объективном смысле конструкцию. По аналогии с предыдущим примером, суд мог легализовать раздельную жизнь супругов в случае, если поведение мужа явно не соответствовало общепринятому стандарту. Данные изменения получили неоднозначную оценку в научных кругах. По мнению С.В. Ворошиловой, положение женщины в период брака после принятия закона от 12.03.1914 г. заметно улучшилось [7, с. 38]. Вместе с тем А.Г. Гойхбарг отмечает значительную разницу между фактическим положением женщины в период брака и ее правовым статусом: «Между постановлениями законов о частноправном положении замужней женщины и действительной жизнью всегда существовала громадная разница. Необходимо поэтому различать в данном вопросе правовую и бытовую точки зрения» [9, с. 3542].

В статьях СЗРИ обнаруживаются также примеры употребления субъективной добросовестности. Согласно ст. 131.2, ч. 1, Т. X СЗРИ: «Если со стороны одного из родителей вступление в брак было недобросовестно, то другой родитель имеет право требовать оставления у него своих детей» [4]. Под недобросовестностью в данном случае понимается сокрытие от другого супруга обстоятельств, препятствующих законному вступлению в брак. Появление в брачно-семейном законодательстве добросовестности в субъективном смысле встретило положительный отклик среди современников. Так, А.И. Загорский отметил крайнюю прогрессивность данного шага: «наш закон пошел дальше большинства западно-европейских законодательств, придающих важное значение добросовестности или ее отсутствию при решении вопроса о законнорожденности или незаконнорожденности детей» [14, с. 344].

Как мы видим, в брачно-семейном законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX вв. обнаруживаются нормы, где категория «добросовестность» как в субъективном, так и в объективном смысле используется при регулировании брачно-семейных отношений. Анализ случаев употребления данной категории показал, что недобросовестное поведение супруга могло выражаться в ненадлежащем исполнении своих брачных обязанностей, злоупотреблении властью мужа над женой, а также сокрытии обстоятельств, препятствующих заключению брака.

Первая в отечественной истории попытка закрепления добросовестности в качестве принципа права был предпринята в рамках разработки проекта Гражданского уложения Российской империи (далее –

ГУ, проект) [5]. Данный проект стал ответом на социально-экономические изменения, произошедшие в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. По мнению Е.А. Ербахаева, «редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения пыталась внедрить в России лучшие институты западноевропейского права, в основе которых уже были заложены такие принципы светского общества, как равенство прав и свобод и правовая определенность» [13, с. 11]. Данные изменения коснулись и регулирования брачно-семейных отношений, что обуславливает необходимость анализа ряда статей проекта.

Положения ГУ в части легализации раздельной жизни супругов (ст. 431 ГУ), а также порядка определения места жительства детей от недействительного брака (ст. 431 ГУ) во многом повторяют нормы СЗРИ. Действительно серьезным изменениям подвергся механизм защиты прав замужних женщин от злоупотребления властью со стороны мужа. Согласно ст. 231 ГУ, муж являлся главой семьи и имел решающий голос в урегулировании любых семейных вопросов. В этом отношении Гражданское уложение не отступает от содержания ст. 108, ч. 1, Т. X СЗРИ. Однако ст. 231 ГУ содержит оговорку, запрещающую мужу злоупотреблять своей властью над супругой: «жена не обязана подчиняться распоряжениям мужа, насколько они оказываются злоупотреблением предоставленной мужу властью» [5].

По замечанию авторов проекта, улучшение положения замужних женщин являлось одним из важных направлений работы редакционной комиссии: «Законодательство не должно оставаться безучастным к явно несправедливым распоряжениям мужа, которые представляются злоупотреблением предоставленной ему властью. Напротив, за женою необходимо признать право не подчиняться таким распоряжениям мужа» [5, с. 14]. В комментариях к ст. 231 подчеркивается, что появление в российском законодательстве запрета на злоупотребление властью мужа должно было способствовать построению таких отношений между супругами, в основе которых будет лежать совместная работа ради общего блага, а не подчинение и произвол. Таким образом, введение запрета на недобросовестное поведение супруга в форме злоупотребления властью являлось одной из важных целей создания нового Гражданского уложения Российской империи.

В процессе исследования случаев употребления категорий «добросовестность» в семейном законодательстве Российской империи были сделаны следующие выводы:

1. В законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX вв. обнаруживаются примеры употребления категории «добросовестность» как в субъективном, так и в объективном смысле, что позволяет говорить о системности употребления данной категории в брачно-семейном законодательстве.

2. Под недобросовестным поведением супруга понималось ненадлежащее исполнение супругом своих брачных обязанностей, злоупотребление властью мужа, а также сокрытие обстоятельств, препятствующих заключению брака.

3. Появление в российском законодательстве добросовестности в объективном смысле способствовало улучшению механизмов защиты прав и интересов замужней женщины от злоупотребления властью со стороны мужа. В частности, суд мог признать законным раздельную жизнь супругов в случае, если поведение мужа носило явно недобросовестный характер.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 16.

3. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный [Текст]: издание 1857 года. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857.

4. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 03.06.1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» // ПСЗРИ III. 1902. Т. XXII. ¹ 21566; Свод законов гражданских (Изд. 1900 г.) // СЗРИ. Т. X. Кн. 1. Раздел 2. Ст. 131.1, 131.2 (по прод. 1906 г.).

5. Гражданское уложение. Проект. Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 1 [Текст] / под ред. И.М. Тютрюмова. СПб.: издание книжного магазина «Законоведение», 1910.

6. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 66–77.

7. Ворошилова С.В. Правовое положение женщины в России в XIX – начало XX вв.: автореф дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 62 с.

8. Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 г. о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношении супругов между собой и к детям и другие законоположения. СПб.: издание юридического книжного склада «Право», 1914. 176 с.

9. Гойхбарг А.Г. Замужняя женщина, как неравноправная личность в современном гражданском праве // Право: еженедельная юридическая газета. Петроград: типография товарищества «Общественная польза», 1914. С. 3540–3552.

10. Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

11. Гончаров Ю.М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2019. 148 с.

12. Дёмкина А.В. Преддоговорные правоотношения: новое в Гражданском кодексе Российской Федерации. М.: издание Государственной Думы, 2016. 96 с.

13. Ербахаев Е. А. История кодификации российского гражданского права (дореволюционный период) // Современная цивилистика. 2019. № 1. С. 5–13.

14. Загоровский А.И. Курс семейного права. 2-е изд., с изм. и доп. Одесса, 1909. 564 с.

15. Загоровский А.И. О разводе по русскому праву. Харьков: тип. М.Ф. Зильберберга, 1884. 495 с.

16. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14.

17. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.. 2009. 52 с.

18. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.

Об авторе:

БАЗУНОВ Игорь Валерьевич – аспирант третьего года обучения, кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Some examples of the category "good faith" use in the marriage and family legislation of the Russian empire

I.V. Bazunov

Tver State University, Tver

The aim of the work is to demonstrate some examples of the application of the category "good faith" in the marriage and family legislation of the Russian Empire. In the course of the study, it was established that in the marriage and family legislation, good faith was used both in the objective and subjective sense, which allows us to talk about the systematic use of this category in legislative activity. The author also comes to the conclusion that the introduction of the category "good faith" into the marriage and family legislation contributed to the improvement of mechanisms for protecting the rights and interests of married women from abuse of power by their husbands.

Keywords: *bona fides, abuse of power, family relations, Russian Empire, marriage and family legislation.*

About author:

BAZUNOV Igor – third-year postgraduate student, Department of Civil Law, Tver State University, e-mail: Comrade.Bazunov@yandex.ru

Базунов И.В. Некоторые примеры использования категории «добросовестность» в брачно-семейном законодательстве Российской империи // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 161–167.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Реализация права судьи на защиту своего изображения

М.Ю. Елизарова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

В статье рассматриваются вопросы охраны изображения судьи (фото и видео) гражданским законодательством и законодательством о персональных данных. Отмечается нерешенность вопроса о согласии судьи на обнародование и дальнейшее использование его изображения, полученного при исполнении им профессиональных обязанностей. Актуализируется проблема дисбаланса принципа гласности и открытости судопроизводства и режима конфиденциальности персональных данных судей как спецсубъектов. Цель исследования состоит в выявлении способов защиты своего изображения судьей как спецсубъектом для углубления теоретических знаний. Основные задачи исследования: на основе анализа законодательства о персональных данных, гражданско-правовых норм об охране нематериальных благ, решений квалификационных судебных коллегий и судов общей юрисдикции охарактеризовать способы защиты судьей своего изображения; установить их особенности; сформулировать предложения, направленные на совершенствование охраны фото- и видеоизображений судей при исполнении ими должностных обязанностей и во внесудебной деятельности. Методология включает сочетание приемов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также совокупность частнонаучных и специально-юридических методов, в числе которых формально-логический, системно-аналитический, формально-юридический, метод анализа и обобщения судебной практики. Результаты исследования сформулированы в выводах и предложениях, способствующих повышению эффективности реализации права судьи на защиту своего изображения. В законодательстве нет норм, запрещающих фото- и видеосъемку судей при осуществлении ими правосудия, однако неурегулированность вопроса об обязательности согласия судьи на нее требует внимания правотворца. Полагаем, что при выполнении профессиональных обязанностей допустимо обнародование и дальнейшее использование изображения судьи, если эти действия обусловлены государственным, общественным или иным публичным интересом.

Ключевые слова: изображение, судья, персональные данные, ответственность, судейская этика, социальные сети, внесудебная деятельность.

Номинативные персональные данные судьи (фамилия, имя и отчество) можно найти на официальном сайте судебного органа, и в решениях, вынесенных им. Это требование о сохранении персональных данных судьи содержится в п. 3 ст. 15 «Особенности размещения в сети

«Интернет»» Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [1], а также в Положении о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» от 27.09.2017 г. (п. 3.2 в п. 3.2, 3.3 ст. 15) [9]. В отличие от других участников судопроизводства (истец, ответчик, третье лицо, гражданский истец, гражданский ответчик) они не удаляются из текста судебных актов перед размещением в открытых источниках, не подлежат замене инициалами, псевдонимами или прочими обозначениями [19, с. 51].

Вместе с тем согласно ст. 9 «Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе» Федерального закона от 20.04.1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» для обеспечения безопасности судьи может быть наложен запрет на распространение информации, содержащей сведения о нем, и выдачу находящихся у оператора его персональных данных. Исключения здесь составляют случаи согласия самого судьи на распространение или выдачу его персональных данных или они устанавливаются в связи с производством по уголовному делу, в порядке гражданского и (или) административного судопроизводства, а также в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции, об оперативно-розыскной деятельности [2]. Подобные меры продиктованы соображениями обеспечения безопасности судей, членов их семьи, их имущества в связи с высокими рисками использования персональных данных для совершения посягательств против них [10, с. 90]. К примеру, после вынесения коллегией судей Донецкого городского суда Ростовской области приговора в отношении военнослужащей ВСУ Надежды Савченко за убийство российских журналистов, их фотография, сделанная украинским журналистом, попала в открытый доступ [15], а Генеральная прокуратура Украины возбудила против них уголовное дело за заведомо неправосудное решение [17]. В 2010 г. был застрелен судья Мосгорсуда Э. Чувашов, председательствующий по резонансным уголовным делам. Преступники знали о месте его жительства графике работы, поскольку убийство было совершено на одном из этажей в подъезде дома, когда судья направлялся на работу [42]. В этой связи становятся актуальными вопросы защиты персональных данных судей, включая изображение, позволяющее провести их идентификацию [25, с. 365]. В юридической литературе теме защиты судьи от незаконных действий с его персональными данными (фотографией или видеоизображением) при выполнении служебных обязанностей и во внесудебной деятельности посвящено небольшое количество трудов. Большая часть из них раскрывает

проблемы этического поведения судьи при отправлении правосудия и во внесудебной деятельности – в социальных сетях и других интернет-ресурсах, где представители Фемиды размещают личную информацию [26, с. 3; 27, с. 93; 20, с. 139; 12, с. 27]. По этим основаниям автор избрал тему настоящего исследования.

Фотографии судей, в том числе пребывающих в почетной отставке, как и другие персональные данные, подлежат обработке с использованием средств автоматизации и без них. Правовой механизм обеспечения безопасности персональных данных судей при их обработке регламентируется Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – закон о персональных данных) [3] и постановлением Правительства РФ от 21.03.2012 г. № 211 (ред. от 15.04.2019 г.) «Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом “О персональных данных” и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами» [4]. Действует и приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ о порядке обработки и защиты персональных данных судей [9].

Следуя рекомендациям Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 02.06.2010 и, изложенным в Памятке по мониторингу состояния интернет-сайтов судов общей юрисдикции, на сайтах не рекомендуется размещать конфиденциальные сведения судей (телефон, домашний адрес) (п. 1.12.), их служебные телефоны (в свободном доступе находятся телефоны помощников (1.13.). Что касается фотографии судей, кроме официальной фотографии председателя суда, с его разрешения могут быть опубликованы коллективные (официальные) фотографии судейского корпуса (п. 1.14.) [22]. Иными словами, вся информация о судьях (фотографии, персональные данные, телефоны) как спецсубъектах, находящихся под особой государственной защитой, отнесена к категории конфиденциальной. Какие личные данные о судье, как специальном субъекте, подлежат размещению на официальных сайтах судов? Это сведения об ученой степени, ученом или почетном звании, а также по решению самого судьи другая информация, которая не противоречит требованиям обеспечения его безопасности. В то же время с учетом открытости и гласности судопроизводства фото- и видеоизображения судей при отправлении правосудия нередко публикуются средствами массовой информации при освещении резонансных процессов. К примеру, фотографии судей Мосгорсуда, отказавших депутату столичной думы в снятии статуса иноагента, попали в Глобальную сеть, в связи с чем журналисты одного российского интернет-издания подверглись критике, а позже материал был заблокирован на территории РФ по требованию Роскомнадзора. А пресс-служба Краснодарского

краевого суда замазала лица тройки судей, которые вынесли приговор по делу о государственной измене, когда осужденный передал ВСУ данные о военном аэродроме [35]. В каком случае размещение в открытом доступе фотографии судьи, сделанной в судебной заседании, является правонарушением?

Отдельного ограничения, а тем более прямого запрета именно на видео- или фотосъемку судей ни один правовой акт не предусматривает, однако если судья по делу не дает согласия на нее, то участники процесса, журналисты, блогеры и присутствующие не могут ее осуществлять. Нормы о гласности в каждом процессуальном кодексе устанавливают только правила съёмки в судах, не уточняя, какие требования предъявляются к фиксации участников судебных заседаний. Так, согласно ч. 7 ст. 10 «Гласность судебного разбирательства» Гражданского процессуального кодекса РФ кино- и фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» допускаются с разрешения суда. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [6] также не дал каких-либо разъяснений. Напротив, в постановлении Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 г. № 61 (ред. от 04.04.2014 г.) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» [7] говорится о том, что согласия гражданина на обнародование и дальнейшее использование его изображения в соответствии со ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) не требуется в случае проведения кино-, фотосъемки, видеозаписи или трансляции судебного заседания арбитражного суда. А в ч. 1 ст. 6 Закона о персональных данных предусмотрено, что при участии лица в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах согласия на обработку его персональных данных не требуется. К тому же в конкретном суде могут действовать Правила пребывания посетителей, разработанные с учетом постановления Совета судей РФ от 07.12.2023 г. № 32 «О Типовых правилах пребывания посетителей в судах» [33]. Иными словами, действующие нормативные акты не содержат каких-либо правил в части фотографирования участников процесса, включая состав суда. При этом судьи, даже будучи в статусе председательствующего по делу, т. е. при исполнении своих обязанностей, запрещают снимать на фото- и видеоаппаратуру не только их, но и присяжных заседателей. «Судьи просто не хотят попадать в новости, поэтому нередко запрещают снимать себя в громких процессах, к которым приковано внимание общественности. Это судебные процессы по делам, связанным с организованной преступностью, терроризмом, серийными убийствами» [38]. Эксперты объясняют такую позицию обеспечением безопасности,

ведь качественные фотографии позволяют отследить перемещение любого человека через систему распознавания лиц, а заказать такую информацию можно через Даркнет [28, с. 103].

Для защиты своего изображения судьи, как и другие граждане, в зависимости от обстоятельств при подаче иска могут использовать положения гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» [23, с. 47; 46, с. 45; 14, с. 65; 11, с. 107; 32, с. 57; 40, с. 62]. При обнародовании или использовании изображения судьи без его согласия в соответствии со ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» ГК РФ он может обосновать свой иск и тем, что незаконными действиями ответчика нарушены и другие личные неимущественные блага судьи – неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство, деловая репутация, доброе имя и др. [18, с. 57]. Если же говорить о способах защиты изображения обычных граждан и судей, то согласно ст. 152.1 ГК РФ они универсальны, не различаются в зависимости от должностного положения лица, чье право на изображение судьи, как и другие персональные данные, при наличии оснований подлежит защите и уголовным, и административным законодательством [41, с. 11]. Думается, при решении вопроса об ответственности за неправомерные действия в отношении изображения судьи средства охраны следует разделять в зависимости от того, при каких обстоятельствах была сделана фотография, кто ее автор, что запечатлено на ней, связана ли фотография с поведением судьи во внесудебной деятельности или с осуществлением служебной деятельности.

Как показал контент-анализ сети Интернет на предмет сообщений СМИ о фактах обнародования фотографий судей, а также поисковых сервисов, содержащих информацию по решениям российских судов по делам о защите права на охрану изображения, судьи, как правило, не выступают истцами по делам этой категории. За защитой своих прав они обращались в прокуратуру, а прокурором решался вопрос о возбуждении уголовного дела либо дела об административном производстве по признакам правонарушения, предусмотренного ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [37]. В 2021 г. ст. 17.13 КоАП РФ, ранее называемую «Разглашение сведений о мерах безопасности», конкретизировали, и на ее основе была сформулирована новая редакция правонарушения. Теперь она предусматривает ответственность за незаконное распространение сведений (сбор, передача (распространение, предоставление, доступ) персональных данных) о защищаемых лицах, т. е. спецсубъектах, включая судей [5].

Пределы допустимого поведения судей при осуществлении правосудия с учетом специального статуса установлены Кодексом судейской этики. Судья должен руководствоваться положением о том, что смысл и содержание деятельности органов судебной власти

определяет судебная защита прав и свобод человека и гражданина [29, с. 358]. Что касается внесудебной деятельности, то и здесь существуют ограничения. Судья не должен заниматься теми ее видами и участвовать в тех публичных мероприятиях, которые препятствуют ему в исполнении профессиональных обязанностей, оказывают негативное влияние на его независимость и беспристрастность, выходят за рамки ограничений, предусмотренных законом о статусе судей в РФ (п. 3 ст. 14 Кодекса судейской этики). Виртуальная активность в социальных сетях или даже наличие собственных страниц в Интернете стали неотъемлемой частью жизни, в том числе и российских судей. В современный век высоких технологий и социальных сетей судьи, как и обычные пользователи, регистрируют аккаунты для онлайн-коммуникации, используют мессенджеры и телеграм-каналы, где размещают свои персональные данные, и в том числе личные фотографии. Комиссия Совета судей по этике в своем решении пришла к выводу о ненарушении судейской этики в случае ведения судьями во вне рабочее время своих каналов в веб-приложениях «Яндекс» и «Телеграм». Судьи на безвозмездной основе также могут готовить в них публикации, участвовать в аудиозаписи бесед на юридические темы, обсуждать правовые вопросы с другими судьями и правоведами [21].

Согласно действующим положениям Кодекса судейской этики, использование судьями информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети и иные способы телекоммуникации, должно подчиняться его требованиям (п. 4 ст. 14 «Принципы осуществления внесудебной деятельности») [30, с. 38]. Говоря о судьях и социальных сетях, председатель Совета судей РФ В.В. Момотов отметил, что судьи должны самостоятельно определять и ограничивать свое присутствие в социальных сетях [16].

При обнаружении контента, не соответствующего представлениям о нормах публичного поведения судьи, которое нанесло урон авторитету судебной власти, решается вопрос о дальнейшем пребывании судьи на своей должности. Нарушение требований этики в поведении судьи в виртуальном пространстве несовместимо с высоким статусом [47, с. 123; 44, с. 211]. К примеру, размещение судьями своих личных фотографий фривольного характера, характеризующих их частную жизнь, и с сомнительными подписями оценивается как пренебрежительное отношение к окружающим, демонстративное игнорирование ими норм морали и нравственности. Примерами такого поведения судей в частной жизни изобилует интернет [24; 34]. Так, Комиссия по судебной этике при совете судей республики Бурятия приняла решение о прекращении статуса в отношении федеральной судьи Л., личные фотографии которой попали в сеть. В социальной сети «ВКонтакте» служитель Фемиды разместила разные фотографии, на которых она, находясь в ресторане, держит бутылку водки, отпивает из

нее, облизывает или целует. Согласно выводам комиссии, «открытая демонстрация судьей употребления алкоголя во внеслужебное время свидетельствует о нарушении норм судейской этики, так как данные действия судьи находятся в противоречии с высокими нормами судейской этики» [45]. Как выяснилось позже, фотографии с аккаунта экс-судьи были растиражированы блогерами и журналистами в отместку за осуждение местных активисток по статье об экстремизме. Они были выложены в публичный доступ и снабжены комментариями, застрагивающими честь и достоинство Л. В СМИ появилось интервью, в котором Л. заявила о намерении подать в суд на тех, кто первоначально на сайтах и в блогах опубликовал ее фотографии с оскорбительными комментариями. Она подготовила иск о защите чести и достоинства с требованием о взыскании компенсации за моральный ущерб, поскольку виновные представили ее «алкоголичкой, клоуном и женщиной легкого поведения» [43]. Поиск в системе ГАС «Правосудие» по установочным данным истца и основаниям иска показал, что такое дело в судах по существу не разрешалось.

Влияет опубликование собственных фотографий судьей и на решение вопроса о его назначении на должность. Например, Высшая квалификационная коллегия судей при отборе кандидатов на судейские должности на выездной сессии в Крыму отказалась рекомендовать судью М. Поводом для отказа послужила фотография, которую М. разместил в соцсети «ВКонтакте», когда он был в образе пьяного полуобнаженного пирата с татуировкой и подбитым глазом. Как пояснил претендент, фотография была сделана несколько лет назад на капустнике с детьми и супругой, где он изобразил пирата. Коллегия не дала М. рекомендацию по причине умаления авторитета судебной власти [36].

Судьи, лишённые своего статуса из-за допущенных нарушений судейской этики при публикации своих фотографий, как правило, ограничиваются жалобой на решение квалификационных коллегий в Верховный Суд РФ. Как показывает анализ решений Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ и квалификационных коллегий субъектов РФ, если судья при отправлении правосудия нарушает закон «О статусе судей», он лишается полномочий. По мнению членов коллегий – представителей судейского корпуса, судья должен избегать любых поступков, способных причинить ущерб его репутации, а также умаляющих авторитет судебной власти [31].

В судебные органы за защитой права на изображение при его обнаружении или использовании третьими лицами, если оно явилось основанием для лишения их должности, судьи также практически не обращаются. Мониторинг судебной практики показывает, что такие решения единичны, однако имеются и исключения. Так, судья П. в своем профиле в социальной сети «Одноклассники» разместила

фотографию из зала судебного заседания с молотком в руке на фоне государственных символов. Изображение она сопроводила комментарием: «Дам по лбу всем, кто будет на меня наезжать». На другой фотографии П. запечатлена в судейском кресле, положив ноги на стол, за которым она осуществляла рассмотрение дел. Фотографию со статуэткой Фемиды на фоне герба России судья подписала: «Мне не важно, что вы обо мне думаете. Меня это не радует и не огорчает». Всего в открытом доступе П. разместила 170 своих фотографий. Пикантные фотографии в соцсети увидела жительница района, которая участвовала в качестве истца по делу, связанному с земельным спором, где председательствовала П. Она и направила ксерокопии фотографий, размещенных на личной странице судьи в сети Интернет, в Верховный Суд РФ. В квалификационной коллегии судей Краснодарского края при рассмотрении жалобы заявительницы П. пояснила, что фотографии были получены с личной страницы в режиме приватности без ее согласия, что нарушает неприкосновенность судьи. Судьи приняли решение о досрочном прекращении П. полномочий с лишением квалификационного класса и отказали в удовлетворении ее заявления об уходе в почетную отставку [13]. И тогда П. обратилась в суд, заявив иск о защите права на неприкосновенность частной жизни, права на изображение и о взыскании компенсации морального вреда. Отвергая приведенные доводы истицы, Новопокровский районный суд Краснодарского края указал, что спорная фотография была выставлена на сайт самой истицей, ее могли видеть все желающие. Направление ответчицей фотографий в Высшую квалификационную коллегию судей РФ не является вмешательством в частную жизнь, унижением чести и достоинства. На фотографиях истица находится в зале судебного заседания при демонстрации своего статуса, что нельзя признать ее частной жизнью. Истица лишилась работы в результате совершения дисциплинарного проступка, выразившегося в использовании символов государственной власти и зала судебного заседания для осознанной демонстрации, что было отображено в серии фотографий, которые не направлялись ответчицей, а находились в открытом доступе. Суд отказал П. в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, отметив, что нет причинно-следственной связи между нравственными переживаниями П., связанными с потерей работы, и направлением фотографии ответчицы в коллегию судей РФ [39].

Подводя итоги исследованию, можно сделать вывод о том, что персональные данные судей как лиц, наделенных особым статусом и находящихся под государственной защитой, охраняются специальным федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами. Законодательно не установлен прямой запрет на фото- и видеосъемку судей при осуществлении ими правосудия лицами, присутствующими в открытом судебном заседании, в том числе не

являющимися участниками процесса или представителями СМИ. Исследованные нормативные акты предписывают получение разрешения у председательствующего судьи на видео- и фотосъемку в открытом судебном заседании. При этом Закон о персональных данных позволяет не испрашивать согласия на обработку персональных данных участников судебных заседаний, а обработка включает в том числе публикацию и использование личных биометрических данных. В этой связи следует установить четкие правила (требования) в отношении съемки состава суда, обнародования и дальнейшего использования фото- и видеоизображения судьи при отправлении правосудия. Представляется неверным ставить в зависимость от мнения судьи право распространять его изображение при отправлении им правосудия, т. е. при осуществлении профессиональной деятельности, поскольку освещение судебных процессов, особенно резонансных, осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах. К тому же по положениям ст. 152.1 ГК РФ согласие на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, полученного при съемке, которая проводится на публичных мероприятиях, не требуется. Законодателю следует разрешить имеющийся дисбаланс принципа гласности и режима конфиденциальности персональных данных судей, установив четкие правила в части фото- и видеоизображения председательствующих по делу с учетом обеспечения их безопасности. Во внесудебной деятельности любые действия, связанные с распространением и использованием изображения судьи, требуют получения его согласия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2008. 31 декабря.
2. Федеральный закон от 20.04.1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // РГ. 1995. 26 апреля; 2023. 29 декабря.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023 г.) «О персональных данных» // РГ. 2006. 29 июля; 2023. 9 февраля.
4. Постановление Правительства РФ от 21.03.2012 г. № 211 (ред. от 15.04.2019 г.) «Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами» // СЗ РФ. 2019. № 16. Ст. 1957.
5. Федеральный закон от 11.06.2021 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // РГ. 2021. 17 июня.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // РГ. 2012. 19 декабря.

7. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 г. № 61 (ред. от 04.04.2014 г.) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.

8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 14.03.2011 г. № 47 «Об утверждении Инструкции о порядке обработки и защиты персональных данных судей районных, городских, межрайонных судов, гарнизонных военных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Алихаджиева И.С. Криминологические риски персональных данных: основные тенденции и прогнозы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13 (3). С. 90–101.

11. Аблятипова Н.А., Цыганова Д.С. Проблемы охраны изображения человека в гражданском законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2019. № 14. С. 107–116.

12. Бурдина Е.В. Интересы судей как элемент нормативно-правовой конструкции судейского сообщества в Российской Федерации // Администратор суда. 2013. № 1. С. 27–29.

13. Верховный Суд РФ признал законным увольнение судьи за фото в соцсети [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/09/03/uvolnenie.html?ysclid=lvttptsi9w252612186> (дата обращения: 22.04.2024).

14. Вишнепольская И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 65–73.

15. Впервые опубликована фотография судей, осудивших Савченко [Электронный ресурс]. URL: https://loft36.de/ukraina/393034_foto.html?ysclid=lvtkumj6234076300 (дата обращения: 03.04.2024).

16. Выступление Председателя Совета судей РФ В. В. Момотова на втором заседании клуба имени Замятнина по теме «Судья и социальные сети»: Совет судей Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/28718> (дата обращения: 14.04.2024).

17. Генпрокуратура Украины возбудила дело против приговоривших Савченко судей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56f26afa9a7947efeb21db1c> (дата обращения: 03.04.2024).

18. Гришаев С.П., Николаева А.А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 9 (440). С. 57–64.

19. Ельчанинова Н.Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 50–53.

20. Ёркина Т.Н. Поведение судьи во внесудебной деятельности. Анализ основных научных позиций // Закон и право. 2020. № 5. С. 139–141.

21. Заключение комиссии Совета судей Российской Федерации по этике от 24.05.2023 № С/КЭ-4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrf.ru/dokumenty/zakliucheniia/52962> (дата обращения: 25.04.2024).

22. О направлении памятки по мониторингу состояния интернет-сайтов (вместе с «Памяткой», утв. Судебным департаментом при Верховном Суде РФ 02.06.2010): письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.06.2010 № СД-АП/1199 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Ильютович Д.А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 47–52.

24. Мировой судья опубликовал в социальной сети свое фото в нацистской форме [Электронный ресурс]. URL: <https://zasudili.ru/news/lvt5lex356577539069> (дата обращения: 03.04.2024).

25. Михайлова Л.С. Меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в судах: правовой аспект // Образование и право. 2023. № 8. С. 365–371.

26. Михайлов В.К. Отдельные требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, как угроза независимости судебной власти // Администратор суда. 2019. № 1. С. 3–7.

27. Мельник С.В., Надтачаев П.В. Внеслужебная деятельность судьи: правовой и нравственный аспекты // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 93–96.

28. Мазаев Д.В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 103–113.

29. Мельник С.В. Соотношение правовых и нравственных начал поведения судей РФ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 358–360.

30. Муратов Р.Е. Этические нормы в деятельности судьи: проблемные положения нового Кодекса судейской этики // Армия и общество. 2014. № 6 (43). С. 38–43.

31. Не умеете – не пользуйтесь»: судья поплатилась за картинки во «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/court_report/view/137507/?ysclid=lvtxqrxngo983524674 (дата обращения: 05.04.2024).

32. Николаева А.А. Проблемы правовой охраны права на изображение // Хозяйство и право. 2013. № 6. С. 57–64.

33. О Типовых правилах пребывания посетителей в судах: постановление Совета судей РФ от 07.12.2023 № 32 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Опубликовано компрометирующее фото «золотой» судьи Хахалевой [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/37466300> (дата обращения: 05.04.2024).

35. По делу о госизмене в Краснодаре осужден житель Ростовской области: передавал ВСУ данные по аэродрому [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vkpress.ru/life/?id=169794&ysclid=lvwmqj5wdl911440774> (дата обращения: 05.04.2024).

36. Полуобнаженный пират не стал российским судьей [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/court_report/view/111935/ (дата обращения: 05.04.2024).

37. Постановление по делу об административном правонарушении [Электронный ресурс]. URL: <https://n-pdn.ru/judicial/content/razmeschenie-fotoizobrazhenija-dolzhnostnogo-litsa-na-stranitse-v-sotsialnoy-seti/?ysclid=lv44bmncl4679532103> (дата обращения: 05.04.2024).

38. Почему судьи боятся фотокамер? [Электронный ресурс]. URL: <https://sota.ge/legal-news/pochemu-sudi-boiatsia-fotokamer> (дата обращения: 05.04.2024).

39. Решение Новопокровского районного суда Краснодарского края от 21.05.2015 по делу № 2-268/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-23RS0035-2-268-2015-2015-04-10-0-0/> (дата обращения: 05.04.2024).

40. Ступина С.А. Отдельные вопросы защиты права гражданина на изображение // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 62–67.

41. Серенко С.Б., Пугачева Н.В. Обработка и защита персональных данных судей и государственных гражданских служащих судебной системы: взаимодействие публичных и частных интересов // Администратор суда. 2023. № 4. С. 11–15.

42. Судью приговорили в подъезде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/24471.5/630656/> (дата обращения: 02.04.2024).

43. Судья, уволенная за фото в ВКонтakte, хочет судиться с блогерами и СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20110308/343786135.html?ysclid=lvuu85rl6h491014202> (дата обращения: 05.04.2024).

44. Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Некрасов С.Ю. Дисциплинарная ответственность судей // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. С. 211–217.

45. Федерального судью уволили из-за скандальных фото в социальной сети [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25635/800088> (дата обращения: 17.04.2024).

46. Фридман В.Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.

47. Факеева Л.Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. № 1. С. 123–132.

Об авторе:

ЕЛИЗАРОВА Марина Юрьевна – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305016, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94), e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Exercising a judge's right to protect his image

M.Y. Elizarova

Southwest State University, Kursk

The article discusses the issues of protecting the image of a judge (photo and video) by civil law and legislation on personal data. There is an unresolved issue of the judge's consent to the publication and further use of his image obtained in the performance of his professional duties. The problem of imbalance of the principle of publicity and openness of legal proceedings and the regime of confidentiality of personal data of judges as special subjects is being actualized. The purpose of the study is to identify ways to protect your image by a judge as a special subject to deepen theoretical knowledge. Objectives: on the basis of an analysis of legislation on personal data, civil law on the protection of intangible goods, decisions of qualification judicial boards and courts of general jurisdiction, to characterize how a judge protects his image; establish their features; formulate proposals aimed at improving the protection of photo and video images of judges in the performance of their official duties and in extrajudicial activities. The methodology includes a combination of methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as a combination of private scientific and special-legal methods, including formal-logical, system-analytical, formal-legal, method of analysis and generalization of judicial practice. The results of the study are formulated in conclusions and proposals that contribute to improving the effectiveness of the implementation of the judge's right to protect his image. Conclusion. There are no norms in the legislation prohibiting the photo and video filming of judges in the exercise of justice, but the unresolved issue of the mandatory consent of the judge to it requires the attention of the creator. We believe that in the performance of professional duties, it is permissible to publish and further use the image of a judge, if these actions are due to state, public or other public interest.

Keywords: *image, judge, personal data, liability, judicial ethics, social media, extrajudicial activities.*

About author:

ELIZAROVA Marina – Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University (305016, г. Kursk, 50 лет Октябрь ст., 94), e-mail: marina-elizarova-2016@mail.ru

Елизарова М.Ю. Реализация права судьи на защиту своего изображения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 168–180.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Комплексная законодательная конструкция опосредования конституционного права на жилище

П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье дается правовая и нормативно-техническая оценка юридической конструкции конституционного права на жилище в Российской Федерации применительно ко всем уровням правовой системы с учетом позиций ученых-юристов и подходов, сформированных на основании правоприменительной практики. Определены существующие противоречия и пробелы в действующем законодательстве.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное право на жилище, юридическая конструкция, опосредование.

Конституционное право на жилище, закрепленное в тексте ст. 40 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) в ее юридико-конструктивном триединстве состоит из равных по значимости, но разнообразных по правовой направленности составляющих, а именно: декларация самого конституционного права на жилище, включая обозначение недопустимости его произвольного умаления; корреспондирующее требование для органов государственной власти и органов местного самоуправления; целеполагание публично-властного поощрения жилищного строительства, создание условий для осуществления права на жилище.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 01.02.2021 г. № 3-П указал, что «признавая право каждого на жилище, статья 40 Конституции РФ возлагает на органы государственной власти и местного самоуправления создание условий для осуществления этого права и предусматривает возможность предоставления жилища малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в нем, бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами [2]», что, в свою очередь, проистекает логическим, юридико-техническим каскадом из декларации первого предложения ч. 1 ст. 40 Конституции РФ, развивая идею необходимости реализации конституционного права на жилище в отечественной социально-правовой действительности, не оставляя указанное право только лишь «на бумаге», но воплощая его «в жизнь».

Безусловно, право на жилище в его юридико-конструктивной идентичности и специфике невозможно без актов позитивного характера, таких как отраслевое кодифицированное российское законодательство. В этом отношении среди федерального уровня следует выделить Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), регулирующий, в частности, правоотношения, связанные с наймом жилого помещения, а также определяющий в цивилистическом понимании право собственности и другие вещные права на жилые помещения.

О.Г. Барткова отмечает, что сам по себе договор приватизации жилого помещения, как раз-таки с юридико-технической и юридико-конструктивной точек зрения, определенным образом имеет некоторые признаки публичного договора, конструкция которого закреплена в ст. 426 ГК РФ [3]. Бесспорно, эта конструкция приспособлена для отношений, где в качестве стороны выступает коммерческая организация. Но сближает рассматриваемый договор с публичным правом то, что собственник жилого помещения не вправе отказать гражданину, имеющему определенный статус в заключении договора приватизации жилого помещения, кроме случаев, предусмотренных законом. В результате О.Г. Барткова приходит к справедливому выводу о том, что действие принципа свободы договора как основополагающего в договорном праве ограничено в исследуемых отношениях, а именно для собственника жилого помещения, который может быть понужден к заключению договора о передаче его в собственность, что и показывает судебная практика. Большинство условий такого договора определяется императивными нормами закона [9].

Говоря о юридической конструкции конституционного права на жилище, следует уделить внимание также Градостроительному кодексу РФ (далее – ГрК РФ) и Жилищному кодексу РФ (далее – ЖК РФ), в рамках которых законодатель, например, определяет понятие объекта индивидуального жилищного строительства, что, в свою очередь, соотносится с понятиями жилого дома, индивидуального жилого дома [4]. Фактически данные законодательные акты воплощают «миссию», заложенную в тексте ч. 2 ст. 40 Конституции РФ, а именно требуют создания условий для жилищного строительства со стороны органов государственной законодательной власти в форме принятия положений о жилищном строительстве. Переходя к ЖК РФ, стоит сказать, что в основных началах жилищного законодательства законодатель напрямую утверждает «постулирующий характер» обеспечения конституционного права на жилище органами публичной власти, согласно положениям Конституции РФ, посвященным указанному праву [5]. Соответствующие законодательные положения прямо или косвенно отвечают конституционной установке и задают необходимый для реализации названного права фундамент, пускай и «вторичный».

В Законе Тверской области от 17.04.2006 г. № 39-30 «О предоставлении жилых помещений жилищного фонда Тверской области» определяющее значение получает конкретизация номинально выраженного предоставления [7].

На местном уровне право на жилище в соответствии с требованиями ст. 40 Конституции РФ должно быть обеспечено как и на вышестоящих уровнях правовой системы России. В этой связи Администрацией г. Твери было принято Постановление от 01.10.2019 г. № 1209 «Об утверждении муниципальной программы города Твери “Обеспечение доступным жилищем населения города Твери» на 2021–2026 годы”» [8]. Постановление утвердило программу, целью которой является обеспечение права на доступное жилище в установленный пятилетний срок.

Как непосредственное, так и нормативно опосредованное пользование конституционным правом на жилище (конституционное правоупотребление) должно осуществляться в едином комплексном формате [10].

Говоря об интересующем нас опосредованном правоупотреблении, следует отметить, что, как правило, оно сопряжено с применением нормативных положений значительного круга федеральных законов и иных источников права, выступающих некими «проводниками» между конституционным правом на жилище и актуальной правовой действительностью, в которой данное право воплощается в жизнь, реализуются различными субъектами соответствующих правоотношений. Так, конституционное право на жилище конкретизировано в текстах ЖК РФ [5], Закона РФ от 04.07.1991 г. № 1541-1 (в ред. от 16.10.2012 г.) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [6], законодательства субъектов РФ и ряде других нормативных правовых актов различного уровня. В связи со сказанным, конституционное пользование правом на жилище может выражаться, например, в исполнении обязанностей по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги, т. е. реализации положений п. 5 ч. 2 ст. 153 ЖК РФ, в которых законодатель, основывая свое предписание непосредственно на конституционном праве на жилье, указывает на то, что у собственника жилого помещения с момента возникновения права собственности на такое помещение с учетом правила, установленного ч. 3 ст. 169 ЖК РФ, возникает обязанность своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги.

Опосредованность как характеристика пользования конституционным правом, выражается в том, что, например, при судебном разбирательстве по поводу определения лица, несущего обязанность по внесению платы за жилье и коммунальные услуги, стороны спора будут обращаться к тексту ст. 40 Конституции РФ не прямо, а опосредованно, т. е. воспользуются нормой п. 5 ч. 2 ст. 153 ЖК РФ, регулирующей спорные правоотношения в более узком смысле, нежели текст Конституции РФ [11].

Конституционное правоупотребление в контексте и в рамках установленного Конституцией РФ значения всеобъемлющего с субъектной точки зрения и в то же время емкого в плоскости юридической техники права полномочия имеет определенно двугранный характер. Это не отрицает собственно позитивистский подход, т.е. необходимость для субъектов конституционного правоупотребления руководствоваться нормами закона, регламентирующими узконаправленные аспекты конституционного права на жилище, но актуализирует сущностный взгляд на это право, раскрывает его теоретико-правовое (метафизическое) значение, выражающееся во всеобъемлющем, многогранном и практико-разностороннем осуществлении.

Объединяя сказанное в отношении юридической конструкции конституционного права на жилище, можно заключить, что оно реализуется на всех уровнях отечественной правовой системы, включая местный уровень, как в формальных законодательных установлениях, так и специальных программных положениях, выверенных по срокам и задачам. При этом, к сожалению, реальные социальные и экономические потребности людей, имеющих право на жилище, но самого жилища не имеющих, проживающих в ветхом и аварийном жилище, такое комплексное опосредование правоупотребления удовлетворяет далеко не всегда.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2021 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Г.» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон РФ от 04.07.1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Закон Тверской области от 17.04.2006 г. № 39-ЗО «О предоставлении жилых помещений жилищного фонда Тверской области» (принят Законодательным Собранием Тверской области 30.03.2006 г.) // Тверские ведомости. 2006. № 17 (19 апреля), специальный выпуск.
8. Постановление Администрации г. Твери от 01.10.2019 г. № 1209 «Об утверждении муниципальной программы города Твери "Обеспечение

доступным жильем населения города Твери» на 2021–2026 годы» // Официальный сайт Администрации г. Твери [Электронный ресурс]. URL: https://www.tver.ru/documents/417155/?sphrase_id=5770798 (дата обращения: 05.05.2024).

9. Барткова О.Г. О правовой природе и существенных условиях договора о передаче жилого помещения государственного и муниципального жилищных фондов в собственность гражданина // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 4. С. 14–25.

10. Крусс В.И. Конституционное правоупотребление и конституционное правопонимание // Проблемы понимания права. Вып. 3: Право России: новые подходы: сб. науч. ст. / ред. В.Г. Графский [и др.]. Саратов, 2007. С. 311–339.

11. Крусс В.И. Русский язык, Конституция России и проблемы правопонимания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 137–144.

Об авторе:

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – аспирант 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» профиль «Теория и практика конституционного правоупотребления», e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

A comprehensive legislative framework for the mediation of the constitutional right to housing

P.A. Feoctistov

Tver State University, Tver

The article provides a legal and normative-technical assessment of the legal structure of the constitutional right to housing in the Russian Federation in relation to all levels of the legal system, taking into account the positions of legal scholars and approaches formed on the basis of law enforcement practice. The existing contradictions and gaps in the current legislation are identified.

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation; the constitutional right to housing, legal construction, mediation.*

About author:

ФЕОКТИСТОВ Павел – is a graduate student of the 1st year of the Faculty of Law in the field of training 40.04.01 "Jurisprudence" profile "Theory and practice of constitutional law enforcement", e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

Феоктистов П.А. Комплексная законодательная конструкция опосредования конституционного права на жилище // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 181–185.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственной университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 3 (79), 2024

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 23.09.2024. Выход в свет 27.09.2024.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,27.

Тираж 500 экз. Заказ № 208.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственной университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*